

ВСЕСЛАВ СОКОЛОВ

ИМПЕРИЯ КОНТРАКТОВ

НАСЛЕДНИК ПАРАДОКСА

Всеслав Соколов

**Империя контрактов:
Наследник Парадокса**

«Автор»

2026

Соколов В.

Империя контрактов: Наследник Парадокса / В. Соколов —
«Автор», 2026

В Империи каждый аристократ заключает контракт с сущностью. Сила - это договор, статус - это контроль, и только пустышки остаются ни с чем. Я должен был оказаться среди них. На вступительном испытании сфера должна была подтвердить, что во мне нет дара. Вместо этого она закричала - так, что замолчал весь зал. Никто не понял, что произошло. Даже преподаватели. Меня не отчислили. Меня оставили. Теперь у меня есть контракт. Только это не сила, которой можно гордиться. Мой дух не подчиняется правилам, не требует платы и ведёт себя так, будто знает этот мир лучше всех нас. Рядом со мной начинают искажаться чужие контракты, а в академии, где каждое место уже давно распределено, я становлюсь проблемой, которую никто не может объяснить. Мне придётся разобраться, с чем именно я связался. Потому что если я ошибусь, это будет уже не моя личная катастрофа. И, возможно, не только академии.

© Соколов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	79
Глава 14	86
Глава 15	92
Глава 16	98
Глава 17	104
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Всеслав Соколов

Империя контрактов: Наследник Парадокса

Глава 1

Воздух в зале Императорской академии пах дорогими духами и деньгами.

Я стоял в третьем ряду первокурсников и чувствовал, как по спине бежит струйка холодного пота. Форменный мундир академии висел на мне мешком — достался от старшего брата и потому заставлял чувствовать меня ещё неудобнее.

Слева от меня стоял упитанный графчик из Рязани, весело хохотавший над какой-то безделицей. Он уже похвастался перед будущими сокурсниками, что заключил контракт с родовым огнём. С другой стороны от меня стояла голубоглазая аристократка, сжимавшая в руках амулет с голубым камнем, в котором билась ледяная сущность. Практически у всех первокурсников в нашей толпе были свои контракты с различными сущностями. И все они знали, на какой факультет их отправят. У всех были сущности. Кроме меня.

Первокурсников по одному вызывали к большой чёрной сфере, стоявшей в центре зала. Студенты уверенно подходили, касались сферы рукой и распорядитель мощным голосом объявлял:

— Контракт третьего уровня. Факультет подчинения

— Первый уровень. Факультет Объединения.

— Всеслав Соколов, к барьеру!

Я даже не успел испугаться, как толстяк-граф шепнул мне:

— Топай, тебя вызывают.

Ряды первокурсников забурили, зашептались. Я не был удивлён этому. Я кожей почувствовал презрение, разлившееся по залу. Почти явственно услышал: «Соколовы Папаша всё промотал Контракта нет Пустышка»

Я на деревянных ногах выбрался из толпы и добрался до чёрного шара.

— Положите руку на сферу, — мощный голос распорядителя не дал ни одного мгновения на размышления.

Я с опаской прикоснулся к ледяной сфере. Разряд тока пробежал между моими пальцами и сферой. В голове моей зазвучал безумный смех, который практически тут же прервался.

Очнулся я лежащим на жёстком мраморном полу. Потолок почему-то вращался перед глазами, в голове стучала молотом кровь. Чьи-то руки подняли меня и поставили на ноги, которые не особо хотели слушаться, словно это были не мои собственные конечности, а набитые ватой мешки.

Я поднял голову и посмотрел на ряды собравшихся в зале аристократов. Практически у всех на лицах смешивались отвращение и страх. Страх начал сковывать и меня. Неужели сфера не приняла меня. Братья рассказывали, что так иногда бывает, если в академию приходит полная бездарность и ни один из духов не хочет заключать с ним контракт.

Я перевёл взгляд на человека, державшего меня под руку. Это был один из преподавателей. Его добрые глаза смотрели на меня с сочувствием.

— Иди на своё место, — тихо сказал он, — комиссия решит, что с тобой делать.

Переставляя деревянные ноги, я двинулся к толпе первокурсников, которая отшатнулась от меня, как от прокажённого. Я встал на своё место. Граф из Рязани пытался не смотреть на

меня. Он отодвинулся, почти прижимаясь к своему соседу. Только аристократа смотрела на меня с сочувствием. Она единственная, кто не отшатнулась.

— Меня зовут, Ида, — она протянула мне руку, которую я осторожно пожал.

Как только я вернулся в ряд студентов, зал забурился. Во всеобщем гвалте я никак не мог понять, что случилось.

— Простите, Ида, а что произошло? — обратился я к своей новой знакомой.

Девушка удивлённо вскинула брови.

— А вы не поняли?

Я развёл руки.

— Если честно, то нет. Я дотронулся до сферы, а потом я оказался на полу.

— На самом деле полностью никто ничего не понял. Мне кажется, даже преподаватели в замешательстве. Вы коснулись сферы и она, — девушка замялась, — она закричала. Словно вы причинили ей боль.

Тем временем в зале всё снова смолкло. Вперед вышел распорядитель и громко, торжественно заговорил:

— Студент Всеслав Соколов будет зачислен в Императорскую Академию на особых условиях. Он не будет числиться ни на одном факультете.

«Отлично, хозяин, теперь мы повеселимся!».

На краю моего сознания зазвучал тихий голос, заставивший меня покрыться ледяным потом. Ида, смотревшая на меня с сочувствием, придвинулась ко мне и положила горячую руку мне на предплечье.

— Не расстраивайтесь, в конце концов, вы всё же поступили.

Видимо, перемены в моём лице она трактовала, как расстройство, но я был в ужасе.

«Кто ты?» — мысленно обратился я к гостю в моей голове.

«А ты разве не понял?» — зазвучал ехидный смех, — Я дух, с которым ты заключил контракт, можешь звать меня Парадокс».

Он ещё раз хохотнул и умолк. Я пытался к нему обращаться с ещё какими-то вопросами, но ответа не было. Обычно духи контрактов не разговаривают со своими нанимателями, по крайней мере таким образом.

— Госпожа Ида, а что сейчас происходит? — я наконец-то посмотрел в центр зала, где происходило какое-то странное действо. Мужчины в костюмах преподавателей столпились у сферы и одновременно возложили на неё руки.

— Не знаю, я о таком никогда не слышала.

— Они успокаивают духов, которых вы, господин Соколов, соизволили привести в странное состояние. Наверное, вы поразили их своей бесталанностью.

Голос принадлежал высокому хлыщу, стоявшему передо мной. Он повернулся ко мне с ехидной улыбкой.

— Меня зовут Андрей Ланской, сын князя Ланского. Слышали? — тонкая ехидная улыбка не сходила с его уст.

Я вспыхнул. Краска растеклась по лицу. Мне захотелось ударить его по тонкому носу, но вмешался толстяк из Рязани:

— Ваше сиятельство, а я Вас и не признал! — он улыбнулся Ланскому, — как вы похожи на вашу матушку, говорят, она в последнее время сильно нездорова.

Улыбка слетела с лица княжеского отпрыска. Он окинул полного юношу взглядом полным ненависти, но ничего не сказал. Отвернулся и стал смотреть за тем, что происходило в центре зала. Тем временем распределение студентов уже началось.

— Не обращайтесь внимания, господин Соколов, — толстяк наклонился ко мне и прошептал, — говорят, матушка Ланского двинулась умом, и начала бродить по Петербургу чуть ли не нагишом. Они её заперли в какой-то отдалённом монастыре, но говорят, что она оттуда

сбежала. Прошу прощения за мою бестактность, — он хлопнул себя по лбу пухлой ладошкой, — меня зовут Данила Череватов, рад знакомству.

Я пожал руку.

— А вы разве не смотрели на меня как на прокажённого, ваше сиятельство?

Череватов младший слегка стушевался. Я слышал о фамилии Череватовых, у них под Рязанью были обширные земли, которые они успешно сдавали в аренду, также владели парой заводов.

— Прошу прощения, ваша милость. — Череватов понизил голос до едва различимого шёпота. — Я банально испугался. Шум, вспышка Я уж думал — всё, потолок рухнет. Он виновато махнул пухлой ладошкой.

После меня оставалось ещё пять человек, их быстро распределили по факультетам и действие закончилось.

— Студенты! — голос распорядителя разнёсся над забуллившим залом, — у вас есть двадцать минут, чтобы отдохнуть от потрясений и попрощаться с родными. После вы направитесь на факультеты для организационных собраний, потом вас разведут по вашим комнатам в общежитии. Напоминаю, что студенты первого курса без разрешения декана академию покидать не имеют права.

Всё пришло в движение. Забурлила человеческая масса. Первокурсники бросились в толпу, выискивая своих родных, чтобы попрощаться с ними, ведь до каникул с родителями они не увидятся. Я, и несколько моих новых однокурсников остались на месте, нам попрощаться было не с кем. Остался на месте и Череватов.

Он повернулся ко мне и весело улыбнулся:

— Видимо, не так уж и дорожат нами наши родственники, — улыбка у него вышла кривоватой, — мои родители сказали, что устали сюда кататься каждые четыре года, видите ли, пять поездок — это слишком много.

Я удивился:

— Вы шестой ребёнок в семье, граф?

— Да, поэтому от семьи у меня только титул, всё остальное досталось моим братьям, — он окинул взглядом мой поношенный наряд, смутился, — впрочем, жаловаться мне не на что, родители завели для меня специальный счёт. А к вам почему не приехали? По-моему вы из Петербурга?

— Да, с Васильевского, — я думал, говорить ли этому приветливому толстяку о том, что родители меня терпеть не могут, ведь я единственный из семьи, у кого до 12 лет не пробудился так называемый дар, у кого не было контракта, да и что в академию они не хотели меня отправлять, но таков был закон. Дети всех дворян должны пройти обязательно испытание сферой и я его, как ни странно, прошёл.

— Не смогли вырваться, — уклончиво сказал я, — тем более они уже дважды здесь были у моих братьев.

Шестой сын графского рода сочувствующего посмотрел на меня.

— Я вот только не совсем понял, а на какой факультет мне надо идти?

— Думаю, сейчас вы узнаете, — Данила указал подбородком мне за спину, от центра зала ко мне приближался преподаватель, что поднял меня с пола.

— Всеслав Андреевич, как вы себя чувствуете?

— Благодарю Вас! Уже лучше. А что случилось?

— Всеслав Андреевич, как вы себя чувствуете?

Голос был мягким, почти осторожным. Не таким, каким разговаривают с первокурсниками. Скорее — как с чем-то, что может внезапно сломаться.

Или сломать.

— Уже лучше, — ответил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — А что случилось?

Преподаватель на мгновение замялся.

Это длилось меньше секунды, но я успел заметить.

Он не знал.

И это было хуже всего.

— Сфера отреагировала нестандартно, — наконец произнёс он. — Вам следует пройти дополнительное обследование. Прямо сейчас.

— Я заключил контракт?

Вопрос вырвался сам. Преподаватель внимательно посмотрел мне в глаза.

— Это мы и пытаемся понять.

«О, неужели?» — лениво протянул голос в голове. — «А я уже всё понял».

Я стиснул зубы.

— Замолчи.

— Простите? — преподаватель нахмурился, в глазах возник огонёк тревоги.

— Я не вам.

Он ничего не ответил, лишь во взгляде к тревоге примешалась ещё и жёсткость.

— Следуйте за мной.

Он развернулся на каблуках и двинулся к неприметной двери в углу зала. Я последовал за ним.

Преподавателя звали Андрей Семёнович Збарский, преподавал он теорию контрактов. На этом наше общение закончилось. Он вёл меня по широким коридорам академии через многочисленные коридоры академии. Наконец он остановился у неприметной двери и осторожно постучал. Практически сразу из-за двери ответили.

Мы вошли, и Андрей Семёнович тут же низко поклонился. Я последовал его примеру. Когда же я поднял голову, то увидел перед собой старика, сидевшего за огромным письменным столом, заваленным книгами. Старика звали Илья Романович Киреевский, пресветлый князь, двоюродный брат императора, а по совместительству ректор академии. Киреевский мягко улыбнулся и кивнул Збарскому.

— Благодарю вас, Андрей Семёнович. Вы можете быть свободны, мне надо поговорить наедине с нашим самородком.

В голосе старика послышалась лёгкая ирония. Глаза, блестевшие сквозь тонкую оправу очков, смеялись. Андрей Семёнович ещё раз глубоко поклонился и скрылся за дверью, так и не сказав ни слова.

— Здравствуйте, Всеслав, вы не против, если я буду обращаться к вам просто по имени? Позвольте такую вольность старику?

Я ничего не сказал. Лишь настороженно смотрел на старого ректора. О нём ходило много слухов и даже легенд, во что-то верилось, во что-то нет. Говорили, что у него заключены контракты с духами всех стихий, что во время войны он выкашивал целые вражеские дивизии с помощью льда и огня.

— Что же вы оробели, молодой человек? Проходите, садитесь. Может хотите чаю?

Он указал мне на резной стул, стоявший возле стола.

— Благодарю вас, — наконец я совладал с волнением и с достоинством уселся, — пожалуй, обойдёмся без чаю.

— Зря, очень рекомендую, у меня есть замечательный китайский пуэр, но хозяин барин.

Он некоторое время молчал, погрузившись в раздумья и глядя куда-то сквозь меня.

— Всеслав, а он уже с вами говорил?

Внутри меня всё заledenело, руки предательски задрожали, и я поспешил сложить их на колени.

— Да, — прошептал я одними губами, но старику этого хватило.

— Замечательно! — он возбуждённо вскочил, словно молодой мальчишка, и начал расхаживать по кабинету, — просто прекрасно!

Я молчал.

— Понимаете, молодой человек, то, что с вами случилось — это не проклятие и не ваш дефект, как вы, наверное, уже успели подумать, а дар. Такие духи редкость, обычно это бессловесные существа, у которых соображения практически нет.

Я всё ещё ничего не понимал, но в груди моей загорелся огонёк надежды. Неужели я, один из самых слабых и нелюбимых сыновей своего рода буду что-то значить.

Видимо, старик прочитал мои мысли, потому что быстро меня осадил.

— Вы в очень опасном положении, юноша, — ректор пристально посмотрел мне в глаза, — пока вы ничего не знаете, вам надо быть осторожнее. Ибо история знает несколько примеров о молодых людях, оказавшихся в вашем положении. Наверное, вы изучали историю и помните, что случилось около двухсот лет назад.

Я кивнул.

— Ледниковая чума.

— Верно, но мало кто знает, как это произошло. В народе говорят, что из-под земли в центре старой столицы вырвался ледяной дух, но это не так. Вы помните, кто такой Александр Меньшиков?

Я кивнул:

— Конечно, ближайший соратник императора Петра Алексеевича, именно он тогда отражал наступление ледниковой чумы и благодаря ему и его духу наступление смерти удалось остановить. Я читал, что тогда погибло около двадцати тысяч человек, а могло и больше.

Илья Романович усмехнулся, но какой-то горькой усмешкой.

— Это только лишь часть правды, Всеслав, малая и самая красивая. Самая же большая и страшная заключается в том, что именно Светлейший князь Меньшиков этого духа и освободил. Вернее не освободил, а не удержал сначала. Лишь потом, ценой своей жизни ему удалось остановить его. Так что он и герой, и злодей в одном лице. Смерть Меньшикова и разорение Москвы очень сильно повлияли на Императора и на его здоровье, последнее важным его решением стало создание этой академии, но это уже дело прошлого. Как думаешь, зачем я тебе всё это рассказываю?

Я почти не задумался:

— Чтобы я боялся Парадокса.

— Парадокса?

— Да, так зовут духа. Он сам мне сказал.

— Любопытно, — ректор задумчиво покрутил ус, — Я хотел сказать другое. Тебе нужно учиться, Всеслав. (Я не заметил, когда он начал называть меня на ты) Пётр Алексеевич учредил эту академию, чтобы такого больше никогда не случилось. Твоя задача номер один — это понять, что такое духи, как ими управлять и как не попасться на их удочку. А ещё тебе надо выяснить, какие силы у твоего Парадокса.

Взгляд старого ректора вдруг затуманился. Он провёл ладонью по лицу и тихо сказал.

— Это всё, что я хотел вам сказать, студент первого курса Всеслав Соколов, вы найдёте дорогу обратно?

Я быстро встал. Поклонился и ничего не говоря, двинулся к выходу. Но на пороге остановился.

— Илья Романович, прости пожалуйста, но можно вопрос?

Ректор поднял голову, в глазах его действительно плавал белесый туман, сейчас передо мной сидел очень старый, почти древний старик.

— Да, мальчик мой, — тихим, шелестящим голосом спросил он.

— Я смогу совладать с Парадоксом?

Илья Романович покачал головой и прошептал:
— Не знаю, Всеслав, всё в руках Божьих.

Глава 2

Я вышел из кабинета ректора и прислонился к стене. Руки предательски дрожали. В горле образовался противный комок. Было страшно, практически до тошноты. Слова ректора вогнали меня в ужас.

Не верилось, что ректор Императорской академии сам не верит в то, что у меня получится, а надеется на Бога. В последнее время в Империи было не очень модно верить в Бога, тем более среди молодёжи. Идеи, бродившие в обществе, Бога из жизни исключали. Сейчас говорят, что нужно надеяться только на себя, что Богу до наших человеческих проблем опускаться недосуг.

«Ну что же ты так расстроился, – ехидный голос Парадокса вновь возник в моём сознании, – нам с тобой будет очень и очень весело».

Я сжал зубы и прошептал:

— Почему ты выбрал меня?

Парадокс где-то внутри моей головы рассмеялся:

«Не почему, просто мне так захотелось, я слишком долго не выходил в свет, а тут такой шанс».

— Какой?

Но ответа на мой вопрос не прозвучало. Я ещё некоторое время простоял возле стены, пытаюсь успокоить расшалившиеся нервы. Наконец сердце перестало разрывать грудную клетку бешеным стуком, и я поплёлся в главный зал.

Петляя по коридорам академии, я никого не встретил, словно все были на грандиозном празднике, на который меня пригласить забыли. Главный зал с чёрной сферой тоже был пуст. Я ещё некоторое время постоял возле стены, а потом медленно приблизился к сфере.

Её матовая поверхность завораживала меня, я видел, как под её темными стенками происходит какое-то шевеление, проявляются завихрения. Я долго стоял, вглядываясь в эту движущуюся черноту.

— Духи волнуются рядом с вами, — Андрей Семёнович подошёл ко мне со спины бесшумно, от чего я вздрогнул. — Простите, не хотел вас пугать, молодой человек.

— Это из-за моего контракта?

— Скорее всего. Я помню Ваших братьев, Всеслав.

Я заинтересованно посмотрел на него. Братья мне об академии рассказывали много. О том, как здесь здорово, о том, как они веселились и с первого курса уже сбегали ночами.

— Конечно, ни Всеволод, ни Вадим звёзд с неба не хватало, но они были довольно прилежными учениками. И умели налаживать связи, надеюсь, и у вас всё получится. Я слышал, Вадим служит в Министерстве землепользования.

— Да, его недавно повысили, родители очень гордятся. А Всеволод постоянно в экспедициях, сейчас вроде бы занимается освоением полезных ископаемых в Сибири.

— Ну ничего, скоро родители будут гордиться и вами, — улыбнулся Андрей Семёнович, — они не приехали сегодня с вами?

— Нет, — я печально улыбнулся, — не хотели позора и лишнего внимания.

Он ничего не ответил, лишь поджал губы, в глазах читалось что-то вроде сочувствия.

— Пойдёмте, Всеслав, я провожу вас к вашему месту жительства. К сожалению, ректор решил, что вам стоит жить отдельно от основной массы студентов, тем более те живут по факультетам, а у вас факультета нет. Кстати, этим можно гордиться.

— Чем же тут гордиться? — не понял я, — Изгой, не такой как все, даже факультета не нашлось, который смог бы меня принять. Родители будут в восторге.

— Вы слишком хмуро смотрите на жизнь, Всеслав. Это не вы не достойны факультетов, а факультеты не достойны вас. Ну, зачем вам учиться на факультете Подчинения или Объединения, если у вас особенный дух и особенные таланты? У вас будет особая программа, конечно, вы будете посещать общие лекции, в том числе и мои, по контрактам, но думаю, они вам будут не особо полезны.

— Почему?

Мы шагали по широким коридорам на другой конец академии, поэтому времени поговорить было достаточно.

— Не знаю, стоит ли вам говорить, думаю, вас это огорчит, но я не уверен, что вы сможете поменять когда-либо свой контракт, сменить духа. Понимаете, среднестатистический владелец контракта может меня духов, конечно, в пределах своих склонностей, сколько угодно раз. Безусловно, таких безумцев нет, потому что заключение контракта — это весьма трудоёмкий и тяжёлый процесс, но к четвёртому курсу никто не останется со своим первым духом, тем более с духом, с которым контракт был заключён в возрасте девяти или двенадцати лет.

Я ужаснулся.

— То есть я всю жизнь буду с этим духом?

«А ты как думал? Поиграешь и бросишь меня?» — Парадокс тут же подал голос.

— Не обязательно, но думаю, что после того, как вы — он замялся подбирая слова, — сотрудничали с такой интересной сущностью, ни один дух не захочет иметь с вами дело.

Тем временем мы оказались в западном крыле Академии. Здесь было заметно темнее. Светильники попадались через один, а те, что горели, давали тусклое, какое-то болезненно-жёлтое свечение. Воздух пах пылью и старым деревом. Пол под ногами поскрипывал, словно жаловался на редких посетителей. На стенах висели какие-то выцветшие портреты.

— Мило, — не удержался я. — Меня решили изолировать от общества, чтобы я случайно не испортил драгоценных аристократов?

Андрей Семёнович хмыкнул, но ничего не ответил. Мы свернули в длинный узкий коридор с рядом дверей по обе стороны. Почти все они были закрыты, и только в самом конце виднелась одна приоткрытая — видимо, моя.

— Вообще-то, — произнёс Збарский, останавливаясь у двери напротив моей, — вы здесь не совсем один.

Я удивлённо вскинул брови.

— В другом конце этого же коридора живу я.

Внутри у меня всё сжалось. Вот оно что. Значит, ректор не просто изолировал меня, но и приставил соглядата.

— То есть вы мой надзиратель? — спросил я, не сумев сдержать ехидства в голосе.

Збарский позволил себе лёгкую, едва заметную улыбку. В его добрых глазах мелькнуло что-то похожее на уважение к моей дерзости.

— Скорее куратор, Всеслав. И я несу личную ответственность за вас перед ректором.

Он сделал паузу, словно обдумывая, стоит ли продолжать.

— Это не наказание, поверьте. Просто если с вами или вашим духом что-то пойдёт не так, я должен быть рядом. Чтобы помочь.

«Он хочет нас остановить», — эхом отозвался в голове Парадокс. — *Какая прелесть. Он думает, что сможет этого сделать. Забавный».*

Я стиснул зубы, проигнорировав голос.

— Я ценю вашу откровенность, Андрей Семёнович, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Значит, вы теперь моя тень?

— Называйте как хотите, — он пожал плечами. — Моя дверь вон там, в самом конце. Если возникнут сложности — с учёбой, с духом, с чем угодно — можете заходить. Но, — он поднял указательный палец, и в его голосе прорезалась сталь, — прошу не злоупотреблять

моим гостеприимством. Я, знаете ли, ценю одиночество не меньше, чем некоторые духи ценят свободу.

«А он мне нравится, — промурлыкал Парадокс. — *Чувствуется характер*».

Я кивнул.

— Я постараюсь не докучать вам без крайней необходимости.

— Вот и славно, — Збарский протянул мне небольшой железный ключ. — Ваша комната. Располагайтесь. Завтра с утра я зайду за вами — проведу на первые лекции. Общие, как я и говорил. А пока — отдыхайте. День у вас выдался насыщенный.

Он развернулся и, не прощаясь, зашагал в сторону своего конца коридора. Его шаги гулко отдавались в пустом пространстве, пока не стихли где-то вдалеке.

Я остался один.

Вставил ключ в замочную скважину, повернул. Дверь со скрипом отворилась, явив моему взору небольшую комнату, больше похожую на келью монаха-отшельника. Узкая кровать, застеленная серым одеялом. Маленький стол у окна, на котором сиротливо стоял потухший светильник. Платяной шкаф с покосившейся дверцей. И окно — высокое, стрельчатое, но выходящее прямоком на глухую каменную стену соседнего здания.

Я вошёл, закрыл за собой дверь и присел на край кровати. Пружины жалобно заскрипели.

— Ну вот, — прошептал я в пустоту. — Добро пожаловать на факультет одиночек.

«Уютненько, — откликнулся Парадокс. — Мне нравится. Тихо, никто не мешает»

Я уронил голову на руки. Это будет очень, очень долгий семестр.

Разбудил меня тихий стук в дверь. Я открыл глаза и посмотрел в окно. За окном уже начало смеркаться, неба мне видно не было.

Я оправил одежду, в которой завалился на кровать, встал и открыл дверь. За дверью оказался мой старый знакомый — граф Череватов. Тот весело улыбался.

— Ваша милость, не саблоговолите ли вы пройти на ужин? А то все студенты уже изволили посетить праздничный ужин, только вас там и не достаёт.

Есть действительно хотелось сильно. Желудок предательски урчал.

— Здравствуйте, граф, — я улыбнулся, — неужели некому было меня пригласить на ужин? Или вы захотели лично посетить мою коморку для мётел?

Данила расхохотался, протиснулся мимо меня в комнату и плюхнулся на кровать.

— Не обломлюсь уж, — махнул он рукой, — а ничего у тебя хоромы, пожалуй, что даже побольше моих.

— Да ну?

— Ага, царь Пётр Алексеевич был не слишком щедр, наши комнаты больше похожи на монашеские кельи, — он поёрзал на кровати, — и кровать мягче. Это точно. Пойдём ужинать.

Данила Череватов был лёгок в обращении, настолько, что я невольно улыбался ему. Мы дошли до обеденного зала, беседуя о каких-то пустяках. Зал был полон студентов. Все сидели за длинными столами, каждый за столом своего факультета. Я растерянно остановился у входа, но Череватов не дал мне сориентироваться и потащил меня в сторону самого крайнего стола.

— Ты будешь сидеть со мной, — объявил он, опуская своё грузное тело на скамью, рядом с каким-то бледным юношей, с подозрением, косившимся на нас. — Садись, Всеслав Андреевич, будем пировать.

Вокруг меня тут же образовалось пустое пространство. Студенты почему-то не хотели находиться рядом со мной. Я слышал возбуждённые шепотки.

— Знал бы ты, что про тебя говорят, Сев, можно я буду звать тебя Сев? — Данила уже что-то жевал, нагружая в мою тарелку кулебяку из большой бадьи, — Я успел перекинуться словами с некоторыми ребятами с факультета, мнения разделились. Одни говорят, что ты какой-то Имперский родственничек, которого пристроили в академию по благу, надеясь, что способности у тебя пробудятся. Но это бред, как я считаю.

Он начал усиленно работать челюстью, так что речь его стала невнятной.

— Ещё есть вариант, что ты всё-таки заключил контракт, но дух, который тебя подцепил настолько силён, что ты для Империи что-то вроде тайного оружия в войне с проклятым западом, — Данила рассмеялся, — да ты жуй-жуй, слушать и с набитым ртом можно.

Я взялся за ложку и начал поглощать кулебяку, которую так услужливо наложил мне граф Череватов.

— Третья версия, вообще невероятная, якобы ты пресветлый князь Меньшиков, который переродился в новом теле и, что ты готовишься защитить столицу от нашествия ледяной чумы. Здорово?

— Угу, — кивнул я, проглатывая очередной кусок мяса, — особенно мне нравится версия про тайное оружие против запада или, что я Меньшиков. Не отказался бы я сейчас стать князем, а не

Я не договорил, потому что у меня за спиной появилась тень. Я обернулся и увидел ехидное лицо князя Ланского-младшего, тот как всегда весело скалился.

— Что, Соколов, мечтаете стать князем? — глумливо хохотал он.

Рядом с ним стояли два долговязых типа в дорогих костюмах, на пальцах у них сверкали перстни с гербами. Я разобрал гербы — принадлежали они родам Воронцовских и Иполитиных.

— Вы в князья мордой не вышли, «сударь», — последнее слово он почти выплюнул, — не понимаю, как ваш род вообще дворянство получил, наверное, ваша бабка была чьей-нибудь фавориткой или служанкой.

Я взорвался. Вскочил с места, хватая подвернувшуюся под руку вилку. Данила Череватов, схватил меня за руку и тоже поднялся.

— Князь, а вы ничего не путаете? — добродушный толстяк Череватов резко стал собранным и серьёзным, — вы решили оскорбить моего друга при таком стечении народа? Вы нарываетесь, князь. За такие слова простой люд обычно сразу даёт в морду.

— Как хорошо, что мы с вами не простой люд, да граф? — глаза Ланского ехидно блестя, — хотя вот от Соколова можно ожидать такого

— Благодарю вас, граф, но я могу постоять за себя сам, — я сверлил взглядом княжеского выродка, а потом сделал то, чего никак не ожидал от себя.

Я с размаха залепил Ланскому пощёчину. Удар получился таким звонким, что этот хлопок разнёсся по всему залу. Гомон сотен голосов тут же смолк, а все взгляды обратились в нашу сторону.

А в голове у меня зазвучал радостный смех Парадокса.

«Получил по мордасам, крысиная морда»

В этот раз я даже не обратил на него внимания.

Ланской обескуражено смотрел на меня. Он никак не ожидал, что какой-то простой дворянин-одиндворец посмеет поднять на него руку, да ещё и при таком количестве народу. Он взялся за наливавшуюся краснотой щёку и зашипел:

— Ах, ты смердящая подзаборная шелуха, да как ты

— Князь! — спокойно сказал Череватов, — вы зарвались и заслужили этого, если вы продолжите, то я буду вынужден потребовать у вас сатисфакции.

— Сатисфакции? — Ланской взвизгнул, — да ты

— Что здесь происходит? — возле нас материализовался Збарский и смерил нас взглядом.

— Судари Ланской, Череватов и Соколов, вы что-то не поделили? Если хотите, можем обсудить проблему в моём кабинете или в кабинете ректора. Вам не понравилось в академии?

Говорил он скорее с Ланским, чем с нами.

— Я — князь, — взвился блистательный наследник княжеского рода, — и попрошу обращаться ко мне

— Вы в первую очередь студент академии, — Збарский наставил на него тонкий указательный палец, — в академии нет титулов, будь вы хоть князь, хоть император. За стенами академии вы, может быть, и владелец титула и золотого венца, но здесь вы, сударь Ланской, просто студент.

Он повернулся ко мне.

— Теперь вы, сударь Соколов, — его палец направился в мою сторону, — в стенах академии не принято поднимать руку на своих соучеников. Все конфликты надо решать в рамках приличий и правил академии. Также через какое-то время вам станет доступно такое развлечение, как тренировочные спарринги, на которых вы сможете выплеснуть всю накопленную вам за семнадцать лет энергию. Я понятно выражаюсь?

Он посмотрел на нас двоих.

— Да, профессор, — первым сдался под тяжёлым взглядом Ланской.

Мне пришлось тоже кивнуть.

— Отлично, — холодно улыбнулся Збарский, — а теперь к самому важному. Вы оба наказаны. С завтрашнего дня вы поступаете в распоряжение Степана Андреевича, главного по кухне, думаю, на первый раз недели наказания для вас будет достаточно.

Ланской вскинул было голову, но его негодующий взгляд быстро погас. Он смотрел в пол и беззвучно шевелил губами. Но, то ли Збарский был обучен чтению по губам, то ли он читал мысли, но он посмотрел на Ланского и тихо ему сказал, чтобы никто не слышал.

— А если вы хотите сообщить об этом отцу, то это ваше право, Андрей, но я не советую этого делать. Мы с вашим отцом были очень дружны во время учёбы, так что не стоит.

Збарский улыбнулся и исчез. Гул в столовой вновь возобновился, теперь все обсуждали произошедшее.

— Увидимся во время отработки наказания, князь, — я улыбнулся Ланскому, вернее его гордо удалявшей спине.

Череватов удивлённо на меня посмотрел.

— Ты не расстроен, что тебе неделю придётся таскать тяжёлые горшки и мыть посуду в столовой после учёбы?

Я рассмеялся.

— Ни капли, Данила. Я же буду там не один. А видеть, как княжеский отпрыск моет котелок будет для меня удовольствием. Братья рассказывали мне, что это нормальная практика, когда провинившиеся студенты отрабатывают свой проступок на кухне. Так что не умру.

— А ты жесток, друг, — Данила тоже улыбнулся, — ну как ты ему вдарил, его даже перекосило от удивления, да так звонко

Мы уселись и продолжили трапезу.

«Молодец, мальчик, ты не безнадёжен».

Голос Парадокса снова проник в моём сознании, но я не обратил на него никакого внимания. Я наслаждался своей маленькой победой.

Глава 3

Сумка с нехитрыми пожитками уже стояла в моей маленькой комнате. По приезде в Академию мы сложили все вещи в одной большом помещении, теперь же кто-то очень заботливый их доставил.

Я вытряхнул из сумки всё на измятую кровать. Среди вороха одежды лежали и мои драгоценности — томик стихов одного современного поэта, старые дедовские часы, и небольшой кошелёк с деньгами, которые мне удалось скопить за недолгие семнадцать лет. В основном это были подарки от родных, выигрыши в карты.

Карты для меня были единственной возможностью заработать на то, что мне действительно нужно. Родители деньги мне давали крайне редко.

«Бедный мальчик», — ехидный голос Парадокса снова появился в самый неожиданный момент.

— Ты так и будешь появляться, когда захочешь, или установим какие-нибудь границы? — я решил не идти на конфликт со своевольным духом, а попробовать договориться.

«Конечно, я же теперь всегда с тобой», — зашуршал Парадокс, — «но не беспокойся, я большую часть времени сплю. А насчёт правил — скука! Никаких правил».

— Хотя бы скажи, что ты можешь делать? Что в нашем контракте?

Но Парадокс замолчал.

— Ну и молчи, гад! — злобно прошипел я и завалился спать.

Я лежал, ворочаясь в постели: всё никак не получалось уснуть, какая-то заноза сидела в душе.

«Спи, хозяин», — Парадокс снова зашевелился, — «Если будет что-то интересное, я разбужу».

Мои глаза тут же начали слипаться. И только последняя мысль мелькнула в голове: «Он что, приказывает мне? Может влиять на меня?»

Но развить эту мысль я не успел. Сон обхватил меня своими мягкими лапами, и я исчез.

Проснулся от смутной тревоги. В мире что-то изменилось, какая-то незаметная мелочь, но такая важная, что она пробудила меня среди ночи.

Я лежал в полной темноте и прислушивался. В западном крыле не раздавалось ни одного звука, это было не удивительно — крыло было пустым. Внезапно что-то царапнуло мой слух, я напрягся, весь превращаясь в одно большое ухо. Где-то далеко я услышал крик, тихий, приглушенный, но точно человеческий.

Я выскочил из постели, натянул штаны, рубаху и, сунув ноги в ботинки, осторожно вышел из комнаты. Крик, всё ещё приглушённый, стал более отчётливым, я двинулся по коридору. Старый деревянный пол поскрипывал под ногами, расстеленные ковровые дорожки никак не приглушали этот скрип. Настенные светильники почти все были погашены, только в конце коридора мелко дрожал клочок света.

Я осторожно скользил по коридору, прислушиваясь к напряжённой темноте. Внезапно крик прервался. И тишина стала абсолютной. Я замер. Внутри заворочалось беспокойство.

«Поднимись этажом выше, там что-то интересное», — прошептал Парадокс.

Я замер. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что там? — одними губами спросил я.

«Увидишь. Не бойся».

Легко ему говорить — не бойся. Я сглотнул ком и двинулся к лестнице. Чем выше я поднимался, тем сильнее становился запах. Сначала я не понял, что это. А потом узнал. Пахло кровью.

Тяжёлый запах с примесью железа. Он разлился по этажу и заполнил всё пространство.

Этот этаж был точной копией того, на котором размещалась моя комната — такой же узкий, один фонарь горел где-то в центре этажа. Я осторожно двинулся вдоль стены, прислушиваясь и принимаясь. Чем дальше я крался по коридору, тем сильнее становился запах крови. Меня начало мутить.

Внезапно у самой границы темноты и света от тусклого фонаря я увидел какую-то массу, лежавшую у стены. Масса шевелилась. Я замер, пытаюсь с расстояния рассмотреть в этом шевелении хоть что-то.

— Помогите, — тихий, едва различимый шёпот долетел до меня.

Я тут же, забыв про опасение и страх, ринулся к этой массе, что оказалась человеком.

Длинные спутанные волосы были все в крови, вокруг тоже натекло немало. Я вляпался в эту лужу, но не обратил внимания.

— Что с вами? — я присел у человека, — кто это сделал?

Глаза парня в ужасе распахнулись, он смотрел мне за спину. Я резко обернулся, но там никого не было.

— Надо остановить кровь, куда вас ранили? — я принялся осматривать заляпанное кровью тело незнакомца, но раны не увидел. Он весь был в крови, словно сама кожа его кровоточила.

— Меня зовут, — прошептал он, — Кирилл Застрожный, скажите родителям, что я — он не договорил, его широко раскрытые глаза сомкнулись.

Я был в панике. Надо было что-то делать.

«Я бы на твоём месте делал ноги», — голос Парадокса заставил меня успокоиться, — «Если тебя найдут над окровавленным мальчишкой, то тебе не поздоровится».

— Но он же умирает, ты можешь чем-то ему помочь? Может позвать кого-то?

Парадокс противно захихикал:

«Могу добить, чтобы он не мучился. Он теперь пустышка, если даже и выживет, толку от него не будет».

Я решил не слушать своего духа и бросился со всех ног по коридору к лестнице, на свой этаж. Необходимо было привести помощь.

Я бежал по коридору, не разбирая дороги. Ноги скользили по полу, ботинки хлюпали — видимо, я вляпался в кровь, и теперь мои следы оставались на каменных плитах лестницы.

Лестница. Ступени. Ещё одна лестница. Этаж встретил меня мёртвой тишиной.

Дверь Збарского.

Я забарабанил в неё кулаками.

— Андрей Семёнович! Андрей Семёнович, откройте! Там человек умирает!

Тишина. Я забарабанил по двери изо всех сил.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые, неторопливые. Щёлкнул замок, и дверь распахнулась.

Збарский стоял на пороге в длинной ночной рубахе и в наспех накинутом халате. Длинные волосы его были спутаны. Но глаза у него не были сонными, словно я не разбудил его только что.

— Что стряслось, Всеслав?

— Там на втором этаже студент. Он весь в крови. Умирает. Я услышал крик и пошёл проверить.

Он смерил меня взглядом, задержавшись на моих ботинках. Только сейчас я заметил, что они действительно в крови.

— Ждите здесь.

Он скрылся в комнате, не было его несколько минут. Наконец он вышел, одетый в чёрный сюртук и брюки.

— Ведите. Я уже вызвал врачей, на всякий случай.

Мы двинулись обратно по коридору. Збарский шагал быстро, широко, и я едва поспевал за ним.

— Рассказывайте подробно, — бросил он на ходу.

— Я проснулся от какого-то чувства тревоги. Потом услышал крик. Пошёл на звук. На втором этаже нашёл парня. Он лежал в луже крови. Сказал, что его зовут Кирилл Застрожный. Просил передать что-то родителям, но не договорил. Потерял сознание.

— Он был один?

— Да. В коридоре больше никого.

Збарский ничего не ответил, только ускорил шаг.

Когда мы поднялись на второй этаж, запах крови стал невыносимым. Збарский, казалось, даже не заметил его. Он уверенно двинулся вперёд, туда, где тусклый свет фонаря выхватывал из темноты неподвижное тело.

Я остановился в нескольких шагах, не решаясь подойти ближе. Збарский опустился на корточки рядом с парнем, положил руку ему на шею.

— Жив, — произнёс он глухо. — Но пульс слабый, едва прощупывается.

Он провёл ладонью над грудью студента, и я увидел, как его пальцы окутало слабое серебристое свечение. Видимо, так проявлялся контракт Збарского. Мне стало интересно, что у него за дух.

Лицо Андрея Семёновича стало каменным.

— Контракт разорван, — сказал он. — Не расторгнут по обоюдному согласию, не ослаблен временем. Именно разорван. Словно кто-то вырвал духа из него живьём.

Он поднял взгляд на меня.

— Вы ничего не трогали? Не пытались ему помочь?

— Я хотел остановить кровь, но не нашёл раны. Он просто истекал кровью, и я не понимал откуда. Поэтому побежал за вами.

Збарский кивнул и снова склонился над телом.

— Нужно вызвать целителей с Ментального факультета. Они работают с такими повреждениями.

Он выпрямился и посмотрел на меня в упор.

— Соколов, вы понимаете, как это выглядит со стороны?

Внутри у меня всё похолодело.

— Я ничего не делал! Я просто нашёл его!

— Я вам верю, — тихо сказал Збарский. — Пока верю. Но другие — не поверят. Студент найден в крыле, где живёте только вы и я. Я — преподаватель, куратор, меня не заподозрят. А вы — первокурсник с аномальным духом, изгой, как вы выразились.

Он помолчал.

— Вам нужно быть готовым к тому, что завтра о вас будут говорить. Много и нелестно. Я слотнул.

— Что мне делать?

— Ничего. Просто продолжайте учиться. И держитесь подальше от любых происшествий. Если это не вы, значит, в академии что-то происходит, — лицо его было хмурым.

— Если выживет — останется пустышкой. Без духа, без контракта. Для аристократа это конец.

Збарский вздохнул и полез в карман за платком — вытереть руки, заляпанные кровью

— Возвращайтесь в свою комнату, Всеслав. И постарайтесь уснуть. Завтра будет тяжёлый день.

Я кивнул и, не говоря ни слова, побрёл обратно. В голове шумело, перед глазами стояло окровавленное лицо Кирилла Застрожного.

«Вот видишь, — мурлыкнул Парадокс, когда я закрыл за собой дверь комнаты. — А ты боялся, что будет скучно. Веселье только начинается».

Я ничего не ответил. Стянул с себя одежду, бросил её в угол и рухнул на кровать.

Я лежал, глядя в тёмный потолок. Сна не было до самого рассвета.

Мысли ворочались тяжёлые, липкие. Перед глазами то и дело всплывало окровавленное лицо Кирилла Застрожного, его глаза, распахнутые от ужаса, и последний, оборвавшийся на полуслове шёпот: «Скажите родителям, что я»

Что он хотел сказать? Что он их любит? Что просит прощения? Или что-то другое, что-то важное, что я теперь никогда не узнаю?

Парадокс молчал. Видимо, спал. Я не знал, спят ли духи, подобные ему. Может он делал вид, что спит. После его ночного «веселье только начинается» мне меньше всего хотелось с ним разговаривать.

Когда за окном начало сереть, а каменная стена соседнего здания из чёрной превратилась в тёмно-серую, я наконец провалился в тяжёлое забытие.

Проснулся я от удара колокола.

Звук был мощный, низкий, он прокатился по всей академии, заставляя вибрировать стены и дребезжать оконные стёкла. Я подскочил на кровати, сердце обезумев билось в груди. Колокол ударил ещё раз, и ещё четыре раза. Шесть часов.

Академия просыпалась.

Я спустил ноги на холодный каменный пол, потянулся к рубашке, висевшей на спинке кровати. Вчерашняя одежда, каким-то образом испачканная, так и лежала в углу — от неё исходил не самый приятный запах. Я брезгливо отодвинул её ногой и достал из сумки чистую рубашку и брюки.

Умывался я холодной водой, возле шкафа оказалась неприметная дверца, за ней располагался санузел. Горячей воды, почему-то не было, хотя вентиля на кране было два. Не было здесь и зеркала, но я и без него знал, что выгляжу неважно: глаза красные, лицо осунувшееся, под глазами тени.

В столовую я шёл один. Перед тем, как уйти я бросил взгляд на дверь Збарского, надеясь, что сейчас она распахнётся и выйдет Андрей Семёнович и скажет мне, что всё хорошо, а вчерашний случай — просто плохой сон. Этого, к сожалению, не случилось.

Чем ближе я подходил к центральной части академии, тем больше студентов попадалось навстречу. Они сбивались в кучки, что-то оживлённо обсуждали, но при моём появлении замолкали. Я ловил на себе косые взгляды, слышал обрывки слов: «Соколов, западное крыло Застрожный море крови».

Я стиснул зубы и ускорил шаг. В груди засела заноза, хотелось плюнуть на всё и сбежать из академии, спрятаться в лесу.

У входа в столовую меня перехватил Череватов. Он возник словно из ниоткуда, загородил дорогу и, сияя своей неизменной улыбкой, хлопнул меня по плечу.

— Сев! Живой! А я уж думал, ты после вчерашнего решил затвориться в своей келье и поститься до конца семестра, — он расхохотался, — Ну и ужасы рассказывают в академии.

Он тоже был уже в курсе всех слухов. Откуда только это все узнали.

Я невольно улыбнулся. Удивительный человек этот Данила. Вокруг творится чёрт знает что, а он всё такой же — весёлый, громкий, жизнерадостный.

— Привет, Данила. Ты уже в курсе?

— В курсе? — он фыркнул. — Да вся академия только об этом и гудит. Я, знаешь ли, пока шёл сюда, услышал три версии случившегося. Первая: ты — тайный агент проклятого запада и пытался выведать секреты у бедного Застрожного. Вторая: ты — перерождённый Меньшиков и решил начать новую Ледниковую чуму с третьего курса Объединения.

Он сделал паузу, и его улыбка чуть померкла.

— А третья Третья мне совсем не нравится. Говорят, что ты каким-то образом вырвал у него духа. Просто взял и вырвал. И теперь Застрожный — пустышка. А ты владеец этого духа. Я невесело улыбнулся.

— Опять три версии? Ничего оригинальнее придумать не могли? Откуда вообще все узнали о происшествии?

— Спрашиваешь ещё, — он хохотнул, — в академии полно дерьмовых ясновидцев, факультет менталистов так вообще почти в полном составе могу бродить, где им заблагорассудится в своих астральных и прочих формах.

Я почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Я его не трогал. Я нашёл его уже таким. И позвал Збарского.

— Да ладно, мне можешь не рассказывать, — Череватов снова хлопнул меня по плечу, но теперь уже мягче. — Я тебе верю. Но ты пойми, Сев, люди будут верить в то, во что им удобно верить. А удобно им верить, что виноват ты. Ты — чужак, у тебя странный дух, ты живёшь в Западном крыле. Идеальная мишень.

Я хотел ответить, но в этот момент заметил Иду, шедшую под руку с маленького роста блондинкой.

Ида прошла в нескольких шагах от меня. Её светлые волосы были аккуратно уложены, мундир с серебристо-голубой нашивкой сидел безупречно. На шее висел её ледяной амулет с голубым сапфиром.

Она бросила на меня взгляд и тут же отвернулась, сделав вид, что не узнала. Я хотел поприветствовать её, но она уже скрылась в столовой.

— Что это с ней?

Череватов тоже проводил девушек взглядом.

— Боится, что ещё. Про тебя такие ужасы рассказывают. К тому же, я слышал, — что у её семьи часто проблемы с духами, они не всегда слушаются, потому что очень уж сильные.

«Привыкай, хозяин, — мурлыкнул Парадокс. — С нами так будет всегда. Люди боятся того, чего не понимают. А мы с тобой — самая большая загадка в этой академии».

Я ничего не ответил. Просто пошёл в столовую вслед за графом Череватовым. Тот рассказывал, что первая лекция у нас с ним общая.

Я вернулся в Западное крыло один. Череватов остался в столовой — сказал, что ему нужно «перетереть с огневиками какие-то важные дела». Договорились встретиться за пятнадцать минут до лекции.

В комнате было так же темно и прохладно. Светильник на столе почему-то не хотел работать.

Я подошёл к сумке, которая так и валялась на кровати, и вытащил из неё две тонкие тетради в кожаных обложках и перьевую ручку. Ручка была, пожалуй, единственной по-настоящему дорогой вещью, помимо дедовских часов, которая у меня была. Тонкая, из тёмного дерева, с бронзовым пером и едва заметной позолотой по краю. Её подарил мне Вадим, средний брат, перед отъездом в свою первую экспедицию.

«Держи, Севка, — сказал он тогда, вкладывая ручку мне в ладонь. — Ты у нас головастый, может, хоть ты выучишься на кого путного».

Вадим был единственным, кто не смотрел на меня как на пустое место. Он сам был не слишком удачлив — дух у него проснулся поздно, слабенький, земляной, второго уровня. В семье над ним тоже посмеивались. Может, поэтому он меня и понимал.

Я сунул тетради и ручку в старый кожаный портфель, который нашёл здесь же, в шкафу — видимо, от прошлого жильца остался, — и вышел в коридор.

До лекции оставалось около получаса.

Восемь утра. Главный лекционный зал академии гудел, как улей.

В лекционный зал я вошёл вместе с Череватовым, который появился ровно в тот момент, когда я подходил к дверям, словно ждал где-то за углом. Он тут же принялся что-то рассказывать про огневиков, про то, как они «чуть не спалили лабораторию на первом же занятии», но я слушал вполуха.

Зал был огромный. Высокие сводчатые потолки, ряды деревянных скамей, поднимающихся амфитеатром, и большая кафедра внизу, возле которой уже стоял Збарский, перебирая какие-то бумаги. Свет лился из высоких стрельчатых окон, и в нём плавали пылинки, создавая ощущение торжественности и покоя.

Первокурсники рассаживались строго по факультетам. Это было видно сразу по цветам нашивок на мундирах. Только у меня такой нашивки не было.

Слева, заняв почти треть зала, расположились студенты с алыми шевронами. Факультет Подчинения. Стихийники. Огонь, вода, земля, воздух — всё, что можно подчинить грубой силой. Они держались шумно, уверенно, многие уже сейчас поигрывали маленькими огоньками на ладонях или заставляли воздух дрожать вокруг пальцев. Ланской сидел в первом ряду, вальяжно откинувшись на спинку скамьи, и что-то втолковывал своим прихлебателям. Когда он увидел меня, лицо его расплылось в любимой крысиной усмешке.

Правее, более компактной группой, сидели студенты с серебряно-голубыми нашивками. Факультет Объединения. Менталисты. Те, кто работает с разумом, памятью, эмоциями. Они были тише стихийников, но в их глазах читалось что-то такое, от чего мне становилось не по себе, словно они видят тебя насквозь. Ида сидела во втором ряду, рядом с той самой блондинкой, что была с ней в столовой. На меня она даже не взглянула.

Ещё одна группа, немногочисленная, но впечатляющая — студенты со стальными нашивками, отливающими серебром. Факультет Воплощения. Телесники. Те, кто работает с собственным телом — усиливает его, трансформирует, заставляет регенерировать. Они все как на подбор были крепкими, жилистыми, с цепкими взглядами. Я слышал, что у них самая высокая плата за контракты — они платят кровью, болью, а иногда и частями собственной памяти.

И наконец, самая малочисленная группа — человек десять, не больше, с нашивками изумрудного, почти чёрного цвета. Факультет Грани. Те, кто заключил контракт с духами реальности. Пространство, время, вероятность, материя. Говорили, что каждый из них — ходячая аномалия, и что до выпуска доживает едва ли половина. Они сидели особняком, не разговаривая даже друг с другом.

А я я сидел с краю, рядом с Череватовым, который пристроился к своим стихийникам. У меня, единственного во всей аудитории, нашивки не было. Всё так и кричало, что мне здесь не место. Збарский поднял голову от бумаг и обвёл зал взглядом. Гул постепенно стих.

— Доброе утро, первокурсники, — его голос разнёсся под сводами, и даже те, кто ещё шептался, тут же замолкли. — Меня зовут Андрей Семёнович Збарский. Я читаю у вас теорию контрактов. И сегодня мы начнём с самого важного.

Он сделал паузу, прошёлся вдоль кафедры.

— Скажите мне, господа студенты, что, по-вашему, самое ценное в контракте с духом?

По залу прокатился лёгкий шум. Кто-то выкрикнул: «Сила!», «Контроль!», «Умение подчинить!».

Збарский усмехнулся.

— Нет. Самое ценное — это понимание цены. — Он обвёл взглядом притихших студентов. — Кто мне скажет, чем платят стихийники?

С места поднялся крепкий парень с алой нашивкой.

— Огонь — болью. Вода — эмоциями. Земля — усталостью. Воздух — временем жизни.

— Верно. Садитесь. — Збарский кивнул. — А телесники? Факультет Воплощения?

С их стороны поднялась невысокая девушка с коротко стриженными волосами.

— Кровь, память, контроль над собственным телом. Мы отдаём то, из чего состоим.

— Именно. — Збарский прошёлся вдоль рядов. — Менталисты? Факультет Объединения?

Ида поднялась. Её голос был тихим, но твёрдым.

— Мысли, тайны, стабильность рассудка. Мы отдаём то, что делает нас нами.

Збарский кивнул и перевёл взгляд на группу в тёмно-серебряных нашивках.

— И наконец, факультет Грани. Кто ответит?

Поднялся высокий, болезненно-худой юноша с тёмными кругами под глазами. Он выглядел так, словно не спал неделю.

— Мы платим самой реальностью, — сказал он глухо. — Пространство забирает ориентацию. Время — наши годы. Вероятность — удачу. Материя — нашу физическую форму.

В зале повисла тишина.

Збарский обвёл всех взглядом и остановился. Его лицо стало жёстким.

— Запомните этот момент, — произнёс он. — Запомните, что сказали ваши товарищи. Потому что это — не теория. Это то, с чем вы будете жить каждый день. И если вы забудете о цене, если начнёте злоупотреблять силой, которую даёт вам дух, то

Он сделал паузу.

— вы перестанете быть собой. Вы станете тем, чем стал ваш дух. Или тем, что от вас останется. Вообще есть в нашей науке такая теория, что духи — это люди, которые не справились, злоупотребили силой, данной им.

Он снова прошёлся вдоль кафедры, и его взгляд на мгновение задержался на мне.

— А теперь откройте тетради. Начнём с классификации контрактов по уровням

Интересно, а чем буду платить я?

Я достал ручку, подаренную Вадимом, и раскрыл тетрадь. Позолота на переплете блеснула в свете, льющемся из окна. Череватов, сидевший рядом, покосился на неё, но ничего не сказал.

Лекция началась.

«Понравилось? Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить продолжение!»

Глава 4

— Надеюсь, вы поняли, что я хотел донести до вас, — профессор Збарский закончил свою лекцию. — Ваша задача, к практическим занятиям прочитать главы один, два и три из учебника, на который я ссылался в начале лекции. Также вам необходимо подготовить конспект этих глав.

Студенты зашумели и начали собираться. Все обсуждали полученные знания. Лекция была вводной, поэтому особо ничего нового мы не узнали, но всё равно было интересно, а местами даже немного страшно.

Збарский приводил множество примеров, рассказывая о том, что происходит с непутёвыми магами, которые злоупотребляют силой духов.

— Студент Соколов, подойдите ко мне, — позвал меня Андрей Семёнович, когда я уже собирался пойти вслед за Данилой.

Я подошёл. Збарский протянул мне лист бумаги, сложенный в четверо. Я взял.

— Это ваше расписание, составленное с учётом ваших особенностей.

Я с любопытством заглянул в лист, пробежал по клеткам глазами: экономика, право, фехтование, история России и магии, теория контрактов.

— Тут же нет ни одной специальной дисциплины.

Профессор приподнял бровь.

— Я имею в виду, что у всех факультетов есть специальные дисциплины, а у меня всё, кроме магических практик.

Он пронзил меня хмурым взглядом.

— А вы не понимаете с чем это связано, Всеслав? Ваши способности неизвестны, ваш дух вам не подчиняется, вы можете ручаться, что при его использовании, он не вырвется и не разрушит здесь всё? Или если цена окажется слишком высокой, и вы погибнете?

Я поджал губы, обида рвалась наружу. Данила мне рассказывал, что у них целых три магических дисциплины, а у меня одна, и та только в теории, пометка практика была только напротив фехтования, у некоего месье Дюваля.

— Поэтому мне не надо ничему учиться кроме истории и экономики?

— Пока да, — сказал Збарский, собирая со стола бумаги, — я предлагаю закончить этот бессмысленный спор, Всеслав. Решение принимал не я. Кстати, через пятнадцать минут у вас назначена встреча с ректором. Было бы неправильно на неё опаздывать.

Я удивился.

— С ректором? Зачем?

— Неужели вы забыли о ночном происшествии?

Я покачал головой.

— Как себя чувствует господин Застрожный?

— Уже лучше, он жив, но, как я и предполагал, он остался пустышкой. Семья от него, конечно, не откажется, но какой-либо карьеры он не сделает. Это печально, Кирилл был весьма подающим надежды юношей. Думаю, вам пора к ректору.

Он, наконец, собрал свои бумаги и, не прощаясь, двинулся к выходу.

Я же отправился на другой конец академии в кабинет ректора. Слава Богу, на память я не жаловался и ровно через десять минут я уже дошагал до ректорского кабинета. Дверь в его кабинет была приоткрыта.

Решив, что войти без стука будет наглостью, я побарабанил костяшками пальцев по косяку. Никто не ответил. Тогда я открыл дверь и осторожно заглянул. В кабинете никого не было.

Я потоптался на пороге, размышляя, что же делать. В конце концов, мне сказали, что ждут меня через десять минут, а прошло только пять, может быть ректор ещё не освободился и мне стоит подождать. Но какой смысл ждать в пустом коридоре, если можно сесть и спокойно дожидаться Илью Романовича.

Я зашёл в кабинет и сел в кресло, в котором сидел в прошлый раз. В голове роились беспокойные мысли. А что если подумают, что я напал на Застрожного? Что будет, если меня выгонят из академии?

Размышляя о превратностях судьбы, я бродил взглядом по кабинету. В прошлый раз я не обратил внимания на обстановку, а посмотреть тут было на что.

По периметру стояли стеллажи с книгами и всякими безделицами. Что-то, наверное, особо ценное хранилось под стеклом, что-то лежало просто так на полках. Я поднялся и подошёл к одному из шкафов, разглядывая предметы.

Коллекция Киреевского показалась мне странной, я всё пытался понять систему, но её не было. Среди игральных карт лежали монеты, рядом с подсвечниками лежали статуэтки балерин и клоунов, дагерротип Императора Григория соседствовал с миниатюрным портретом какой-то дамы. Зажигалки, игральные кости, вилки и ложки.

— Пытаетесь найти смысл во всём этом, молодой человек?

Голос Киреевского заставил меня вздрогнуть. Я обернулся и увидел его улыбающееся лицо. Поклонился, как того следовали правила этикета.

— Прошу прощения, господин ректор, — сказал я, краснея, — дверь была открыта, и я решил подождать внутри, а тут заметил

— Ничего не объясняйте, молодой человек, — замахал морщинистой рукой он, — я всё прекрасно понимаю, тем более дверь оставил специально открытой на случай вашего прихода. Как вам первая ночь в академии?

Грустная улыбка тронула старое лицо Киреевского. Он прошёлся по кабинету и остановился возле меня, заглянул в глаза.

— Не самая приятная, верно?

Я согласно кивнул.

— Как же всё это не вовремя, — вздохнул он, снимая с полки какой-то предмет.

— Знаете, что это?

В руке он держал самую обычную пуговицу.

— Это улика, — не дожидаясь ответа, сказал он.

— Её обронил нападавший? Его получится по ней найти? — я почему-то обрадовался этому стечению обстоятельств, словно дело уже решено.

— Вы знаете о том, каким духом я владею последние двадцать лет?

Я покачал головой.

— Я ласково зову его Архивариус, — ректор положил пуговицу на место и направился к своему креслу, на ходу он указал мне на другое, — раньше у меня были другие контракты, но человеческое тело не вечно и за всё приходится платить, некоторые ресурсы у нас заканчиваются, сегодня вам говорили об этом на лекции. Так вот, двадцать лет назад я поймал Архивариуса и он оказался очень полезным в некоторых делах, среди многих его достоинств есть одно

Ректор закашлялся, налил воды, из стоявшего на столе графина. Голос у него уже начал хрипеть.

— Вот видите, я уже развалина, — усмехнулся он, — так вот, особенностью моего духа является то, что он умеет читать память предметов. И эту пуговицу мне принёс профессор Збарский, это пуговица с мундира бедного мальчика, которого ты нашёл.

— Вы знаете, кто на него напал? — я ёрзал от нетерпения на стуле, но ректор не обратил внимания на мой вопрос.

— Этой же ночью я попробовал прочесть память этого предмета, и он мне ответил. Пуговица поведала мне не так уж много интересного. К сожалению, память предметов нестабильна и зависит от многих факторов – материалов, ценности, размера. Как вы понимаете, простая оловянная пуговица не из тех реликвий, что помнят что-либо долго.

Он снова потянулся к стакану с водой. Голос его делался всё слабее.

— Я не знаю, зачем мальчик пошёл в западное крыло, может быть на свидание, но я знаю, что видела пуговица.

Я весь превратился в слух. Наклонился к ректору, ожидая, что сейчас он скажет мне, кто это был.

— Сначала она видела коридор, по которому шёл Кирилл, потом он упал, а потом появились вы, Всеслав.

Выцветшие глаза ректора вцепились в моё лицо. Я обескураженно смотрел на него.

— Но этого не может быть, я не делал этого. Я просто хотел помочь, — мой голос дал петуха, сорвался.

— Успокойтесь, мальчик мой, — он поднял руки, — никто вас и не обвиняет, просто эта безделица не видела момента нападения, потому что его не было. Рядом с мальчиком вообще никого не было.

Я выдохнул. Всё это время я напряжённо сжимал подлокотники кресла. Пальцы противно заныли.

— Всеслав, я хочу вас предупредить. Завтра в академию приезжают следователи из Тайной канцелярии, чтобы расследовать этот случай. Понимаете, к чему я клоню?

Я осторожно кивнул, хотя не особо что-то понимал.

— Я не скажу им, что я увидел, не беспокойтесь, но они будут вас допрашивать и вы должны быть осторожны.

Очередной приступ кашля скрутил ректора, на этот раз он был долгим.

— Я устал, мальчик, — дыхание его было тяжёлым, — моё тело уже не совсем в порядке, остался только разум. Иди и помни, что я тебе сказал, и, пожалуйста, не вмешивайся ни во что. Ты должен овладеть своим духом, понимаешь?

Да, — сказал я, и, кланяясь, спросил, — я могу быть свободен, господин ректор?

Он прикрыл глаза в знак согласия.

Из кабинета ректора я вышел полным злости и обиды. Мало того, что меня не допускают к нормальным занятиям, не разрешили жить с нормальными людьми, родители меня терпеть не могут, так ещё и начнут подозревать в нападении, которого я не совершал.

О методах Тайной канцелярии ходит много слухов и не все они самые приятные. Я не знал, что мне и думать.

Я брёл по пустым коридорам академии, не разбирая дороги. Студенты сейчас сидели на занятиях или готовились к вечерним лекциям в библиотеке. Только западное крыло встретило меня привычной тишиной и затхлым воздухом.

«Что, хозяин, задумался о бренности бытия?» — Парадокс проснулся внезапно, в прыгнул в моё сознание и захихикал.

— О том, что меня завтра будут допрашивать сотрудники Тайной канцелярии, которые могут вывернуть мой разум наизнанку, — буркнул я себе под нос, подходя к своей двери.

«О, это весело! Менталисты — те ещё затейники. Однажды один такой пытался прочесть мысли моего предыдущего носителя. Знаешь, чем кончилось?»

Тут до меня дошло, что Парадокс раскрыл хоть кусочек своего прошлого, я замер перед дверью.

— До меня у тебя был носитель?

«Да, мы здорово с ним повеселились», — хохотнул Парадокс, — «от канцелярии мы долго бегали, но потом пришлось дать им по зубам. Давно это было»

— Когда? — я весь превратился в слух, но Парадоксу, видимо, уже надоело общаться и мой ответ так и повис в воздухе.

Тяжело вздохнув, я вошёл в свою комнату. На столе я тут же увидел свёрнутый листок бумаги. Я развернул и прочитал: *«Студент Соколов. Отработка наказания сегодня в 19:00. Кухня главного корпуса. Спросить Степана Андреевича. Збарский»*.

Я посмотрел на часы. До ужина оставалось много времени. Сейчас у меня по расписанию должно быть фехтование.

Занятия по фехтованию проходили в крыле факультета Подчинения, на специальной арене. Я быстро собрался, переоделся в более удобную рубашу, накинул сверху мундир. Путь до восточного крыла лежал через центральную галерею. Здесь было людно, студенты спешили на занятия, сбивались в кучки, обсуждали что-то своё. При моём появлении некоторые замолкали и провожали меня взглядами.

Из толпы меня выцепил Данила, обычно жизнерадостный толстяк был печален.

— Граф, на вас лица нет, что-то случилось? — я улыбнулся ему, пожимая протянутую руку.

— Ничего, — меланхолично отозвался он на ходу, — просто я не самый спортивный юноша в своей семье. Он похлопал себя по объёмистому животу.

— Отец, конечно, пытался заставить меня заниматься, начали французского преподавателя, но меня хватило недели на три. Я встал в позу и сказал, что больше не буду. Тут так не получится.

Я вздохнул:

— Я тоже не особо спортивный, — решил я поддержать товарища, — мне учителей не нанимали и фехтовать не учили особо. Пару приёмов братья показали, а так

Мимо нас в окружении своих друзей прошеествовал Ланской, он окатил нас таким презрительным взглядом, что мне стало смешно. Я во весь рот улыбнулся князю, но тот моей улыбки не увидел, удалялся с гордо поднятой головой.

— Не любит он тебя, — Череватов проследил за спиной Ланского, — что ты ему такого сделал, что он на тебя взъелся?

Я пожал плечами:

— Не знаю, может, ему кажется, что зазорно учиться вместе с обедневшим дворянином, а между прочим, мой род постарше его будет. Только вот мои предки всё просадили и прокутили.

Поплутав по коридорам факультета Подчинения, мы наконец-то оказались там, где надо. Фехтовальный зал встретил меня гулом голосов. Высокие окна пропускали солнечный свет, пол был устлан пружинящим настилом, а вдоль стен на специальных стойках покоились рапиры — десятки клинков, от простых учебных до богато украшенных, с позолоченными гардами.

Я огляделся. Студенты уже разбились на группки по факультетам. Стихийники держались особняком, телесники разминались в углу, менталисты что-то тихо обсуждали.

Череватов тяжело вздохнул и встал рядом со мной.

— Сейчас начнётся, — прошептал он. — Говорят, Дюваль гоняет до седьмого пота.

Я хотел ответить, но не успел. В зал стремительно вошёл мужчина, при виде которого все испуганно замолчали.

Месье Дюваль оказался невысоким, сухоощавым, лет пятидесяти на вид. Тонкие, словно нарисованные усики, живые, искрящиеся глаза, идеальная осанка. Он двигался с грацией хищника — плавно, экономно, и каждое его движение дышало скрытой силой. На боку висела рапира. — Построились! — скомандовал он, и его голос, с заметным французским прононсом, прокатился по залу. — Живо, живо, mes étudiants! Мы не на балу, чтобы прохаживаться, comme des paons[1]!

Студенческие кучки пришли в движение и превратились в две длинные шеренги. Я встал рядом с Череватовым. Ланской занял место в центре, картинно выпрямив спину. Дюваль прошёлся вдоль строя, придирчиво оглядывая каждого, потом остановился и заложил руки за спину.

— Прежде чем вы возьмёте в руки рапиру, вы должны понять одну важную вещь, — начал он, и его акцент делал каждое слово чуть мягче, но оттого не менее весомым. — Фехтование — это не просто умение махать железкой. Non, non, non! Это искусство. Это — душа аристократа.

Он выдержал паузу, обводя нас взглядом.

— Сейчас модно говорить, что будущее за огнестрельным оружием. Пистолеты, ружья Пф-ф-ф! — он пренебрежительно махнул рукой. — Любой трус может нажать на курок. Любой лавочник, любой крестьянин. Где в этом честь? Где мастерство? Выстрелил — и готово, даже в глаза противнику не посмотрел.

Он выхватил свою рапиру, и клинок сверкнул в солнечном свете.

— А фехтование — это разговор. Диалог чести. Вы смотрите в глаза сопернику, вы чувствуете его дыхание, вы читаете его мысли по движению клинка. Это искусство, достойное благородного сословия. Запомните это, mes étudiants. Тот, кто владеет рапирой, владеет собой. А тот, кто владеет собой, владеет миром.

«Сколько гонора, — хмыкнул Парадокс. — Честь, благородство - смех, с пулей в голове железкой не помашешь».

Я поджал губы, чтобы не ответить надоедливому духу какой-нибудь колкостью.

— Однако, — продолжал Дюваль, — прежде чем вы начнёте вести благородный диалог, вы должны привести свои тела в порядок. Это поможет вам, как будущим магам. Для многих — это важно. — Его взгляд задержался на Череватове, и тот сжался, — смертельно важно. Поэтому начнём с разминки. Десять кругов по залу бегом! Tempo, tempo[2]!

Студенты нестройно загудели, но под тяжёлым взглядом француза быстро зашевелились. Первые ряды побежали вдоль стен, остальные потянулись следом.

Я побежал вместе со всеми. Первый круг дался легко. Второй круг — тоже ничего. На третьем я заметил, что некоторые уже начали сдавать.

Череватов пыхтел позади, как паровоз, и к четвёртому кругу заметно отстал. Постепенно все начали замедляться, лишь десяток студентов с разных факультетов. К моему удивлению, наравне со всеми бежала Ида. Она летела впереди меня, легко, лишь серебристая коса била по спине. Я тоже не отставал, в какой-то момент я нашёл в себе силы, чтобы догнать её, поравнялся.

— Леди Ида, — на бегу поприветствовал я её, пытаясь отвесить на ходу элегантный поклон, из-за чего споткнулся и тут же отстал. Мелькнула лёгкая улыбка на сосредоточенном лице. Я быстро оправился и вновь догнал девушку.

— Можно побегу рядом? — слова тут же сбили дыхание, но я сцепил зубы и в этот раз не отстал.

Ида только улыбнулась и сделала рукой какой-то жест, который я трактовал как разрешение.

«А ты не такой дохлый, каким кажешься», — ожил Парадокс.

Я не стал комментировать, а размеренно бежал рядом с леди Идой.

Не успел я как следует устать, как наступил последний круг.

— Suffisant, pas mal![3] — скомандовал месье Дюваль. Мы остановились и замерли, стараясь отдышаться. Ида стояла спокойно, словно не пробежала сейчас десять огромных кругов. Кроме нас с ней полные десять кругов без остановок пробежало десять человек, три из которых девушки, среди которых, конечно же, был и князь Ланской.

Мы стояли в стороне. И смотрели, как бежали остальные. Многие уже сдались и еле ковыляли пешком, вторые пытались двигаться перебежками переходя с бега на шаг и обратно. Череватов, меня приятно удивил, он не остановился и даже не перешёл на шаг, хотя его бег был чуть быстрее шага какой-нибудь древней графини. Данила весь покрытый красными пятнами, мокрый, словно только что нырнул в озеро, бежал. Медленно, но бежал.

— Отлично, молодой человек! — месье Дюваль тоже обратил на него внимание и крикнул — *ne tarrête pas!* [4]

Спустя ещё десять минут последние доскреблись до финиша. На студентов было страшно смотреть. Лица, полные ужаса и страдания. Кто-то сидел на полу и тяжело дышал, кто-то кашлял, некоторые просто лежали прямо на полу.

— Вы прекрасно бегаете, Всеслав, — Ида стояла возле меня и смотрела своими глубокими синими глазами.

— Не так хорошо, как вы, — я улыбнулся девушке, — откуда такие навыки?

— У меня были хорошие учителя, мне с самого детства говорили, что чем ты сильнее, тем дольше ты сможешь пользоваться духом. Они слишком сильно влияют на наши тела и наши души.

Разговор наш прервал Дюваль:

— Построились!

Он прошёлся вдоль всей шеренги, заглядывая каждому в лицо:

— Плохо, очень плохо, господа и дамы. Вы — цвет Российской Империи, а пробежать не способны и километра. Вам должно быть стыдно!

Наконец Дюваль закончил осмотр рядов, хлопнул в ладоши.

— А теперь — разбейтесь на пары. Берите учебные рапиры. Посмотрим, кто из вас умеет не только бегать, но и держать клинок.

Студенты зашевелились, выбирая партнёров. Череватов тут же прибил к какому-то шуплому пареньку с факультета Объединения. А я остался стоять один.

И тут ко мне подошёл Ланской.

Он был облачён в безупречно сидящий костюм для фехтования. В руке он небрежно держал учебную рапиру. Его взгляд скользнул по мне, оценивая, и на губах заиграла знакомая ехидная улыбка.

— Соколов, — произнёс он, и в его голосе зазвучала холодная, почти ритуальная вежливость. — Не составите мне пару? Уверен, это будет познавательно.

Я посмотрел ему в глаза. Там, за внешней любезностью, пряталось что-то хищное. Он явно хотел поквитаться за утреннюю пощёчину, но обставить всё так, чтобы выглядело случайностью. Учебный бой — идеальный повод.

— Почту за честь, князь, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Мы встали в позицию. Дюваль подошёл ближе, с интересом разглядывая нашу пару.

— Отлично. Правила простые: касание — очко. До трёх очков. Без магии, только сталь и мастерство. Я буду следить. Начали!

Студенты, стоявшие вокруг нас, тоже начали расходиться по парам, зазвенела сталь

Его выпад был быстрым и точным, в нём чувствовалась выучка, годы тренировок с лучшими учителями. Я едва успел отбить, клинок скользнул по моему, издав противный скрежет. Князь тут же сделал шаг назад, перегруппировался и снова пошёл в атаку.

Он был опытнее. Намного опытнее. Каждое его движение было выверено и отточено. Но я заметил то, чего не ожидал — я был быстрее. И сильнее. Тело, закалённое бегом по василеостровским дворам с городскими мальчишками, реагировало само. Я уклонялся там, где не успевал отбить, и кончик его рапиры раз за разом рассекал воздух в сантиметре от моего мундира.

«Неплохо, хозяин, — одобрил Парадокс. — Ты как вертлявая мартышка. Он не может по тебе попасть. Продолжай в том же духе».

Ланской начал злиться. Его движения стали резче, агрессивнее. Он сделал серию быстрых выпадов, тесня меня к стене. Я отбивался, чувствуя, как горят мышцы, но не уступал. Звон стали разносился по залу, и краем глаза я замечал, что другие пары остановились, наблюдая за нами. И тут случилось то, чего я не ожидал.

В очередной атаке, когда Дюваль отвернулся к другой паре, Ланской сделал неувловимое движение левой рукой. С его пальцев сорвалась крошечная огненная вспышка — не атакующая, но ослепляющая, направленная прямо мне в глаза.

Я инстинктивно зажмурился, но было поздно — яркий свет ударил по зрачкам, и на мгновение мир погрузился в белую пелену.

И в это же мгновение внутри меня проснулась ярость. Не моя. Чужая. Холодная и безжалостная.

«Ах ты крысиный выродок, — голос Парадокса прозвучал не в голове, а, казалось, во всём теле. — В спину? Магией? Когда не можешь победить честно?»

Я почувствовал, как моя левая рука сама пошла вверх. Пространство передо мной пошло рябью, словно воздух над раскалённой мостовой, и огненная вспышка, не достигнув цели, отразилась обратно.

Ланской вскрикнул.

Его собственная магия ударила ему в грудь, отбросив назад. Рапира вылетела из руки, и князь рухнул на пружинящий пол, хватаясь за мундир, на котором тлел маленький, но заметный ожог.

— Ты!.. — зашипел он, поднимая на меня полные ненависти глаза. — Ты мухлюешь! Используешь магию! Я знал! Я всегда знал, что ты — шарлатан!

В зале повисла тишина. Все взгляды обратились к нам.

Дюваль оказался рядом мгновенно. Он навис над Ланским, и его обычно искрящиеся глаза стали холодными как сталь.

— Что здесь произошло? — спросил он, и акцент исчез, остался только металл в голосе.

— Он использовал магию! — выкрикнул Ланской, тыча в меня пальцем. — Он ударил меня магией! Вы же запретили магию, месье! Это нарушение!

Дюваль медленно перевёл взгляд на меня.

— Соколов. Это правда?

Я стоял, всё ещё чувствуя, как в груди бурлит чужой гнев. Парадокс молчал, но его присутствие ощущалось как туго сжатая пружина.

— Он первым использовал магию, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — князь Ланской пытался ослепить меня.

— Ложь! — Ланской начал подниматься, но Дюваль жестом остановил его.

— Помолчите, князь. — Француз подошёл ко мне, заглянул в глаза. Его взгляд был острым, пронзительным. — Я не видел, кто начал первым. Но я чувствую остаточную магию, которая исходит от вас обоих.

Он повернулся к Ланскому.

— Ваш дух — огненный, *nest-ce pas?*[5] И я чую запах горелой ткани от вашего мундира. Но я также чую — он снова посмотрел на меня, — нечто иное. Нечто, чего я не могу назвать.

Дюваль выпрямился и громко объявил:

— Занятие окончено. Все свободны. А вы двое, — он указал на меня и Ланского, — оставайтесь.

Студенты нехотя потянулись к выходу, бросая на нас любопытные взгляды. Череватов задержался у двери, но я кивнул ему. Ида, проходя мимо, на мгновение задержала на мне взгляд, но тут же спрятала глаза.

Когда зал опустел, Дюваль скрестил руки на груди.

— Теперь говорите правду. Без свидетелей. Кто начал?

Ланской молчал, сжимая челюсти. Я тоже молчал.

— Хорошо, — Дюваль вздохнул. — Тогда скажу я. Вы, князь, использовали магию пер-
вым. Я не видел, но знаю. Ваш дух слишком горяч, чтобы вы удержались от соблазна. А вы,
Соколов, ответили. Месье Соколов был в своём праве так поступить, но вы, Ланской, нару-
шили правила. Две недели наказаний на кухне, думаю, будут для вас хорошим уроком.

Зрачки Ланского расширились, ноздри гневно раздувались.

— Да как вы смеете, я князь Ланской.

Дюваль остался внешне спокоен, лишь тонкие усы дёрнулись.

— Князь Ланской — это ваш отец, молодой человек, чтобы вам считаться достойным
сыном своего отца, вам до этого звания ещё расти и расти. *Suis-je clair?* [6]

Ланской заскрипел зубами, но ничего не сказал. Дюваль не стал требовать от него ответа.
Улыбнулся и кивнул нам на дверь.

— Вы свободны, господа!

[1] *comme des raons* — как павлины (фр.)

[2] *Tempo, tempo* — Быстрее, быстрее! (фр., от итал. *tempo* — темп)

[3] *Suffisant, pas mal!* — Достаточно, неплохо! (фр.)

[4] *ne t'arrête pas!* — не останавливайся! (фр.)

[5] *n'est-ce pas?* — не так ли? (фр.)

[6] *Suis-je clair?* — Я ясно выражаюсь? (фр.)

«Понравилось? Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить продолжение!»

Глава 5

Кухня главного корпуса встретила меня жаром, паром и ярким запахом еды. Огромное помещение с низкими сводчатыми потолками было заставлено столами, печами и горами посуды. У одной из стен возвышалась настоящая баррикада из грязных котлов — чугунных, покрытых вековым слоем жира и копоти. Некоторые были такими огромными, что в них можно было сварить целиком небольшого быка.

Я появился на кухне ровно в семь, как и было велено в записке Збарского. Ланского ещё не было. Встретил меня огромных размеров мужчина в белоснежном фартуке. Он был похож на медведя, такой же огромный, слегка неуклюжий. На свирепом лице у него было нечто вроде улыбки. Маленькие чёрные глазки ярко сверкали. А блестящая лысина блестела в ярком свете ламп. Он окинул меня взглядом, от которого захотелось втянуть голову в плечи, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Совсем на братьев не похож, — проревел великан, протягивая мне огромную ручищу.

— Я Степан Андреич, главный тут. Проходи, не стой столбом. Чай, не в гости к императору пришёл, — он хохотнул, — а ты молодец, переплюнул братьёв, раньше всех со мной решил познакомиться.

«Силён мужик, — хихикнул Парадокс.

— Здравствуйте, Степан Андреевич, — я протянул в его лапу, которую он стиснул так, что у меня из глаз чуть не брызнули слёзы.

— Ваши братья, почитай, все через мою кухню прошли, — неожиданно продолжил Степан Андреич, присаживаясь на перевёрнутый ящик и жестом предлагая мне сделать то же самое. — Старшие-то у тебя молодцы, Вадим так вообще — душа-человек, от меня не вылезал. И не в наказание, а так заходил, пообщаться со старым воякой.

— Он не особо рассказывал мне про кухню, — отозвался он, — говорил только, что мыл котлы по ночам. — Почти каждую неделю, — Степан Андреич мечтательно улыбнулся. — Придёт, бывало, сядет вон в том углу, и давай рассказывать про то, как в экспедиции ходить будет, путешествовать. Глаза горят, руками машет. Я его пирогами с капустой подкармливал и чаем поил. Хороший парень.

В груди у меня потеплело. Я вспомнил весёлое лицо брата и его истории. Надо было бы ему написать, но как-то так сложилось, что в семье у нас письма почти никто не писал. Он уезжал в экспедиции на месяцы и ни слова, ни весточки от него никто не получал.

— Он сейчас где-то в Сибири, — улыбнулся я, — занимается поиском полезных ископаемых, алмазы ищет. Степан Алексеевич крикнул. — Как был мечтателем, так им и остался, а парень способный, мог бы при каком-нибудь министерстве себе сделать хорошую карьеру, как Всеволод. Ну, да ладно. Работы много, а ты пока один. Вон твой напарник, кажется, соизволил явиться. Лицо Ланского было таким кислым, что молоко, оставленное в тепле неделю назад, показалось бы по сравнению с этим мелочью. Он брезгливо поджал губы. Изысканный сюртук с серебряными пуговицами сидел на нём идеально, на руки он надел тонкие перчатки из телячьей кожи. Я смерил его насмешливым взглядом, представляя, как он будет оттирать жирные котелки в своём наряде. Ланской обвёл помещение взглядом, полным такого презрения, словно он не посуду будет мыть, а нырять в выгребную яму. Его взгляд задержался на мне на секунду, потом скользнул по Степану Андреичу, и князь демонстративно отвернулся, сделав вид, что нас не существует. Степан Андреевич тяжело вздохнул, видимо, не впервые встречается с такой вот золотой молодёжью. — Добрый вечер, князь, — сказал я спокойно. Ланской не ответил. Он прошёл мимо, едва не задев меня плечом, и остановился у горы котлов, брезгливо разглядывая их.

Степан Андреич хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Значит так, молодые господа. Вот это, — он обвёл рукой баррикаду, — должно сиять, как у кота моя лысина, — он провёл ладонью по собственной блестящей макушке и хохотнул. — Пока не домоете — не уйдёте. Ланской молчал, лишь ноздри его гневно раздувались. Казалось, он из последних сил сдерживается, чтобы не разразиться гневной тирадой.

Степан Андреич ещё раз окинул нас взглядом, хмыкнул и удалился вглубь кухни, где его уже ждали другие дела. Мы остались вдвоём с горой грязной посуды и нарастающим напряжением.

Я, не теряя времени, закатал рукава, взял тряпку и принялся за работу. Котлы были огромными, жирными и невыносимо грязными. Но я не жаловался — привык к чёрной работе с детства, когда прислуги в доме было кот наплакал, а родители считали, что «труд облагораживает». Скорее всего, тем самым они оправдывали нашу крайнюю бедность, но я не протестовал. К тому же их «облагораживание» дало свои плоды. Может, они были не так уж и неправы.

Ланской взял тряпку двумя пальцами, брезгливо, словно дохлую крысу, и начал вяло водить по котелку, размазывая жир. На его лице было столько муки, что я еле сдерживал улыбку.

«Смешной мальчик, — хихикнул Парадокс, — не хочешь помочь ему?»

— Отвали, — процедил я, с остервенением оттирая остатки пищи от дна котелка.

— Что ты сказал? — Ланской гневно таращил на меня глаза.

— Я не вам, князь, — сказал я, нового конфликта мне не хотелось.

Князь фыркнул и вернулся к своему занятию.

Прошло полчаса. Его гора почти не уменьшилась, зато моя заметно поредела. Я тёр и скоблил, смывал жир и копоть, и постепенно входил в ритм. Работа была монотонной, но в ней было что-то успокаивающее. Параллельно я напряжённо думал. Мысли мои крутились вокруг предстоящего допроса Тайной канцелярией, о несчастном студенте, которого я обнаружил в коридоре и почему-то об Иде.

Мы знакомы с ней два дня, и за прошедшие два дня она показала мне разное отношение — от приветливости до полного избегания. Занятый своими мыслями, я не заметил, что звук скребка исходит только от моего котелка. Ланской же уже не скрёб. Князь стоял, опершись на край котла, и смотрел в одну точку. Его лицо было каменным, губы сжаты в тонкую линию.

— Князь, так мы с вами просидим до утра, не хотелось бы идти на занятия не выспавшись, — поддел я его.

Он поднял на меня взгляд, полный ледяного презрения.

— С какой стати я должен марать руки? — процедил он. — Это ты — ничтожество, пустышка. Тебе самое место за такой работой. А я — князь. Мой удел командовать, а не драить котлы.

«Ого, — ожил Парадокс. — Какие мы важные. Может, пришлётнуть князька, пока никто не видит? Скажем, что котёл упал. Несчастный случай. Я могу организовать. Никто не докажет».

Вот кому было весело.

— Замолчи, — снова процедил я, сквозь зубы

— Что? — Ланской нахмурился, его глаза опасно блеснули.

— Я не вам, — повторил я, чувствуя, как во мне закипает злость. — Слушайте, князь. Мне плевать, кто вы за стенами академии. Здесь мы оба наказаны. И пока мы не домоем эту чёртову посуду, мы отсюда не выйдем. Поэтому либо вы берёте тряпку и работаете, либо сидите и ждёте до утра. Я домою свою половину и уйду.

Я демонстративно разделил оставшуюся гору на две примерно равные кучи, пододвинул одну к Ланскому и вернулся к своей.

Князь побагровел. Его лицо исказилось от ярости, он открыл рот, чтобы что-то сказать, но прикусил язык. Видимо, перспектива просидеть на кухне до рассвета, вдыхая запах подго-

ревшего масла и драя котлы, ему не нравилась. Он сжал зубы до скрипа, стянул перчатки, обнажив бледные пальцы с безупречным маникюром, и с видом величайшего одолжения взялся за тряпку.

Время тянулось словно заколдованное. Я тёр и скоблил, смывал жир и копоть, и постепенно моя куча превращалась в ровный ряд сияющих, хоть и потёртых, котлов. Руки ныли, спина болела, но дело было сделано. Я вытер пот со лба и обернулся.

На Ланского было жалко смотреть. Его куча уменьшилась едва ли на треть. Он морщился, шипел себе под нос что-то неразборчивое, и по-прежнему водил тряпкой по одному месту, едва касаясь металла. Его лицо было полно муки. Периодически он останавливался, разглядывал свои испачканные пальцы с ужасом и отвращением, и снова принимался за работу с удвоенным ожесточением, но без видимого результата. На его дорогом костюме уже появились сальные пятна.

Я уселся на перевёрнутый ящик и стал ждать. Тишину нарушало лишь шипение Ланского и редкое звяканье металла. В голове у меня крутились обрывки мыслей — о допросе, о странном поведении Иды, о том, что сказал ректор. И о Парадоксе, который, кажется, только и ждал момента, чтобы напомнить о себе. *«Скучно, — протянул он. — Этот князёк возится, как сонная муха. Может, подтолкнём его? Чуть-чуть страха — и он зашевелится быстрее».*

— Нет, — одними губами ответил я. — Он и так на взводе. Ещё сорвётся — и придётся разбираться со Збарским.

«Ты слишком правильный, хозяин. Скучный».

Я невольно хмыкнул. Ланской, услышав звук, резко обернулся, сверкнул глазами, но ничего не сказал и снова уткнулся в котёл. Его спина, обтянутая дорогим сукном, так и кричала о его презрении. Если бы я не дал ему пощёчину при всех, он бы сейчас сидел в своей комнате, пил чай и читал книгу. Или строил козни против других студентов.

— Что уставился? — огрызнулся Ланской, заметив мой взгляд. Его голос дрожал от злости и усталости. — Думаешь, раз домыл свою часть, можешь сидеть и наслаждаться моим унижением?

— Ваша светлость, — устало сказал я, — я нисколько не наслаждаюсь вашим унижением и даже в какой-то мере сочувствую. Заметьте, я помыл гораздо больше, чем вы. А сижу я потому, что нас никто не отпускал, таковы правила. Вот и всё.

Он презрительно фыркнул.

— Такие, как ты, всегда прикрываются правилами, потому что больше им нечем прикрыться. У вас нет ни происхождения, ни достоинства, ни силы. Только правила, за которые вы цепляетесь, как утопающий за соломинку.

Я промолчал, решив не поддаваться на провокацию. Но внутри закипало раздражение.

— Вот именно! — взвился он, неправильно истолковав моё молчание. — Ты должен был помыть и мою часть! Это твоя работа, Соколов! Ты — никто, пустышка, изгой. Твоё место — у помойного ведра! А я — князь! Мой род древнее, моя кровь чище, мой дух сильнее! Почему ты не можешь просто признать это и делать то, что тебе положено?

Я взорвался.

— Князь, вы неправы, мне преподавали геральдику и ваш род никак не древнее рода Соколовых. Это раз! Два: пусть мы и бедны, но вопросы чести и достоинства в нашей семье живут, может быть, даже крепче, чем в вашей. И, пожалуйста, выбирайте слова, разговаривая с аристократом. Я не ваш слуга и ничем вам не обязан, ваша светлость.

Ланской замер. Его лицо исказилось, он открыл и закрыл рот, пытаясь найти слова. Его глаза бегали, губы шевелились беззвучно. Я видел, как в нём борются ярость и растерянность. Наконец он выдавил из себя:

— Ты ты смеешь меня поучать? Меня, чей род владеет землями, которые твоим предкам и не снились! Твоя геральдика — пыль. А якобы «честью» вы прикрываете свою нищету! А

достоинство какое достоинство может быть у того, кто явился в академию в обносках старшего брата?

Он ткнул пальцем в мой мундир, который и правда сидел мешковато. Я почувствовал, как краска заливает лицо, но сдержался. Парадокс внутри меня захихикал:

«О, задел за живое?», — Парадокс хмыкнул, — *«Может, всё же вдарить по нему?»*

— Мундир можно сменить, князь, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А вот с глупостью вряд ли что-то получится сделать. Вы даже не можете ответить на простой вопрос: что я лично вам сделал? Вы меня ненавидите просто за то, что я существую. Это жалко, Андрей.

Ланской побагровел. На лбу вздулась вена. Он сжал тряпку в кулаке, и с неё закапала грязная вода прямо на его дорогие туфли, но он не обратил на это внимания.

— Ты — ошибка, Соколов, — прошипел он. — Все это знают. И рано или поздно ты отсюда вылетишь. Вот тогда я посмотрю на твою гордость. Что может твой дух? На каком ты факультете?

«Давай покажем ему, что я могу», — я почувствовал, как внутри меня зашевелился Парадокс, электрические разряды побежали по моей спине.

Но я ничего не сделал, даже не сказал. Спорить было бессмысленно, мы жили в слишком разных мирах. Я отвернулся и стал смотреть на свои чистые котлы, выстроенные в ряд. За спиной Ланской с остервенением набросился на очередной котелок, и звук скребка стал громче и злее. Видимо, князь решил выместить злость на ни в чём неповинной посуде.

Прошло ещё около получаса. Я уже начал клевать носом, когда в дверях появился Степан Андреич. Он окинул взглядом мою половину, а потом посмотрел на жалкие потуги Ланского и усмехнулся в усы.

— Соколов, — прогудел он, — ты своё сделал. Молодец. Можешь идти. А вы, ваше сиятельство, — он повернулся к Ланскому, и насмешливо пробасил, — останетесь. Пока не домоете всё до блеска. Я лично прослежу. И не надейтесь, что я отвернусь или устану. Мне для сна времени надо немного. Привычка старая, ещё с военной службы.

Ланской даже не поднял головы. Склонился над котелком и механически его тёр. Я бросил на него последний взгляд и заметил в лице князя какую-то перемену. Это было похоже на отчаяние, губы сжаты в тонкую линию, глаза почти в слезах. В моей голове мелькнула мысль остаться и помочь этому несчастному человеку, но те слова, что он сказал, не дали мне этого сделать. Жалость в глазах таких людей — это слабость, а я слабым казаться не хотел. — *Доброй ночи, Степан Андреич*, — сказал я. — Рад был познакомиться, до завтра!

Я вышел в коридор, и тяжёлая дверь кухни захлопнулась за спиной, отрезав меня от кухонной духоты. В коридоре было тихо и прохладно. Светильники горели через один, отбрасывая на каменные стены дрожащие тени. Я прислонился к стене и перевёл дух.

Внутри всё ещё кипело. Этот разговор с Ланским вымотал меня сильнее, чем три часа возни с котлами. Я не понимал его. Не понимал этой слепой, беспричинной ненависти, которая горела в его глазах. Что я ему сделал? Родился не в той семье? Не имел за душой ничего, кроме гордости и старого мундира? Этого достаточно, чтобы желать мне провала?

«Ты слишком много думаешь о нём», — тихо подал голос Парадокс. В его тоне не было обычного ехидства, скорее усталость. — *Он — злобное, завистливое, но пустое существо. Не обращай внимания. Ему не помочь»*.

— Я не пытаюсь ему помочь, — тихо ответил я, глядя в тёмный потолок. — Просто пытаюсь понять. Родители меня тоже не очень любили. Но там хотя бы была причина — я не оправдал ожиданий, дух не проснулся до двенадцати, как у братьев, талантами не блистал. А здесь Он меня даже не знает.

«Зависть», — уверенно сказал Парадокс. — *Зависть к тому, что ты есть. Ты беден, но свободен. У тебя нет громкого имени, но ты не тащишь за собой груз чужих ожиданий. Твой*

дух неизвестен — и это пугает его сильнее, чем любой огненный шар. Он чувствует, что ты опасен. И правильно чувствует».

Я хмыкнул. Может, Парадокс и прав. А может, просто утешает. В любом случае, сейчас не время для философии. Я оттолкнулся от стены и зашагал по коридору в сторону Западного крыла.

Академия ночью казалась совсем другим местом. Днём она была шумной, суетливой, наполненной сотнями голосов и шагов. Ночью же она превращалась в лабиринт теней и сквозняков. Мои шаги гулко отдавались под сводами, и каждый звук казался преувеличенно громким. Где-то вдалеке скрипнула половица, и я невольно ускорил шаг.

«Боишься?» — с любопытством спросил Парадокс.

— Нет, — соврал я. — Просто холодно.

В центральной галерее было темно и пусто. Мои шаги гулко отдавались в тишине. Я брёл в сторону Западного крыла, предвкушая, как рухну на свою скрипучую кровать и просплю до самого утра. Завтра меня ждал допрос в Тайной канцелярии, и нужно было быть в форме. Или хотя бы не выглядеть как человек, который не спал всю ночь, но планам мои не суждено было сбыться. Возле галереи, соединявшей западное крыло и главный корпус, меня уже ждали.

Глава 6

— Ну сколько можно возиться? — зашипел на меня Череватов, сияющий, как серебряный рубль, — неужели там так много работы? Я битый час тут отираюсь, меня чуть Збарский не поймал.

Я удивлённо уставился на графа.

— Да я уже час назад свою работу сделал, а вот наш пресветлый Князь оказался не очень приспособлен к мытью котелков.

Череватов хихикнул, прикрывая ладонью рот.

— Я бы посмотрел на это зрелище: сам князь Ланской моет грязные и вонючие горшки.

— Так, — он окинул меня оценивающим взглядом, — ты в карты играешь?

Я удивлённо вскинул брови:

— Карты? Так в Академии же запрещены азартные игры.

Данила заговорщически улыбнулся.

— Ты забыл, в какой стране живёшь. Строгость закона оправдывается необязательностью его исполнения. Меня пригласили в один студенческий кружок, сегодня первая игра. Ты как?

Я ни секунды не думал. До Академии я частенько играл в карты, зарабатывая на этом. Я был удачлив и обладал хорошей памятью. Только одно меня могло остановить — деньги.

— Данила, а какой там — я замялся, подбирая слова.

Тот быстро смекнул.

— Играют по маленькой, от трёх рублей.

Я удивлённо присвистнул. Для кого-то три рубля — это очень большие деньги: семья из трёх человек где-нибудь в глубинке может жить на них недели две. Череватов оценил моё замешательство по-своему:

— Слушай, если сейчас проблемы с финансами, я могу и одолжить.

Я благодарно улыбнулся ему:

— Не беспокойтесь, граф. Пусть ваша казна будет только на вашей совести. Три рубля найду, а проигрывать я не собираюсь. Только мне надо переодеться.

Мы двинулись к моей комнате, где я достал из-под матраца припрятанный кошелёк и передел рубаху. Надел обычный свой сюртук, в котором ходил по Васильевскому острову. Сюртук мой был уже поношен, и на нём образовалось пара прорех, которые мне зашивала старая нянька Прасковья. Эту науку простых людей я так и не постиг: постоянно колол пальцы, а швы выходили страшные и сразу бросались в глаза.

Мы двинулись через полутёмные коридоры академии. Череватов шагал уверенно, сворачивая в какие-то боковые проходы, о существовании которых я даже не подозревал. Академия на первый взгляд выглядела спящей, но то тут, то там нам встречались крадущиеся в темноте студенты. Пару раз мы резко сворачивали в тёмные коридоры или заходили в пустые помещения, заваленные всяким хламом, пропуская проводящих осмотр преподавателей.

— Тебе хорошо, — шептал Данила, — к тебе вряд ли кто-то заглянет из преподавателей, ты же вообще на другом конце общежития от всех. Если только Збарский, но я поспрашивал, ему кроме науки ничего не интересно. Он очень хотел работать в академии, но просто заниматься наукой сейчас не разрешают, вот он и вынужден преподавать, а так ему наши проблемы и вообще студенты до одного места.

Попетляв по коридорам ещё минут десять, мы наконец добрались до нужного места. Зелёная дверь посреди большого холла. Данила прислушался, потом осторожно отстучал какой-то замысловатый ритм:

— Специальный сигнал, — пояснил он мне, — если стучат преподаватели, то они просто ломятся, и есть время спрятать всё, что надо спрятать.

Дверь открылась и на нас уставились огромные, слегка захмелевшие глаза. Студент радостно ощерился:

— Данилка, пришёл-таки и друга привёл. А мы уже думали, что испугаешься и не придёшь.

Данила выгнул грудь:

— а вы что же думали, ваша светлость, мы пальцем деланные? Вот, привёл товарища — Всеслав Соколов, с никакого факультета, — Данила покосился в мою сторону, проверяя реакцию.

Семён посмотрел на меня с нескрываемым интересом:

— Наслышаны, ну заходите, — он посторонился, пуская нас, потом выглянул за дверь и осмотрел пустой коридор. — обычно преподаватели сюда не ходят, смотрят на наши собрания сквозь пальцы, но мало ли.

Он запер за нами дверь и наконец протянул мне руку:

— Семён! — просто представился он, — у нас тут титулы не в ходу. Разве можно людей, которые драили вместе котлы, именовать вашей светлостью? Пойдёмте, я вас представлю.

Семён оказался говорливым и весёлым, впрочем, как и вся компания, сидевшая в средних размеров комнате. Здесь стояло несколько круглых столов и за каждым из них кто-то сидел. Студенты (а были это в основном старшекурсники, по крайней мере, ни одного первокурсника я не увидел), резались в карты, болтали. В полутёмных углах сидели парочки и занимались своими делами.

— Товарищи! — голос Семёна взлетел, — позвольте представить вам двух новых участников наших вакханалий — Всеслав и Данила — первокурсники, Данила — Стихийник, а Всеслав...ну, вы сами о нём все слышали. Всеслав, Данила — это все, не буду вам представлять каждого, сами, если захотят, познакомятся.

Студенты тут собрались с разных факультетов. Кто-то был в учебных сюртуках, кто-то переоделся в обычную одежду. В академии не было правила, чтобы все студенты ходили в форме постоянно, главное, чтобы форма была на занятиях и на торжественных мероприятиях. Так что я не смог выяснить, кто с какого факультета, лишь некоторых. Несколько человек точно были с факультета Подчинения, в том числе и Семён, два - с факультета Объединения.

В углу я заметил парня с факультета Воплощения, он сидел в обнимку с тоненькой девочкой, у которой на плече виднелась эмблема Грани. Остальные были без формы. Всего около пятнадцати человек.

Семён, пока мы с Данилой осматривались, достал откуда-то две медных чаши и протянул нам. Из чаши одуряюще пахло вином. Мы с готовностью взяли. *«О, а эти ребята умеют жить. Ворованное вино, карты, девицы в углах Одобряю»*, — весело засмеялся Парадокс.

— За вас, первокурсники! — торжественно объявил он, а все собравшиеся поддержали его такими же медными чашами.

Мы выпили. Вино оказалось превосходным. Семён доверительно пояснил:

— Мы утащили его из погреба Степана Андреевича в прошлом году, жалко, что осталось мало. Пьём только по исключительным случаям, а сегодня как раз первая встреча в этом году. Ну, знакомьтесь с народом.

Семён улыбнулся нам и танцующей походкой двинулся к столу, где сидели две девушки в простеньких платьях.

— Данила, — я посмотрел на товарища, который блаженно улыбался, — а ты как про это всё узнал?

Он легкомысленно махнул рукой.

— Так у меня брат только в прошлом году закончил учёбу, он мне и рассказал, к кому надо подойти. Я и подошёл к Семёну. А он меня и пригласил.

Я поражался его коммуникабельности.

— Друзья, идёте к нам! — махнула нам стройная блондинка, — будем играть и знакомиться.

Мы с Данилой переглянулись и двинулись к столу в углу. За ним уже сидели трое. Блондинка была в простом светлом платье с глухим воротом. Худощавый парень рядом с ней с тонкими, нервными пальцами был одет в тёмную рубашу без каких-либо знаков отличия. Третий — темноволосый, грациозный и текучий, словно вода; в простом сером жилете поверх белой сорочки, небрежно тасовал колоду. Карты в его руках двигались плавно, словно скользили, будто сделанные из неизвестного металла.

— Мария, — представилась блондинка, протягивая мне изящную руку. Я отметил, что рука у неё была ледяной.

— Иван, — кивнул худощавый. Он не протянул руки, лишь пристально посмотрел мне в глаза, и на мгновение мне показалось, что он смотрит куда-то сквозь меня. — А это Тимофей, наша гроза карточных столов.

Тимофей молча кивнул, не отрываясь от колоды.

«О, мне нравится эта компания», — промурлыкал Парадокс.

Я сел за стол. Череватов плюхнулся рядом, выкладывая перед собой несколько серебряных монет.

— Правила знаете? — спросила Мария, разливая по чашам остатки вина. — Вист, классический. Ставки для новичков — от рубля. Чтобы не так больно было проигрывать. Ну или выигрывать, если повезёт.

Она снова улыбнулась, и Данила, кажется, поплыл. Он с готовностью выложил рубль, я последовал его примеру.

— Начнём, — Тимофей ловко раздал карты.

Первая раздача прошла для меня спокойно: пара взяток, небольшая потеря. Череватов взял одну и остался при своих. Но уже на второй началось что-то странное.

Мне пришли отличные карты. Два туза, король, дама — набор, с которым можно брать почти всё. Я сделал ставку, внутренне предвкушая хороший выигрыш. Но Иван, сидевший напротив, вдруг сбросил карты с такой уверенностью, будто знал, что у меня на руках. Тимофей спокойно перебил мою ставку, и в итоге я остался с носом.

— Ничего, — шепнул Череватов, — бывает.

Но «бывало» раз за разом. К пятой раздаче Данила проиграл уже пять рублей, а я балансировал где-то около нуля, то выигрывая мелочь, то теряя. Это было неестественно. Моя память, обычно безотказно фиксирующая каждую вышедшую карту, словно давала сбой. Я не мог понять, какие карты остались в колоде — казалось, что Тимофей тасует их как-то неправильно, но я не мог уловить момент.

«Хи-хи, — раздался в голове ехидный смешок Парадокса. — *Забавно наблюдать, как тебя раздевают, хозяин. Ты ведь уже понял, да?*»

Я стиснул зубы, стараясь не выдать себя. Понял что? Что они жульничают? Но как?

К восьмой раздаче Череватов проиграл уже двенадцать рублей. Его круглое лицо вытянулось, на лбу выступила испарина. Он бросал на меня отчаянные взгляды, но я ничем не мог помочь — сам едва держался на плаву.

К концу игры, когда Тимофей объявил последнюю раздачу, я остался ровно при своих. Ни копейки не выиграл, ни копейки не проиграл. А вот Данила выложил на стол пятнадцать рублей — сумму, для студента весьма ощутимую.

Мария сгрела монеты в маленький бархатный мешочек и подмигнула Череватову.

— Не расстраивайся, граф. Это всего лишь деньги.

— Но как?! — взорвался Данила, хлопнув ладонью по столу. — Я же у меня были хорошие карты! Я должен был выиграть! Вы вы жульничаете!

За столом повисла тишина. Потом Иван хмыкнул, Тимофей отложил колоду и скрестил руки на груди, а Мария расхохоталась — звонко, искренне, без тени злобы.

— Конечно, жульничаем, — отсмеявшись, сказала она. — Ты только сейчас понял?

Мы с Череватовым переглянулись

— Но это же нечестно! — возмутился Данила.

— А кто сказал, что будет честно? — Иван прищурился. — Вы сели играть с незнакомыми людьми в тайном клубе, где собираются маги. И думали, что здесь играют по правилам уличного шулера?

— Мы вас специально сюда посадили, — добавил Тимофей спокойно. — Всех новичков сажают. Это традиция.

— Чтобы преподать урок, — Мария наклонилась вперёд, и её голос стал серьёзным. — Никогда не садитесь играть с теми, чьих способностей вы не знаете. Я, например, могу заглядывать в поверхностные мысли. Не глубоко, — она подняла ладонь, — только то, что крутится на самом верху. Например, когда ты смотришь на свои карты, ты мысленно их называешь.

Она смотрела на Данилу, потом обратилась ко мне:

— А ты Всеслав - молодец. Ты считаешь только выбывшие карты, очень сложно было уследить за твоими.

Я удивлённо закашлялся.

— Иван, — продолжала она, кивая на худощавого, — может посмотреть на мир чужими глазами. Когда ты поднимал карты, он смотрел твоими глазами и видел их. Просто и эффективно.

— А Тимофей, — Иван усмехнулся, — с факультета Грани. У него дух, который чувствует вероятности. Он знает, какая карта придёт следующей, просто держа колоду в руках. И тасует соответственно.

Я перевёл взгляд на Тимофея. Тот пожал плечами.

«Ах ты ж, — в голове у меня Парадокс разразился хохотом. — *Вот это я понимаю, таланты!*».

— Ты знал?! — прошипел я одними губами.

— Что? — Мария удивлённо посмотрела на меня.

— Ничего. Это я не вам.

— А, это ты со своим духом общаешься, — понимающе кивнул Иван. — Я слышал о тебе. Парадокс, верно? Интересный экземпляр. Я пытался заглянуть в твою голову, но там — он поёжился, — темнота. И кто-то смеётся. Я не стал лезть глубже.

«Умный мальчик, — довольно протянул Парадокс. — *Передай ему, что я оценил*».

Я не стал передавать.

— Так вы вернёте деньги? — с надеждой спросил Череватов, всё ещё глядя на бархатный мешочек в руках Марии.

— Нет, конечно, — она убрала мешочек куда-то в складки платья. — Это плата за урок. Сами сели играть с неизвестными противниками, сами виноваты. В следующий раз будете умнее.

— Но это же целое состояние! — простонал Данила. — Пятнадцать рублей! Отец меня убьёт.

— Ничего, — Тимофей снова взял колоду, — переживёшь. Зато теперь ты знаешь, что магию можно использовать не только для дуэлей. И, кстати, — он обвёл нас взглядом, — в нашем клубе есть правило: мы не используем магию против своих. Только против новичков, в учебных целях. И только один раз. Если вы останетесь в клубе, больше никто не будет вас так разводить.

— Учебных целях, — проворчал Череватов, но в его глазах уже загорелся интерес. — И как же нам научиться понимать, когда рядом творится магия?

— Этому вас Збарский научит, — Мария поднялась и потянулась.

— А теперь — давайте ещё по одной, и разбегаемся, теперь честно. Уже поздно, а завтра у всех занятия.

Она снова наполнила чаши, и мы выпили. На этот раз вино показалось мне горьковатым, но, может, это просто осадок от проигрыша и неприятных открытий.

Когда мы с Череватовым вышли в коридор и двинулись в сторону Западного крыла, Данила долго молчал, а потом вдруг расхохотался.

— Ну и дела, Сев! Нас развели, как детей!

Я улыбнулся краем рта.

За оставшийся час мы почти отыгрались. Вернее, я вышел в небольшой плюс на два рубля, а Данила вернул пять. В одном из коридоров мы расстались и двинулись каждый в свою комнату.

Я закрыл за собой дверь комнаты и прислонился к ней спиной. Тишина Западного крыла обрушилась на меня, словно ватное одеяло. После шумного карточного клуба, после смеха Марии и прищуренных глаз Ивана, после нервного напряжения от проигрыша и неожиданного разоблачения, моя одинокая келья казалась почти убежищем. День мне показался безумно длинным.

Не успел я раздеться, как раздался лёгкий стук в дверь. На пороге стоял Збарский. В голове у меня замелькали мысли о том, что меня разоблачили и Збарский понял, что я давно ушёл с кухни. Но он пришёл по другому поводу.

Он был в домашнем сюртуке, без привычного академического мундира, но держался всё так же прямо и строго. В руке он держал небольшую масляную лампу, которая отбрасывала дрожащий свет на его худое лицо.

— Доброй ночи, Всеслав. Я ненадолго. Есть важный разговор.

Он прошёл в комнату без приглашения, поставил лампу на стол и окинул взглядом моё убогое жилище. На его лице не отразилось никаких эмоций — ни безразличия, ни сочувствия.

— Завтра после завтрака вы должны явиться в кабинет ректора, — начал он без предисловий. — Там вас будут ждать следователи Тайной канцелярии. Допрос назначен на десять утра. Не опаздывайте.

Я кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Что мне нужно знать?

Збарский прошёлся по комнате, заложив руки за спину.

— Первое и главное: говорите только правду. Но отвечайте только на те вопросы, которые вам задают. Не добавляйте ничего от себя. Чем меньше вы скажете, тем меньше у них будет материала для новых вопросов. Понимаете?

— Понимаю.

— Второе. Среди следователей будет сильный менталист. Очень сильный. Обмануть его не получится, даже не пытайтесь. Он почувствует ложь мгновенно. Поэтому я и говорю: говорите правду. Но только ту, которую у вас спросили.

Он остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Третье. О вашем духе — молчите. Если они спросят напрямую, скажите, что есть, но вы ещё не установили с ним полной связи. Это правда. Глубоко в ваше сознание они лезть не станут — это требует санкции выше, чем у них есть. По крайней мере, пока.

Я сглотнул.

— А если они всё-таки полезут?

Збарский едва заметно усмехнулся.

— Тогда ваш дух, я полагаю, сможет за себя постоять. Судя по тому, что я видел, он не любит непрощенных гостей. Но до этого, надеюсь, не дойдёт.

Он снова прошёлся по комнате, потом остановился у окна, глядя на глухую каменную стену.

— И ещё одно. Я говорил с ректором. Мы решили, что вам необходимы дополнительные занятия. Ваши способности уникальны, но вы совершенно не понимаете теории. Вы не знаете, как работают контракты, как взаимодействуют духи, какова природа той силы, что сидит у вас в голове. Это недопустимо.

Я напрягся.

— И что это значит?

— Это значит, что два раза в неделю, по вечерам, вы будете приходить ко мне. Я буду заниматься с вами теорией контрактов. Индивидуально.

Он повернулся ко мне, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на живой интерес.

— Не скрою, мне это интересно и с научной точки зрения. Ваш случай уникален. Парадокс — дух, подобного которому я не встречал ни в одной классификации. Возможно, вместе мы сможем понять, что он такое. И как вам с ним ужиться.

«Как мило, — раздался в голове голос Парадокса. — Меня хотят изучать. Как редкую бабочку. Приятно, когда тобой интересуются. Особенно такие серьёзные люди, как этот».

Я мысленно шикнул на него.

— Я согласен, — сказал я вслух. — Когда начинаем?

— Послезавтра, — ответил Збарский. — Завтра у вас допрос, и другие занятия. А теперь отдыхайте. И помните: правда, только правда. Но не больше, чем спросят.

Он взял лампу, кивнул мне и вышел, аккуратно притворив за собой дверь. Его шаги затихли в конце коридора.

Я остался один. В комнате снова стало темно и тихо. Только теперь тишина казалась не успокаивающей, а напряжённой, словно затишье перед бурей.

«Ну что, хозяин, — промурлыкал Парадокс, — готов к завтрашнему спектаклю? Я, пожалуй, возьму попкорн. Или что там у вас, смертных, едят во время допросов?»

— Замолчи, — буркнул я, но без злости.

Я разделся и лёг в кровать. Сон пришёл не сразу. Перед глазами стояло лицо Збарского, серьёзное и немного встревоженное. И его слова: «Ваш случай уникален». Может, это и к лучшему. Может, вместе мы действительно сможем понять, что я такое. И что такое Парадокс.

«Спи, хозяин, — тихо сказал он. — Завтра будет долгий день».

Я закрыл глаза и провалился в темноту.

Глава 7

Колокол вновь вторгся в мой хрупкий сон. Проснулся я измятым, как лист бумаги. В комнате было прохладно. Окно, выходящее на глухую каменную стену, почти не давало света, но по серому, болезненному оттенку неба я понял, что утро уже наступило. Быстро и внезапно, особенно если учитывать, что уснул я несколько часов назад. Не стоило шляться по тайным кружкам.

«Проснулся? — раздался в голове ехидный голос Парадокса. Вот кто был бодр и свеж в любое время. — Выглядишь как покойник. Следовательно оценят. Им как раз такие и нужны — бледные, с тёмными кругами под глазами. Идеальный подозреваемый. Решат, что всю ночь не спал, прятал улики».

— Отвали, — огрызнулся я, пытаюсь выбраться из-под тёплого одеяла.

Пол обжёг холодом босые ступни.

Сегодня меня ждала Тайная канцелярия. Следователи, менталисты, вопросы, на которые у меня не было ответов. И где-то глубоко внутри, под слоем наигранного спокойствия, копошился страх — липкий, холодный, от которого хотелось забиться в угол и не выходить, пока всё не закончится.

Я плеснул в лицо ледяной водой из-под крана. Вода обожгла кожу, прогоняя остатки сна. Мундир, уже отглаженный, висел на спинке стула. Я надел его, поправил воротник и критически осмотрел себя в маленькое мутное зеркало. Из отражения смотрел худой, осунувшийся и измученный юноша. Краше в гроб кладут. Я ободряюще улыбнулся своему отражению. Улыбка вышла нервной, кривой.

«Не накручивай себя, — неожиданно серьёзно, без обычного ехидства, произнёс Парадокс. — Они будут давить, это да. Но ты не один. Я не позволю им залезть слишком глубоко. Просто держи рот на замке и думай о чём-нибудь приятном. Например, о той ледяной девочке. Как её Ида?»

Я хмыкнул, но ничего не ответил. В дверь постучали — коротко, по-деловому, два удара.

— Войдите.

На пороге стоял Збарский. Сегодня он был в тёмном сюртуке без нашивок и выглядел ещё более мрачным, чем обычно. Под глазами у него залегли тени — кажется, он тоже не спал.

— Доброе утро, Всеслав. Готовы?

— Доброе утро, Андрей Семёнович. Допрос же должен быть после завтрака, — удивился я столь раннему появлению преподавателя.

Тот поджал губы:

— Следователям не терпится пообщаться. Сейчас, в административном крыле, а не в кабинете ректора.

Он прошёлся по комнате, выглянул в окно.

— Слушайте внимательно. У вас будет только одна попытка произвести правильное впечатление. — Он прошёл в комнату и прикрыл за собой дверь. — В административном крыле вас ждут двое. Старший следователь Зимин — жёсткий, опытный, он будет давить логикой и фактами. Второй — менталист. Имени его не спрашивайте, он всё равно не ответит. Сильный, напористый, он в какой-то мере сросся со своим духом, может пользоваться некоторыми его силами, не касаясь источника. Не знаю, что у него за контракт, но очень бы хотелось понять.

— И что мне делать? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Говорить правду. Не добавляйте ничего от себя. Чем меньше вы скажете, тем меньше у них будет материала для новых вопросов. Понимаете?

— Понимаю.

— О вашем духе молчите. Если спросят напрямую, есть ли у вас контракт, то скажите, что да, но силой вы пользоваться его не можете, это правда. Думаю, в ваше сознание они вторгаться не будут. Ректор этого не позволит.

Я сглотнул.

— А если они всё-таки попытаются это сделать? Мне показалось, что господин ректор сейчас несколько не в форме?

Збарский кивнул:

— Тем не менее они не станут ссориться с академией, это может очень сильно аукнуться Тайной канцелярии. К тому же, думаю, если всё же они рискнут, то ваш дух постоит за вас. Всё. Ничего не бойтесь, молодой человек, всё будет хорошо. Пойдёмте. Помните, вы — студент академии, а не преступник.

Збарский открыл дверь.

— Идёмте. Я провожу вас. И да — Череватов просил передать, что будет ждать вас в столовой после допроса. Сказал, что припасёт для вас пирожок с капустой. На случай, если захотите отпраздновать свою маленькую победу.

— Вы уже видели Данилу?

— Да, я просил его зайти ко мне перед подъёмом, дал ему одну книгу по просьбе его братьев. У Данилы весьма хорошее сродство с духом Огня, как, в прочем, и у всей его семьи, но это не имеет значения.

Мне показалось, что Збарский чего-то не договаривает, но настаивать на продолжении разговора я не стал. Тайны Данилы — это тайны Данилы, у меня и своих хватает.

Мы двинулись через полутёмные коридоры Западного крыла, потом через центральную галерею. Встречные студенты, заведя нашу пару — мрачного Збарского и меня, бледного, с каменным лицом, — шарахались в стороны и провожали взглядами. Я ловил обрывки шёпота: «Соколов допрос Канцелярия» Ида мелькнула вдалеке — светлое пятно в толпе. Наши взгляды встретились на долю секунды, и она тут же отвернулась, ускорив шаг. Что ж, этого следовало ожидать. Пару раз я заметил в толпе и своих новых знакомых со старших курсов. Они, в отличие от большинства студентов улыбались мне. Особенно Семен, он отсалютовал мне и два раза стукнул себя в грудь кулаком, я решил трактовать этот жест, как пожелание победы.

У дверей административного крыла Збарский остановился.

— Дальше я не пойду. Мне запрещено присутствовать. Но я буду ждать здесь. — Он положил руку мне на плечо. — Помните: правда, только правда, и ничего, кроме правды. Но не больше, чем спросят. Удачи, Всеслав. Вас ждут в семнадцатой комнате.

Я кивнул и шагнул в коридор. Дверь за мной закрылась. Коридор административного корпуса был ещё уже, чем в моём западном крыле. Я медленно шагал по коридору, ища нужную дверь. От входа в крыло до нужной двери оказалось ровно пятьдесят два шага. Пока я делал эти шаги, внутри меня несколько раз что-то взрывалось. Сердце то начинало бешено колотиться, то замирало.

Передо мной оказалась почти чёрная дверь с золотистой цифрой семнадцать, я собрался и постучал.

— Войдите, — раздался сухой голос.

Комната оказалась небольшой, без окон. Голые каменные стены, стол, возле него три стула, два рядом, один напротив, ещё один в углу. На столе — ничего, только тусклая масляная лампа, отбрасывающая дрожащий свет. Атмосфера давила. Здесь не было ни намёка на уют или хотя бы формальную вежливость. Типичная комната для допросов, о каких рассказывают в страшных историях. Я не понимал, зачем держать такую комнату в академии.

За столом сидели двое. Первый — высокий, грузный мужчина с седыми висками и тяжёлым, землистым лицом. Его тёмно-серый сюртук сидел идеально, без единой складки. Малень-

кие цепкие глаза смотрели на меня оценивающе, без враждебности, но и без тени сочувствия. Аркадий Петрович Зимин, понял я.

Второй — полная его противоположность. Худой, бледный, с запавшими щеками, в очках. Линзы в золочёной оправе были толстыми и выпуклыми, из-за чего его пронзительно синие глаза казались невероятно огромными, нечеловеческими. В процессе разговора у меня сложилось ощущение, что за время допроса он ни разу не моргнул и даже не шевельнулся. Он сидел неподвижно, сложив руки перед собой, и казался скорее предметом интерьера, чем живым человеком. От него веяло чем-то неживым. Это был менталист.

В углу сидел ректор Илья Романович Киреевский и благодушно мне улыбался.

— Студент Всеслав Соколов, — произнёс Зимин, не спрашивая, а утверждая. — Присаживайтесь.

Зимин раскрыл лежавшую перед ним папку, пробежал глазами по бумагам. Тишина затягивалась, и это было хуже любых вопросов. Наконец он поднял на меня взгляд.

— Итак, студент Соколов. Расскажите, что вы делали в ночь нападения на Кирилла Застрожного. С самого начала. В деталях.

Он начал сухо, по-деловому. Я покосился на Илью Романовича, тот подбадривающе кивнул, и я повёл свой рассказ. Как проснулся от смутной тревоги, как услышал крик, как пошёл по коридору Западного крыла, как нашёл Кирилла в луже крови. Старался говорить ровно, не сбиваясь, хотя сердце колотилось где-то в горле. Зимин слушал, не перебивая, лишь изредка делая пометки в бумагах. Менталист не шевелился. Ректор сидел в углу, прикрыв глаза, и казался дремавшим, но я чувствовал — он внимательно следит за каждым словом.

Когда я закончил, Зимин долго молчал, глядя на меня.

— И вы утверждаете, что никого больше не видели? Рядом с телом никого не было?

— Никого, — твёрдо сказал я. — Только Кирилл. Он был один.

— Любопытно. Очень любопытно. — Зимин откинулся на спинку стула. — У нас есть информация, Всеслав Андреевич, что вы заключили контракт с каким-то особенным духом. Духом, природа которого никому не известна. И есть мнение — пока только мнение, что подобные духи могут оказывать влияние на чужие контракты. Что Ваш дух напал на одного из студентов во время учебного поединка, что вы не контролируете этого духа.

Я сжал кулаки под столом. До предела напряг ноги, чтобы не выдать своих переживаний на лице. Этим способом я пользовался с самого детства, ещё с тех пор, как мой отец взял в моду пару раз в месяц меня воспитывать, спрашивая, сделал ли я урок или выполнил я какую-нибудь работу, которую поручил он мне полгода назад.

— Мой дух действительно необычен, — я подбирал слова, глядя в глаза Зимину, на менталиста я предпочитал не обращать внимания, хотя постоянно чувствовал его мёртвый взгляд, — может быть, я ещё не в полной мере владею силами своего духа, но так бывает у многих студентов первого курса. На учебном же занятии, которое вы упомянули, была использована сила только для обороны, один из студентов, думаю, вам известно его имя, пытался меня ослепить.

— То есть вы считаете, что ваш дух абсолютно не опасен для окружающих?

«О, я ещё как опасен», — заворочался Парадокс.

Стул под менталистом скрипнул. Я молился, чтобы он не услышал шёпота зловредного духа.

— Все духи опасны для окружающих, — я развёл руками, — даже самый слабенький дух способен наворотить дел.

— Всеслав, отвечайте на вопрос.

— Мальчик ответил, — вмешался ректор, — не стоит притягивать его за мнение. Он прав, все духи опасны и его дух в том числе.

Зимин дёрнул подбородком. Посмотрел на Киреевского, сидевшего у меня за спиной, но ничего ему не ответил.

— Ладно, — наконец согласился Зимин, — тогда у меня другой вопрос к вам, Всеслав Андреевич. Почему в вашем расписании, кроме теории контрактов, нет ни одной специальной дисциплины, как вы считаете?

— Не знаю, — честно ответил я, — не я же его составлял, а господин Збарский и господин ректор.

Я мотнул головой в сторону Киреевского.

— Мне кажется, что они считают, что мне ещё рано получать специальное образование. Понимаете, моя семья очень бедна и у нас не было возможности нанимать учителей из-за границы или оплачивать пансион, поэтому я учился в общей школе среди горожан.

Следователь бросил быстрый взгляд на менталиста. Тот даже не шевельнулся, продолжал сверлить меня глазами.

— Общая школа среди горожан, — повторил Зимин, делая пометку. — И при этом вас приняли в Императорскую академию. На особых условиях. Без факультета. С духом, которого вы не контролируете. Вы не находите это подозрительным?

— Я нахожу это удачей, к тому же все дворяне, обладающие такими способностями, должны учиться здесь, — ответил я. — Мне дали шанс. Я пытаюсь его использовать.

— Удача, — хмыкнул Зимин. — Или чей-то умысел. Профессор Збарский. Он ведь проявляет к вам повышенный интерес, не так ли? Индивидуальные занятия, проживание в Западном крыле под его присмотром

— Профессор Збарский — мой куратор, — сказал я. — Ректор назначил его, чтобы он помогал мне освоиться. Ничего более.

Во время разговора я успокоился, волнение внезапно исчезло, будто кто-то подпитывал меня уверенностью извне.

— А вы в курсе, что Збарский полтора года провёл в Крестах ?

— Господин Зимин, — возмутился Киреевский. — Это каким-то образом касается нападения на студента Застрожного?

Зимин выдержал прямой взгляд ректора и сухо ответил:

— Илья Романович, допрос веду я, и я решаю, какие вопросы задавать студенту. Сядьте на своё место.

— Аркаша, ты уверен, что хочешь со мной ссориться? — голос ректора упал почти до шёпота, — я всё же ректор Академии и имею кое-какое влияние при дворе Императора.

Зимин отмахнулся.

— Вы мне ещё угрожать попробуйте или скажите, что отчислите моего сына.

Ректор сверил Зимина взглядом, тот улыбался. Я удивлённо наблюдал за их противостоянием, и только маг-менталист оставался ко всему безучастен, сейчас его взгляд был устремлён куда-то мне за спину.

Первым сдался Илья Романович, он опустил голову и сел на своё место.

— Ладно, не будем ссориться, — Зимин всё же решил не лезть в бутылку, — давайте вернёмся к Застрожному. Какие отношения вас связывали?

— Никакие, я даже его не знал.

Он снова сделал пометку в бумагах, а потом хитро улыбаясь, заговорил со мной:

— То есть вы не в курсе, что ваш отец проиграл отцу Кирилла Застрожного крупную сумму денег в размере, — он полистал бумаги, потом достал из неё какую-то расписку, размашистую подпись отца на расписке я узнал издали, — сорока тысяч рублей?

Я ничего не сказал, замороженно глядя на эту бумажку.

— И вы, наверное, не в курсе, что за неделю до вашего поступления ваш отец посещал Александра Кирилловича Застрожного и сначала умолял его простить долг, а потом угрожал его сыну?

«О, хозяин, какая прелесть. Папаша не только промотал состояние, но ещё и долгов наделал. А ты переживал, что он тобой не гордится. Он вообще никем не гордится, ему просто всё равно», — шелест Парадокса заставил меня вздрогнуть.

— Я не знал, — упавшим голосом сказал я, — я даже про долги его не знал. Как давно это случилось?

— Полгода назад, — Зимин бросил взгляд на менталиста, но тот снова ничем себя не выдал, продолжая сверлить меня своими глазами.

— Аркадий, отстань от мальчика, я прошу тебя, — в голосе Киреевского послышались угрожающие нотки, — мне кажется, ты понял, что он не причастен к нападению на Кирилла.

— Ладно, вы можете быть свободны, Всеслав Андреевич, если вы что-нибудь вспомните, то мы будем ещё какое-то время в академии.

В голове гудело, перед глазами всё ещё стояла расписка с размашистой подписью отца. Сорок тысяч. Он проиграл сорок тысяч и даже не счёл нужным сказать мне. Впрочем, чему я удивляюсь? Отец никогда не считал меня достойным своих откровений. Я был для него пустым местом, ошибкой природы, мальчиком без дара. А теперь, оказывается, ещё и сыном должника, который угрожал отцу убитого студента.

«Не кисни, хозяин, — шепнул Парадокс. — Ты-то тут при чём? Папаша наломал дров, а расхлёбывать тебе. Классика. Но ты хотя бы жив и на свободе. Уже неплохо».

Я ничего не ответил. Просто шагнул к двери, стараясь не смотреть на менталиста, который так и буравил меня своими жуткими глазами.

— Всеслав Андреевич, — окликнул меня Зимин, когда я уже взялся за ручку. — И всё-таки будьте осторожны. В академии происходит что-то неладное. И вы, похоже, в самом центре этого.

Я обернулся. Следовательно смотрел на меня без враждебности, скорее, с усталым любопытством.

— Я постараюсь, — ответил я и вышел.

В коридоре меня ждал Збарский. Он стоял, прислонившись к стене, и курил тонкую папиросу. Увидев меня, он затушил её о подошву и выпрямился, окурок спрятал в серебряную карманную пепельницу.

— Живы? — спросил он, окидывая меня внимательным взглядом.

— Кажется, да. Но внутри всё как-то

— Это пройдёт. — Он положил руку мне на плечо. — Главное, что вас отпустили. Пойдёмте, я провожу вас в столовую. Череватов, наверное, уже извёлся со своим пирожком.

Мы двинулись по коридору. Я шёл молча, переваривая услышанное. Отец. Долг. Угрозы. Всё это не укладывалось в голове. Я знал, что он промотал состояние, но чтобы настолько

— Андрей Семёнович, — не выдержал я. — Зимин сказал, что вы полтора года провели в Крестах. Это правда?

Збарский замедлил шаг. Его лицо осталось непроницаемым, но пальцы, сжимавшие портсигар, чуть побелели.

— Правда, — ответил он после паузы. — Но это не имеет отношения к вашему делу. И к вам лично.

— Почему вы там оказались?

— Это длинная история, Всеслав. И не самая приятная. Когда-нибудь я, возможно, расскажу вам. Но не сегодня.

Я понял, что давить не стоит. У каждого свои тайны. У Збарского — Кресты. У моего отца — долги и угрозы. У меня — Парадокс. Кажется, в этой академии у всех есть скелеты в шкафу.

В столовой было почти пусто. За дальним столом, в окружении пустых тарелок, сидел Данила. Перед ним, на салфетке, лежал пирожок.

— Сев! — Он замахал рукой. — Живой! Садись, садись. Я уж думал, тебя там на допросе съели.

Я сел напротив. Данила подвинул ко мне пирожок.

— Ешь. С капустой. Ты ведь любишь?

Я кивнул, откусил кусок. Пирожок был тёплым, но я почти не чувствовал вкуса.

— Ну, как всё прошло? — спросил Череватов, понижая голос. — Сильно давили?

— Да не то чтобы. Спрашивали про ту ночь. Про Застрожного. Про отца.

— Про отца? — Данила нахмурился. — А он-то тут при чём?

Я вкратце пересказал ему разговор. Череватов присвистнул.

— Ничего себе. Сорок тысяч. Это же целое состояние! И ты не знал?

— Нет. Отец со мной не откровенничал. Я вообще для него пустое место.

Данила помолчал, потом сказал:

— Знаешь, Сев, я, конечно, не следователь. Но мне кажется, это ничего не доказывает. Ну, проиграл твой отец деньги. Ну, угрожал. Это ещё не значит, что ты напал на Кирилла. У тебя и мотива-то не было. Ты его даже не знал.

— Зимин считает иначе.

— Зимин — следователь. Его работа — подозревать всех. Но он тебя отпустил, верно? Значит, улики нет. А раз нет улик — ты чист. По крайней мере, пока.

Я кивнул. Логика в словах Данилы была, но тревога никуда не ушла.

— Ладно, хватит о грустном. — Череватов хлопнул меня по плечу. — Ты живой, на свободе, пирожок ешь. Уже хорошо. А знаешь, что ещё? Меня Збарский похвалил. Сказал, что у меня хорошее сродство с огнём. Представляешь? Я, Данила Череватов, шестой сын, толстяк и обжора, — и вдруг «хорошее сродство».

— Поздравляю, — искренне сказал я.

— Ну давай, жуй, свой пирожок и пойдём на занятия, — сказал Данила.

Данила был прав, пока ничего плохого не произошло, а значит надо было сосредоточиться на том, что происходит сейчас, сегодня было целых три занятия и одно из них со Збарским. По дороге на занятие я размышлял о том, что мне сказал Зимин. Я всё никак не мог понять, причём тут Застрожный и то, что Збарский сидел в тюрьме. Это никак не вязалось. Что он хотел мне этим сказать?

Парадокс: *«Ну что, смертные, дочитали? Хозяин теперь ломает голову над Збарским и папиными долгами, а вы сидите и молчите. Нехорошо. Добавьте книгу в библиотеку, поставьте лайк, черкните пару слов в комментариях. Или мне самому к вам в гости навещаться? У меня как раз есть пара идей по сортировке ваших мыслей. Шучу. Или нет».*

Глава 8

Следующая неделя прошла на удивление спокойно. Никто не умирал, никто не вызывал на допросы, и даже Тайная канцелярия, казалось, забыла о моём существовании. Зимин с менталистом всё ещё обретались где-то в академии — я пару раз видел их в коридорах, но меня не трогали. Видимо, были другие куда более интересные дела.

Отработка наказания на кухне превратилась в странный, почти приятный ритуал. Мы с Ланским больше не разговаривали. Он вообще старался делать вид, что меня не существует. Он приходил ровно в семь, кивал Степану Андреичу, брал свой участок работы и делал его молча. Даже его бледное лицо больше не выражало никаких эмоций по этому поводу. Я поступал так же. Мы существовали в параллельных реальностях, разделённые парой метров кухонного пола и тонной взаимного презрения.

А со Степаном Андреичем мы подружились. Он оказался удивительным рассказчиком. Пока мы с Ланским чистили овощи или мыли котлы, Степан Андреич усаживался на перевёрнутый ящик и вёл бесконечные монологи. О чём угодно: о войне, на которой он потерял два пальца на левой руке, о рецепте идеальной кулебяки, о том, как однажды на спор объездил дикого жеребца, о своей покойной жене, которая варила лучший в Саратовской губернии борщ. Я слушал, задавал вопросы, смеялся. Ланской делал вид, что его это не касается, но я пару раз замечал, как уголок его губ дёргается — то ли от раздражения, то ли от сдерживаемой улыбки.

Неделя пролетела. Я перестал ходить на отработки, а Ланской всё ещё продолжал ходить.

«Скучно без князька, хозяин?» — подал голос Парадокс, когда я после ужина заходил на кухню поздороваться со Степаном Андреевичем. — *Может, позвать его? Посидите, поговорите о высоком. О том, как он будет гореть на костре, когда я решу, что он мне надоел».*

— Замолчи, — бурчал я себе под нос.

Степан Андреич косился на меня, но ничего не говорил. Он уже привык, что я иногда разговариваю сам с собой.

Занятия же шли своим чередом. Теория контрактов у Збарского становилась всё сложнее, но я неожиданно для себя начал понимать. Духи, контракты, цена, которую платят маги, — всё это складывалось в стройную, пугающую картину. Он учил меня, как заключать контракты, как делать так, чтобы платить меньше, а получать больше. Главное же целью профессора было научить меня обращаться к силе собственного духа. Я тоже этого хотел, но Парадокс почему-то был против. Он ничего не объяснял, просто говорил, что ещё рано.

Если мои занятия совпадали с занятиями Череватова, мы садились вместе. Как я успел выяснить, Данилу любили все, ну или почти все. Было в его натуре что-то такое, на что попадались все — от наших сокурсников до преподавателей. При этом и учился Данила хорошо, брал дополнительные задания, много читал и всегда сидел на занятиях с поднятой рукой. Мне он тоже многое рассказывал, например, о практических занятиях на факультете Подчинения — о том, как учился управлять своим огнём, как вызывал маленькие, с горошину, искры и как гордился, когда у него получалось удержать пламя на ладони дольше трёх секунд.

— Понимаешь, Сев, — говорил он, размахивая руками, — это же не просто огонь. Это часть меня. Часть моего рода. Я чувствую его, как продолжение себя. Как руку. Только горячую. И иногда она пытается меня сжечь, но это мелочи. Отец говорят, что у всей нашей семьи один дух на всех и будто бы он чувствует через этого духа всех своих детей, кроме меня. Ну ничего, скоро и меня услышит, да так сильно, что уши придётся затыкать.

Я улыбался, слушая его. Данила был счастлив, и это счастье было заразительным. Рядом с ним я почти забывал о том, что где-то в тени прячется Зимин, что Застрожный лежит в лечебнице, а мой отец проиграл сорок тысяч и угрожал семье убитого студента.

Почти.

Вечерами я возвращался в Западное крыло, в свою холодную келью, и садился за книги. Домашних заданий было много. Порой до полуночи я сидел в свете лампы и конспектировал учебники, что-то записывал, повторял какие-то непонятные мне формулы. Мне это нравилось. Не забывал я и про книги, которые дал мне Збарский, к сожалению, времени на них практически не оставалось. Иногда я открывал книгу в произвольном месте, прочитывал страницу и закрывал. Парадокс комментировал каждую прочитанную мной страницу, и его комментарии сводились к одному: *«Всё врут, хозяин. Особенно про меня. Я уникален»*.

Иду я видел редко. Она всё так же избегала меня, но теперь в её взгляде, случайно пойманном в коридоре, было меньше страха и больше вопроса. Словно она ждала, что я сделаю первый шаг. Я не делал. Не сейчас. Сначала нужно было разобраться с собой, с Парадоксом, с тем, что происходит в академии. Лишь короткие встречи во время лекций и занятий фехтованием. Но там поговорить нам не давали — было или слишком многолюдно или месье Дюваль гонял нас так, что мы потом с трудом шевелились, какие уж тут разговоры.

При этом я частенько ловил внимательный взгляд девушки, который она тут же отводила, увидев, что я смотрю в ответ.

Каждый вечер я закрывал глаза и проваливался в тревожную, душную темноту, где меня догоняли сыщики Тайной канцелярии, мчался в виде чёрного вихря Парадокс, осуждающе смотрели родители, словно я сделал что-то ужасное. Даже Даниле нашлось в моих снах место, он почему-то был в крови, но при этом широко улыбался.

Вечер пятницы выдался на редкость тихим. Я возвращался из библиотеки, где просидел почти три часа над конспектами Збарского. Работать пришлось в библиотеке, потому что некоторые книги строгий и вредный библиотекарь Семёныч на руки не давал, тем более студентам первого курса. Голова гудела от обилия формул и классификаций, глаза слипались, и я мечтал только об одном — добраться до своей комнаты, рухнуть на кровать и забыться сном. Хотя бы на пару часов, пока не начнутся очередные кошмары.

— Слушай, Сев, — Череватов догнал меня у выхода из библиотеки и пристроился рядом, поправляя съехавшую на бок сумку, — вот скажи мне, зачем нам история магии в таких объёмах? Я, конечно, всё понимаю: традиции, наследие, великие предки Но профессор Вяземский сегодня задал конспект на тридцать страниц! Тридцать, Сев! По истории! А у меня ещё практика по огню в понедельник, и если я не выплусь, то вместо огненного шара у меня получится огненный пшик.

Я усмехнулся, поправляя воротник мундира. Профессор Вяземский, сухонький старичок с вечно поджатыми губами, действительно не знал меры. Его лекции по истории России и магии были увлекательными, если у тебя есть четыре часа свободного времени и способность не засыпать под монотонный бубнёж. У меня не было ни того, ни другого.

— Он считает, что маг должен знать, откуда взялась его сила, — ответил я, сворачивая в боковой коридор. — Иначе, по его мнению, мы рискуем повторить ошибки предков.

— Ошибки предков? — Данила фыркнул. — Мои предки, насколько я знаю, жгли леса, сражались с нечистью и пили медовуху вёдрами. Какие уж тут ошибки? Р

«Мне нравится этот толстяк, — подал голос Парадокс. — У него правильные приоритеты»

Я мысленно закатил глаза.

— И всё же, — продолжал Данила, — я бы предпочёл больше практики. Ты вот, Сев, как справляешься? У тебя же вообще одни общие предметы, никакой специальной магии.

— Справляюсь, — уклончиво ответил я. — Збарский даёт дополнительные задания. Книги, конспекты. Пытается научить меня хотя бы чувствовать Парадокса.

— И как, получается?

— Иногда.

Мы свернули в Западное крыло. Здесь было тише, чем в центральной галерее, светильники горели через один, и шаги гулко отдавались под сводами. Я привык к этой тишине, но сегодня она казалась какой-то напряжённой.

— Слушай, — Данила понизил голос, хотя вокруг всё равно никого не было, — сегодня же пятница. Как на счёт того, чтобы сходить в кружок к нашим друзьям и поиграть в картишки.

Я кивнул. Карты были тем немногим, что помогало отвлечься от мыслей о Канцелярии, Застрожном, долгах отца и странных взглядах Иды. К тому же в прошлый раз я вышел в небольшой плюс — на два рубля, кажется. Можно было позволить себе немного расслабиться. Хотя в последнее время мысли о том, что мой родной батюшка проиграл всё состояние семьи именно в карты, несколько меня отрезвляли. Всю неделю я не появлялся на собрания Вакхического клуба, было много заданий и отработка.

— Мария спрашивала о тебе, — добавил Данила с лёгкой ухмылкой. — Сказала: «Что-то ваш милый друг совсем пропал. Неужели мы его напугали в прошлый раз?» Я ответил, что ты очень занят на кухне и вынужден зарабатывать себе на еду.

Я покраснел.

— Хватит брехать, — я погрозил ему кулаком, — ничего она не спрашивала. Какое дело первой красавице академии до студента первокурсника?

Данила удивлённо на меня посмотрел:

— А ты не в курсе разве?

— В курсе чего? -

— На тебя ведёт охоту половина девчонок академии, начиная с нашего курса, заканчивая выпускными.

Я смотрел на Данилу как на умалишённого.

— Как ты не понимаешь, ты же обладаешь уникальным духом, твои силы неизвестны, а вдруг ты можешь что-то такое, что сразу возвысит тебя на такой уровень, что сам батюшка император будет тебе в белы ноженьки кланяться? Вот они за тобой и бегают.

— Да не бегают за мной никто, с чего ты взял-то?

Теперь пришла очередь Данилы смотреть на меня удивлённо:

— Ты в библиотеке был?

— Был.

— Разве не обратил внимания, что там яблоку негде упасть от обилия красавиц?

— Я думал, там всегда так, все учатся.

Данила расхохотался.

— Когда я туда прихожу, библиотека, как правило, полупустая. Да меня раз сто уже про тебя спросили. Интересуются, как можно познакомиться с его милостью Соколовым.

— А ты чего?

— А чего я? Сказал, что твоё сердце давно занята и тебя после окончания академии ждёт брак с заграничной княгиней и ты уедешь в Париж.

Я хлопал глазами.

— А зачем?

Данила пожал плечами:

— Для веселья, да и надоели они мне сильнее пареной репы.

Я лишь покачал головой и ничего не сказал. Не представлял я, что могу быть хоть кому-то интересен.

Мы подошли к моей двери. Я достал ключ, вставил в замочную скважину, но медлил поворачивать. Что-то меня останавливало. Какое-то смутное, неоформленное чувство — словно воздух вокруг сгустился, стал плотнее, тяжелее. Я оглянулся. Коридор был пуст, только тени от ламп дрожали на каменных стенах. Но мне показалось, что в самом конце, у поворота к лестнице, мелькнула какая-то фигура, высокая и тёмная. Я моргнул — и никого не было.

— Ты чего? — спросил Данила, заметив мою заминку.

— Ничего, — ответил я, отводя взгляд. — Показалось.

«Не показалось, хозяин, — тихо, почти шёпотом произнёс Парадокс. — Там кто-то был. Я почувствовал. Чужой дух. Очень слабый, почти неосязаемый. Как тень тени. Но он был. И он смотрел на тебя».

Я сглотнул и повернул ключ. Дверь со скрипом отворилась. В комнате было темно и холодно, как всегда. Я зажёл лампу на столе, и жёлтый свет выхватил из мрака мою убогую келью: узкую кровать с серым одеялом, покосившийся шкаф, стопку книг на подоконнике. Всё как обычно. Ничего не изменилось.

И всё же мне было не по себе.

— Заходи, — сказал я Даниле. — Я быстро переоденусь.

Он шагнул внутрь и тут же плюхнулся на мою кровать, заставив пружины жалобно застывать. Я стянул мундир, повесил его на спинку стула и потянулся к старому сюртуку.

— Сев, — Данила задумчиво уставился в потолок, — а ты не думал, почему Ида на тебя так смотрит? Ну, в последние дни. Не как раньше, с испугом, а как-то по-другому. Как будто ждёт чего-то.

Я замер, не донеся сюртук до плеч.

— Не знаю, — честно ответил я. — Может, привыкла. Может, поняла, что я не кусаюсь. А может, ей просто любопытно.

— Любопытно, — повторил Данила. — Знаешь, есть такая поговорка: любопытство кошку сгубило. Ты это поосторожнее с ней. Она, конечно, красивая, но дух у неё Вьюга. А Вьюга — это тебе не мой огонёк-искряшка. Я слышал, как Збарский о ней говорил с ректором. Сказал, что её контракт нестабилен. Что он может разорваться в любой момент. И тогда

Я нахмурился.

— Когда слышал?

— Ну, я случайно проходил мимо. И дверь была приоткрыта. И я, каюсь, притормозил. Нехорошо, знаю. . Но там что-то про тебя говорили. Должен же я знать, что происходит вокруг моего друга. Ты же как магнит для неприятностей. Вокруг тебя вечно что-то случается, и если я не буду держать ухо востро, то пропущу момент, когда тебе понадобится помощь. А я не хочу пропустить. Понимаешь?

Я хотел поблагодарить его за заботу о моей судьбе, но не успел. Где-то в глубине Западного крыла раздался глухой удар, да такой такой сильный, что задрожали стены и тонко зазвенело стекло в оконной раме. За ним последовал второй, третий. А потом — тишина. Мы с Данилой смотрели друг на друга не в смея пошевелиться.

— Это у Збарского, — прошептал я, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в желудок. — Его комната дальше по коридору. В самом конце.

«Хозяин, — голос Парадокса громко зазвучал в голове, — там что-то очень, очень нехорошее. Я чувствую разрыв. Сильный разрыв. Чей-то контракт рвётся в клочья. Прямо сейчас».

Я бросился к двери, даже не накинув сюртук.

— Сев, стой! — крикнул Данила мне в спину. — Может, лучше позвать кого-нибудь? Збарского? Или стражу?

— Збарский там! — крикнул я, не оборачиваясь. — И ему может быть нужна помощь! Если хочешь — беги за подмогой, но я ждать не буду!

Коридор Западного крыла никогда не казался мне таким длинным. Светильники горели через один, и их дрожащий свет выхватывал из темноты то выцветший гобелен на стене, то старую, потрескавшуюся вазу в нише. Мои шаги гулко отдавались под сводами, и где-то позади слышалось тяжёлое дыхание Данилы — он всё-таки побежал за мной, а не за подмогой.

Мы завернули за угол и оказались перед дверью комнаты Збарского.

Дверь была распахнута настежь. Изнутри не доносилось ни звука. Я шагнул вперёд и замер на пороге.

В комнате царил хаос. Книжные полки были опрокинуты, и сотни томов валялись на полу, образуя бесформенные груды. Письменный стол сдвинут к стене, стулья перевернуты, чернильница разбита, и густая чёрная жидкость растеклась по половицам, смешиваясь с чем-то тёмным и липким.

Посреди этого разгрома, на полу, корчилось тело.

Менталист.

Я узнал его сразу — по худому, почти скелетообразному телосложению, по серому, сейчас разорванному сюртуку, и по длинным, бледным пальцам, которые сейчас судорожно царапали половицы. Его очки с толстыми линзами валялись рядом, разбитые, и я впервые увидел его глаза без искажения — огромные, неестественно синие, сейчас широко распахнутые от боли и ужаса.

Но самым страшным было то, что он не издавал ни звука. Его рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег, но из горла не вырывалось ни стоны, ни крика. Только беззвучное, отчаянное молчание.

«Он нем, — прошептал Парадокс. — Всегда был нем. Сейчас его контракт рвут. Не разрывают — именно рвут. Как живую плоть. Кто-то выдирает из него духа. Медленно. Мучительно. И он ничего не может сделать. Только умирать».

— Сев — голос Данилы дрогнул за моей спиной. — Что здесь? Что с ним?

— Стой на месте, — приказал я, не оборачиваясь. — Не подходи. Тут что-то не так. Что-то очень не так.

Я сделал осторожный шаг вперёд, и в этот момент менталист дёрнулся, его голова повернулась ко мне, и эти огромные, полные боли глаза впились в моё лицо. Он узнал меня. Его губы зашевелились быстрее, словно он пытался что-то сказать, но не мог. А потом его рука с длинными бледными пальцами медленно поднялась и указала куда-то мне за спину.

Я резко обернулся. В коридоре, кроме побледневшего Данилы, никого не было. Только тени дрожали в свете масляных ламп. И всё же мне показалось, что одна из теней была гуще и темнее, чем остальные. И она шевелилась. Не так, как должны шевелиться тени от колеблющегося пламени. А сама по себе.

— Кто это сделал? — спросил я, снова поворачиваясь к умирающему. — Кто?!

Но ответить он не успел, да и не смог бы. Его глаза закатились, тело выгнулось дугой в последней судороге, а потом обмякло. Рука безжизненно упала на пол. Менталист был мёртв.

«Контракт разорван полностью, — констатировал Парадокс. — Дух уничтожен. Или поглощён. Я чувствую остаточный след. Очень странный. Очень знакомый. Хозяин, это не просто убийство. Это охота»

Я не успел ничего ответить. За моей спиной раздались быстрые, тяжёлые шаги, и в комнату ворвался Збарский.

Он был бледен как полотно, волосы растрёпаны, глаза горят лихорадочным огнём. Увидев меня, склонившегося над телом, он замер на мгновение, а потом его лицо исказилось — не страхом, а каким-то мрачным, отчаянным пониманием.

— Всеслав! Череватов! — рявкнул он. — Уходите! Немедленно! Это не ваше дело!

— Но профессор — начал Данила, пятясь к двери.

— УХОДИТЕ! ОБА! ЖИВО!

Мы попятились к выходу, но не успели. В коридоре послышался топот — на этот раз ещё более тяжёлый, уверенный, и через мгновение в комнату влетел Зимин. Его глаза горели, грудь тяжело вздымалась, сюртук был расстёгнут. Он явно бежал сюда со всех ног.

— Я почувствовал разрыв! — выдохнул он, обводя комнату безумным взглядом. — Что здесь

Он осёкся, увидев тело своего коллеги. Потом перевёл взгляд на меня. И я понял: он уже всё для себя решил. За эти несколько секунд в его голове сложилась картина — и на этой картине я был главным злодеем.

— Соколов, — прошипел Зимин, и в его голосе было столько яда, что им можно было отравить целый полк. — Это вы. Я знал. Я с самого начала знал, что это вы. Вы напали на Застрожного, а теперь и на моего человека. На того, кому было поручено следить за вами! Вы ответите за всё!

— Я ничего не делал! — выкрикнул я. — Я просто пришёл сюда с Данилой, мы услышали шум! Спросите у него!

Зимин даже не взглянул на Череватова. Его глаза, полные холодной, расчётливой ярости, были прикованы только ко мне.

— Ложь, — отрезал он. — Вы были здесь. Вы напали на моего человека, застав его врасплох. Вы использовали своего духа, чтобы разорвать его контракт, как разорвали контракт Застрожного. Вы — угроза, Соколов. Угроза для академии, для Империи, для всех, кто имеет дело с духами. И я положу этому конец. Сегодня. Сейчас.

— Аркадий Петрович! — Збарский шагнул вперёд и встал между нами, заслоняя меня собой. — Вы не имеете права обвинять студента без доказательств! Всеслав пришёл сюда вместе с Череватовым, они услышали шум и хотели помочь! Это я должен спросить: что ваш человек делал в моей комнате?! Почему он оказался здесь, в Западном крыле, в моё отсутствие?! Кто дал ему право рыться в моих вещах?!

— Это не ваше дело, профессор, — процедил Зимин. — Расследование Тайной канцелярии не требует вашего одобрения. А теперь — отойдите. Или я буду вынужден применить силу.

Воздух в комнате сгустился. Я физически ощутил, как два духа — дух Збарского, Смотритель, и дух Зимина проснулись. Давление было таким, что у меня заложило уши. Книжки на полу задрожали, бумаги зашевелились, словно живые.

«Ого, — протянул Парадокс, и в его голосе зазвенел восторг. — *Они собираются драться. Хозяин, это будет великолепно. Чистая сила. Не магия, а сама суть. Я так давно этого не видел. Смотри и учись. Или не смотри. Главное — не мешай. И будь готов. Я чувую, что сегодня я наконец-то поем как следует*».

— Замолчи, — прошептал я, но было поздно.

Зимин первым выпустил силу. Не заклинание чистый, концентрированный поток энергии, который ударил в Збарского, как таран. Тот выставил вперёд руку, и вокруг него замерцал серебристый кокон — Дух Збарского встал на защиту. Удар пришёлся в этот кокон, и комнату сотрясло так, что с потолка посыпалась штукатурка. Я едва устоял на ногах, схватившись за дверной косяк. Данила за моей спиной вскрикнул и попятился к стене.

— Сев — простонал он. — Я не могу Слишком сильно Моя голова

Я обернулся. Череватов был бел, его лицо покрылось испариной, а из носа потекла тонкая струйка крови. Он держался за виски и медленно оседал на пол. Его дух — родовой огонь — был слишком слаб, чтобы противостоять такому давлению. Два мощных духа, столкнувшись в замкнутом пространстве, создавали вокруг себя поле чистой силы, которое давило на всех, кто находился рядом. И Данила, с его неокрепшим контрактом, был особенно уязвим.

— Данила! — я бросился к нему, но в этот момент что-то изменилось.

Сила, бушующая в комнате, сила Зимина и Збарского, остатки разорванного контракта менталиста — всё это вдруг начало втягиваться в меня.

«Да! — взревел Парадокс, и его голос заполнил всё моё сознание, вытесняя мысли, страх, боль. — *Давай! Ещё! Я голоден, хозяин! Я слишком долго спал, слишком долго был заперт! Дай мне их силу! Всю! До капли!*»

Я почувствовал, как чужая мощь вливается в меня. Тело задрожало, перед глазами поплыли тёмные круги, в висках застучало. Я пытался остановить это, закрыться, оттолкнуть,

но не мог. Парадокс пировал. Он втягивал в себя всё: энергию духов, их ярость, их боль, их страх. И с каждой секундой становился сильнее.

Комната наполнилась воем — это кричали духи Зимина и Збарского, чувствуя, как их высасывают, опустошают, оставляя лишь жалкие крохи. Зимин попытался отступить, но его ноги не слушались. Збарский упал на одно колено, его серебристый кокон мерцал, истончался, готовый вот-вот лопнуть.

А потом всё кончилось.

Я открыл глаза и увидел, что Збарский лежит на полу. Его лицо было бледным, но грудь вздымалась — он был жив. Зимин стоял, пошатываясь, тяжело дыша, и смотрел на меня. В его взгляде больше не было ярости, только страх. И подозрение.

— Что вы сделали? — прохрипел он. — Мой дух он почти не отзывается. Словно из него выкачали всю силу.

Я не ответил. Я бросился к Даниле, который лежал у стены без движения. Его лицо было белым как мел, но дыхание — слабое, неровное — всё же пробивалось сквозь стиснутые зубы. Я схватил его за плечи, встряхнул.

— Данила! Очнись! Данила!

Он не отвечал. Его глаза были закрыты, ресницы чуть подрагивали, но в сознание он не приходил.

— Череватов! — рявкнул Зимин, и в его голосе прорезались знакомые начальственные нотки. — Жив?

— Жив, — ответил я, не оборачиваясь. — Но без сознания. Ему нужен лекарь. Срочно.

— Лекарь будет, — отрезал Зимин. — Но сначала вы. Всеслав Андреевич, вы арестованы по обвинению в нападении на сотрудника Тайной канцелярии, повлёкшем его смерть, а также в применении запрещённой магии, которая привела к истощению духов двух магов Империи. Вы проследуете со мной. Я прошу вас не сопротивляться, скоро тут будет очень много магов.

Я поднял голову и посмотрел ему в глаза. Внутри меня всё ещё клекотала чужая сила, и где-то на грани сознания Парадокс довольно мурылкал.

— А профессор Збарский? — спросил я. — Ему тоже нужен лекарь.

— О нём позаботятся, — сухо ответил Зимин. — Вставайте. И без глупостей. На этот раз ректор вас не спасёт. Слишком много свидетелей. Слишком много улик. Вы перешли черту, Соколов.

Я медленно поднялся, бросил последний взгляд на Данилу — его уже начали окружать какие-то люди в серых сюртуках. Я не видел, когда они появились. Я шагнул к Зимину. В голове было пусто и гулко. Только где-то на самой границе сознания звучал тихий, довольный смех Парадокса.

«Вот видишь, хозяин, — прошептал он. — А ты боялся. Я же говорил: с нами не соскучишься. И это только начало. Они ещё узнают, на что мы способны. Все узнают. А пока — иди. Пусть думают, что победили. Нам же лучше. В тишине и покое я переварю этот пир».

Я ничего не ответил. Просто позволил Зимину взять себя за локоть и повести прочь из комнаты, где на полу лежали три тела — одно мёртвое и два без сознания.

Глава 9

Западное крыло было пустым. Даже светильники не горели, свет в коридор попадал сквозь узкие окошки-бойницы. Я уверенно прошёл мимо своей комнаты и постучал в дверь к Збарскому.

— Кто? — приглушённый голос донёсся из-за двери.

— Это я, Всеслав, Андрей Семёнович, у нас с вами занятие по расписанию.

Дверь открылась, и передо мной оказался озадаченный профессор. Был он бледен, между бровей залегла глубокая морщина.

— Всеслав, а вы уверены, что в данных обстоятельствах нам необходимо проводить занятие?

Я кивнул.

— Конечно. Если меня выбросят из Академии или хуже того — отправят в скит, то мне надо получить как можно больше знаний.

Збарский поджал губы, как бы сомневаясь в моих словах:

— А с чего вы взяли, что вас отправят в скит?

— Следователь Зимин сказал, что мне светят или разрыв контракта, или скит.

— Бред, — решительно заявил Збарский, но посторонился, пропуская меня: — Проходите.

Я вошёл в комнату и огляделся. О ночном происшествии почти ничего не напоминало. Тело менталиста Эдгара унесли, мебель водрузили на положенные места. Только книги, собранные в стопки, стояли возле полок. Видимо, их расстановкой и занимался профессор, пока я так бесцеремонно не ввалился.

— Так вы действительно пришли на занятия, Всеслав?

Я улыбнулся.

— Мне никто не говорил, что они отменяются. Андрей Семёнович, а почему вам запретили выходить? Разве вам выставили какие-то обвинения?

Збарский прошёлся по кабинету и уселся в глубокое кресло, мне же указал рукой на стул.

— Понимаете, Всеслав, — начал было он, но задумался и замолчал на какое-то время, — дело в том, что я уже сталкивался с подобными происшествиями. Собственно, из-за этого я и провёл полтора года под следствием в Крестах.

— Вы знаете, кто убил тайного сыщика?

— Не совсем. Лучше всё рассказать сначала.

Он встал, подошёл к столу, выдвинул ящик и вынул фотографию. Отдал её мне, а сам сел на своё место. На фото были запечатлены два молодых человека — студенты, оба с факультета Грани. В одном из них, не без труда, я узнал Збарского. Был он лет на двадцать моложе, волосы длинные, почти до плеч, и лучезарная улыбка освещала его лицо. Рядом с ним стоял юноша примерно того же возраста. Он не улыбался — был серьёзен. Тонкие черты лица так и веяли аристократизмом.

— Это Богдан Лисовой — мой однокурсник, сосед по парте и друг. Особенность духа Богдана была в том, что он был разумен, мог с ним общаться. Напоминает что-то?

— Парадокс?

— Да, именно. Только его дух звала себя Тионикой, причём он идентифицировал себя как женщину. Тогда Богдана отправили на факультет Грани, где мы с ним и познакомились и начали изучать Тионику. Она была не такой строптивой, как твой дух. И плата за её работу, что удивительно, была не так высока — только сила. Я подпитывал Тионику силой своего духа, и всё было хорошо. Мы познавали её силы, а они были весьма обширны — манипуляция реаль-

ностью, сознанием людей; тогда нам казалось, что мы её контролируем. Но это оказалось ошибкой. Она ждала, набиралась сил и в один момент вырвалась.

Он замолчал, глядя в сторону. Глаза наполнились влагой. Но Збарский быстро взял себя в руки, провёл ладонью по лицу и продолжил:

— Тионика вырвалась и поглотила Богдана, порвала моего духа в клочья. Не знаю, почему я остался жив и не стал пустышкой. А после этого начался суший кошмар. Свои эксперименты мы проводили в поместье семьи Богдана. Никто не выжил, кроме меня. На следующий день примчалась Тайная канцелярия, и меня арестовали. Моё сознание вывернули наизнанку, Эдгар тогда хорошо постарался, — Збарский кисло улыбнулся. — Они ничего не нашли в моей голове, но всё равно решили запереть меня. Предлагали отправить в скит и заняться изучением «особенных» духов, но я был в таком ужасе, что не согласился.

— А Тионика? — история Збарского показалась мне жуткой.

— А Тионика исчезла. Убила тринадцать человек и пропала. Может, растворилась, перенасытившись силой, или не может существовать без носителя. Но когда я пришёл в себя, всё уже было кончено. Из Лисовых выжил только младший брат: он тогда был на водах, лечился. Я до сих пор испытываю чувство вины перед ним. Трагедия сломала мальчика, он не пошёл в академию, живёт затворником в том имении.

У меня по спине побежали мурашки, руки похолодели.

— Андрей Семёнович, а что мне делать?

Збарский поднял на меня затуманенные глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, с Парадоксом. Сейчас он спит, насытившись силой, но может вырваться. Есть ли какая-то вероятность остановить его, привязать к себе так крепко, чтобы он не вырвался никогда?

Збарский молчал.

— Я не знаю, Всеслав. У нас с Богданом была теория, мы даже начали разрабатывать обряд, но завершить не успели. Понимаешь, духи — существа из хаоса, их действия прогнозировать трудно. Ты не дочитал книги, которые я тебе советовал?

— Нет, времени не хватает.

— Да, я не думал, что события будут раскручиваться так быстро. Надеялся, что обучу тебя всему постепенно. Но теперь, видимо, придётся учиться самому. Я, конечно, дам рекомендации.

— Почему самому? — я ничего не понимал.

— Всеслав, в моём кабинете погиб сыщик Тайной канцелярии, который шестнадцать лет назад выворачивал моё сознание наизнанку. Поверь, это не самое приятное событие в моей жизни — больно, неприятно. Особенность чтения памяти у духа Эдгара была в том, что он не брал какой-то конкретный кусочек из твоей головы — он вынимал всё, разматывая каждую секунду твоей жизни от первого вздоха.

Я ужаснулся.

— Именно. И плохое, и хорошее, но это можно перетерпеть. Самое страшное — что часть твоих воспоминаний дух крадёт и помещает в голову менталисту. И ты не знаешь, что именно он у тебя забрал: просто чувствуешь, что чего-то не хватает. У меня забрал Богдана, почти полностью. Я не могу вспомнить его лицо, фотография тут не помогает — для меня на фото совершенно чужой человек. Это всё выдернули из меня, — он сжал челюсть так, что я услышал скрип зубов.

— Но так нельзя! — я вскочил со стула.

Збарский рассмеялся.

— Государственная безопасность может позволить себе и не такие шалости. Так что через четыре дня меня уже не будет в Академии. Илья Романович пытался бороться за нас с тобой, но меня отстоять не получилось.

— А если я уйду, вы сможете остаться? — спросил я, подняв глаза на теперь уже бывшего профессора.

Збарский смотрел на меня глазами, полными сочувствия.

— Да, но тогда в чём смысл? Я не пропаду. В отличие от тебя у меня есть образование, знания, связи. А ты что будешь делать? Да и не отпустят тебя на волю с таким духом.

Я кивнул, понимая справедливость его слов.

— Но, Андрей Семёнович, ведь этот дух всё ещё в академии. Данила видел его в кабинете, вон в том углу.

Я указал пальцем в нужном направлении. Збарский проследил за моим жестом.

— Это хорошо, — в глазах его загорелся огонёк надежды. — Если он его видел и ему не показалось, это очень хорошо. Значит, он обладает каким-то подобием материальной формы. А значит, кто-то в академии его подпитывает. С твоего позволения я передам эту информацию ректору.

Я молча кивнул.

Збарский встал, подошёл к письменному столу и достал из ящика тетрадь. На обложке что-то было написано.

— У нас осталось не так много времени, Всеслав. И я хочу, чтобы вы ушли отсюда не просто с грустной историей, а с тем, что поможет вам выжить. Это наш дневник с Богданом. Я восстановил, что смог вспомнить. Все записи у нас забрала Канцелярия.

Я взял тетрадь.

— Тут теория, расчёты, протоколы экспериментов. Не уверен, что они вам пригодятся, но если решите продолжить — это единственное, что у меня есть. Только не пробуйте делать это в одиночку, наберитесь опыта. Мы принялись за эксперименты только на третьем курсе.

— А если нападения продолжатся?

— Всё равно вы ничего здесь не поймёте. А нападения продолжатся, я уверен. Но сейчас этот мятежный дух напитался силой, и какое-то время у вас есть. Не знаю сколько — месяц, неделя, год, но время есть. Господин ректор ищет способ решить эту проблему. Он усилил бдительность, так что я советую вам не ходить по ночам на собрания вашего кружка, — он улыбнулся.

— Теперь вы можете задать мне вопросы. Я попробую ответить.

Я задумался. Вопросов было так много, что они мешали друг другу.

— Как мне научиться его контролировать? Парадокс просыпается, когда захочет, делает, что хочет. Я даже не чувствую его большую часть времени.

Збарский кивнул, словно ожидал этого.

— Сначала — перестать его бояться. Страх делает вас пассивным. Духи чувствуют страх. Для них он как запах свежей крови. Когда вы боитесь, Парадокс становится сильнее, а вы — слабее.

— Но как не бояться того, кто может меня уничтожить?

Збарский усмехнулся уголком рта.

— Злость — это та же энергия, но она ваша, а не его. Когда в прошлый раз в вас вскипела ярость — на фехтовании, когда Ланской попытался вас ослепить, — Парадокс откликнулся на ваш зов. Не на страх. На гнев. Тогда вы управляли им.

— Но Парадокс сказал

— Мало ли что сказал мятежный дух. Это была ваша сила, ваша воля. Я уверен.

— А если он вырвется? — спросил я.

— Тогда молитесь. Он очень силён, Всеслав, вы не должны дать ему слишком много силы и слишком много воли.

«Вы думаете, что меня остановить?» — голос Парадокса разорвал мой череп.

Я замер в ужасе, глядя на Збарского.

— Он проявился, — улыбнулся профессор, — он боится и понимает, что ничего не сделает. Парадокс, если ты хочешь жить и существовать, то помоги Всеславу.

Збарский обратился напрямую к моему духу. Я почувствовал, как он применяет ко мне свою силу, как энергия духа профессора проходит в меня.

«Я никому не подчиняюсь, — Парадокс в моей голове зашумел, в глазах у меня потемнело. — Но я не враг людям, я слишком долго был в темноте. Я помогу».

— Вы слышали его?

— Да, и он сказал, что он не враг. Думаю, ему можно верить. Духи не могут лгать.

Збарский откинулся в кресле и прикрыл глаза.

— Этот контакт отнял у меня очень много сил. Парадокс силён, сильнее, чем Тионика. С ней я мог беседовать часами. Идите, Всеслав, я устал. А ещё мне просто нечего вам сказать. Учитесь.

Я вышел из его кабинета и пошёл в свою комнату, где упал на кровать и задумчиво уставился в потолок.

— Парадокс, ты не убьёшь меня?

Голос Парадокса снова стал ехидным.

«Всё будет зависеть от того, как ты будешь себя вести, — он замолчал на мгновение, а потом продолжил. — Не беспокойся, хозяин, я же сказал: я не враг и я помогу. Этот дух, что выпотрошил того следователя, показался мне очень вкусным. Надеюсь, ты скормишь его мне».

— Так ты его видел?

«Мельком, не успел рассмотреть. Он пока ещё слаб, но в нём есть сила, мне нравится».

Я явственно представил, как мой непокорный дух облизнулся длинным, раздвоенным языком.

— Парадокс, а как ты выглядишь?

«Я покажу в своё время», — прошепел дух, и я понял, что он снова уснул.

Обеденный зал гудел. Я сел за дальний стол, взял ложку, но есть не хотелось. Студенты косились на меня с любопытством. Я в академии всего несколько недель, а уже успел попасть в несколько неприятных историй. В большинстве своём здесь были первокурсники. В пёстрой толпе я заметил Марию — менталистку из Вакхического кружка. Она улыбнулась мне и сделала какой-то непонятный жест. Я истолковал его как жест поддержки.

Я без аппетита пережёвывал еду. Ворох мыслей носился в голове, но все они были о том, как решить сложившуюся ситуацию так, чтобы никто больше не пострадал. Не знаю, откуда взялась во мне эта решимость и желание действовать. Сейчас я был как никогда собран.

Оторвав взгляд от тарелки, я увидел её. На другом конце стола в полном одиночестве сидела Ида. Она не замечала меня, погружённая в свои мысли. Я решительно встал и направился к ней.

— Госпожа, позвольте присоединиться, — я отвесил ей лёгкий поклон.

Девушка вздрогнула и подняла на меня свои небесно-голубые глаза.

— Ваша милость, — испуг промелькнул на её лице. Она хотела отшатнуться, как от ядовитой змеи, но сдержалась. — Присаживайтесь.

Я уселся рядом на скамью.

— Как учёба? — я решил завязать неформальный разговор.

— Учёба? — она усмехнулась уголком губ. — Меня скоро отчислят, если я не научусь контролировать Вьюгу. На практических занятиях она едва не заморозила преподавателя.

Я тоже улыбнулся.

— Мне бы ваши проблемы. Мой дух вообще меня не слушает, постоянно своевольничает и лезет с ехидными комментариями.

— Ваш дух разговаривает с вами? — и без того большие глаза девушки стали ещё больше.

— А ваш нет? — какая-то озорная весёлость проснулась во мне. — Странно, я думал, у всех так. Ну ничего, я уверен, что вы оседлаете свою Вьюгу и вас не отчислят. Вообще из Академии, как я слышал, отчисляют очень редко. Вам не о чем беспокоиться.

Девушка опустила глаза и покраснела. Даже кончики её кругленьких ушек зарделись.

— Спасибо за поддержку. Я слышала, что этой ночью в покоях профессора Збарского произошло что-то страшное и вы там были.

Я тяжело вздохнул и огляделся по сторонам. Вокруг было слишком много людей, чтобы рассказывать об этом.

— Да, кое-что случилось, но столовая — не то место, где стоит об этом говорить. Мы можем пройтись и побеседовать, — я улыбнулся девушке, — если у вас нет сейчас занятий.

Она покачала головой.

— Нет, занятий у меня нет, но я хотела сходить в библиотеку, взять книги к теории контрактов. Профессор Збарский так много задаёт.

Тяжёлый вздох вырвался из моей груди.

— Я провожу вас в библиотеку, если вы не против, и расскажу о том, что случилось, и о профессоре Збарском.

Ида закусила губу — видимо, она боялась оставаться со мной наедине. Как бы Тайная канцелярия ни старалась скрыть ночной инцидент, слухи всё равно просочились в студенческую среду.

— Хорошо, — наконец сдалась она под напором моей решительности.

Мы выбрались из шумной столовой в полупустой коридор и двинулись к выходу из главного здания. Библиотека Академии стояла особняком, и чтобы добраться до неё, надо было пересечь большой парк.

— Так что же случилось ночью? Говорят, кто-то погиб.

— Да, к сожалению, погиб один из тайных сыщиков.

И я коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал девушке о ночном происшествии. Ида была в ужасе. Её красивое лицо стало ещё бледнее, отчего голубые глаза практически светились.

— Разорвали контракт, как у Застрожного?

— Хуже. Кирилл выжил, а Эдгар нет.

— И вы были там, — она смотрела прямо перед собой. — И ваш Парадокс

— Парадокс не убивал. Он впитал остаточную силу, которая вырвалась, когда контракт разорвали. Это спасло Збарского, — я не стал уточнять про Зимина и драку. — Но теперь Тайная канцелярия хочет избавиться от профессора. Он слишком много знает. И его отправляют.

— Куда?

— В ссылку, по сути. Через четыре дня профессор покинет Академию. Так что конспект, думаю, можно и не делать, — я криво улыбнулся.

Ида остановилась. Мы как раз шли через парк. Она свернула в одну из боковых аллей, и я молча шагнул рядом. Наконец мы достигли одинокой скамейки и уселись на неё. Некоторое время девушка молчала, разглядывая свои тонкие руки.

— Знаешь, Всеслав, — тихо сказала она, — я боюсь, что я тоже потеряю контроль и мой дух вырвется и навредит кому-то. Мне кажется, что она только и ждёт, когда я потеряю бдительность. Я очень плохо сплю. Мне снятся кошмары, и ты в моих кошмарах тоже есть.

Я осторожно взял девушку за руку. Почувствовал, как дрожат её холодные пальцы.

— Сегодня Збарский сказал мне, что именно страх ослабляет связь с духом. Из-за страха мы теряем контроль над собой и над ним. Он посоветовал мне злиться. Может, это подойдёт и тебе.

Ида закрыла глаза.

— Я не умею злиться. Меня всегда учили, что эмоции для аристократа — это смерть, что мы должны держать их в узде. Вы знаете, к какому роду я принадлежу?

Я покачал головой.

— Прошу прощения, но

— Я из древнего княжеского рода. Наша династия ведёт свой род от Рюриковичей. Мой отец — шестой в очереди на престол, да хранит Бог его императорское величество.

Я перебрал в голове всех аристократов России, и у меня возникла только одна фамилия — Волконские.

— Так вы княгиня Волконская?

Я невольно выпрямился и выпустил её руку. Волконские — один из самых уважаемых и влиятельных родов; с их влиянием и богатством никто не может сравниться, даже сам царь-батюшка.

— Да, — Ида печально улыбнулась.

— Ваше сиятельство, прошу прощения.

— Прошу тебя, Всеслав, не надо всего этого, — она сама взяла меня за руку. — Здесь я просто студентка первого курса Ида, и не надо фамилии.

Я кивнул, соглашаясь.

— Так чего же вы боитесь?

— Если мой отец узнает, что я не справляюсь с Вьюгой он выдаст меня замуж. За кого-нибудь на выбор императора. А меня запрут в имении. Рождение детей, балы, сплетни — вот и вся жизнь. Без возможности развивать дар, без права голоса. Я не хочу этого, Всеслав. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я. — Мы с вами в одной лодке.

Она удивилась.

— Почему в одной? Вас тоже выдадут замуж? — девушка слабо улыбнулась, и я тоже.

— А что будет со мной, если меня выгонят или ничего не получится? — продолжил я. — Скит. Или улица. Голод, холод, смерть. У тебя — золотая клетка. У меня — железная, а то и деревянный ящик в земле. И то, и другое сулят отвратительные перспективы. Разные, но такие похожие. Только клетка разная.

Она смотрела на меня широкими глазами.

— Поэтому мы в одной лодке, — закончил я. — Нам обоим нужно доучиться, получить образование. Конечно, дальше тебе будет попроще, чем мне. Но если я договорюсь со своим духом, то, думаю, не пропаду.

«Науки юношей питают», — скрипнул в моей голове Парадокс.

«А ты не подслушивай», — мысленно огрызнулся я и посмотрел на Иду.

— Так что нам, неудачникам по судьбе, надо держаться вместе.

Ида улыбнулась и благодарно сжала мою ладонь.

— Спасибо, Всеслав. После разговора с тобой мне стало легче. Пойдём?

Я с сожалением отпустил руку девушки, смущённо отвёл взгляд и кивнул.

— Пойдёмте, Ваша светлость. До сегодняшнего вечера я абсолютно свободен.

Глава 10

Западное крыло было пустым. Даже светильники не горели, свет в коридор попадал сквозь узкие окошки-бойницы. Я уверенно прошёл мимо своей комнаты и постучал в дверь к Збарскому.

— Кто? — приглушённый голос донёсся из-за двери.

— Это я, Всеслав, Андрей Семёнович, у нас с вами занятие по расписанию.

Дверь открылась, и передо мной оказался озадаченный профессор. Был он бледен, между бровей залегла глубокая морщина.

— Всеслав, а вы уверены, что в данных обстоятельствах нам необходимо проводить занятие?

Я кивнул.

— Конечно. Если меня выбросят из Академии или хуже того — отправят в скит, то мне надо получить как можно больше знаний.

Збарский поджал губы, как бы сомневаясь в моих словах:

— А с чего вы взяли, что вас отправят в скит?

— Следователь Зимин сказал, что мне светят или разрыв контракта, или скит.

— Бред, — решительно заявил Збарский, но посторонился, пропуская меня: — Проходите.

Я вошёл в комнату и огляделся. О ночном происшествии почти ничего не напоминало. Тело менталиста Эдгара унесли, мебель водрузили на положенные места. Только книги, собранные в стопки, стояли возле полок. Видимо, их расстановкой и занимался профессор, пока я так бесцеремонно не ввалился.

— Так вы действительно пришли на занятия, Всеслав?

Я улыбнулся.

— Мне никто не говорил, что они отменяются. Андрей Семёнович, а почему вам запретили выходить? Разве вам выставили какие-то обвинения?

Збарский прошёлся по кабинету и уселся в глубокое кресло, мне же указал рукой на стул.

— Понимаете, Всеслав, — начал было он, но задумался и замолчал на какое-то время, — дело в том, что я уже сталкивался с подобными происшествиями. Собственно, из-за этого я и провёл полтора года под следствием в Крестах.

— Вы знаете, кто убил тайного сыщика?

— Не совсем. Лучше всё рассказать сначала.

Он встал, подошёл к столу, выдвинул ящик и вынул фотографию. Отдал её мне, а сам сел на своё место. На фото были запечатлены два молодых человека — студенты, оба с факультета Грани. В одном из них, не без труда, я узнал Збарского. Был он лет на двадцать моложе, волосы длинные, почти до плеч, и лучезарная улыбка освещала его лицо. Рядом с ним стоял юноша примерно того же возраста. Он не улыбался — был серьёзен. Тонкие черты лица так и веяли аристократизмом.

— Это Богдан Лисовой — мой однокурсник, сосед по парте и друг. Особенность духа Богдана была в том, что он был разумен, мог с ним общаться. Напоминает что-то?

— Парадокс?

— Да, именно. Только его дух звала себя Тионикой, причём он идентифицировал себя как женщину. Тогда Богдана отправили на факультет Грани, где мы с ним и познакомились и начали изучать Тионику. Она была не такой строптивой, как твой дух. И плата за её работу, что удивительно, была не так высока — только сила. Я подпитывал Тионику силой своего духа, и всё было хорошо. Мы познавали её силы, а они были весьма обширны — манипуляция реаль-

ностью, сознанием людей; тогда нам казалось, что мы её контролируем. Но это оказалось ошибкой. Она ждала, набиралась сил и в один момент вырвалась.

Он замолчал, глядя в сторону. Глаза наполнились влагой. Но Збарский быстро взял себя в руки, провёл ладонью по лицу и продолжил:

— Тионика вырвалась и поглотила Богдана, порвала моего духа в клочья. Не знаю, почему я остался жив и не стал пустышкой. А после этого начался суший кошмар. Свои эксперименты мы проводили в поместье семьи Богдана. Никто не выжил, кроме меня. На следующий день примчалась Тайная канцелярия, и меня арестовали. Моё сознание вывернули наизнанку, Эдгар тогда хорошо постарался, — Збарский кисло улыбнулся. — Они ничего не нашли в моей голове, но всё равно решили запереть меня. Предлагали отправить в скит и заняться изучением «особенных» духов, но я был в таком ужасе, что не согласился.

— А Тионика? — история Збарского показалась мне жуткой.

— А Тионика исчезла. Убила тринадцать человек и пропала. Может, растворилась, перенасытившись силой, или не может существовать без носителя. Но когда я пришёл в себя, всё уже было кончено. Из Лисовых выжил только младший брат: он тогда был на водах, лечился. Я до сих пор испытываю чувство вины перед ним. Трагедия сломала мальчика, он не пошёл в академию, живёт затворником в том имении.

У меня по спине побежали мурашки, руки похолодели.

— Андрей Семёнович, а что мне делать?

Збарский поднял на меня затуманенные глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, с Парадоксом. Сейчас он спит, насытившись силой, но может вырваться. Есть ли какая-то вероятность остановить его, привязать к себе так крепко, чтобы он не вырвался никогда?

Збарский молчал.

— Я не знаю, Всеслав. У нас с Богданом была теория, мы даже начали разрабатывать обряд, но завершить не успели. Понимаешь, духи — существа из хаоса, их действия прогнозировать трудно. Ты не дочитал книги, которые я тебе советовал?

— Нет, времени не хватает.

— Да, я не думал, что события будут раскручиваться так быстро. Надеялся, что обучу тебя всему постепенно. Но теперь, видимо, придётся учиться самому. Я, конечно, дам рекомендации.

— Почему самому? — я ничего не понимал.

— Всеслав, в моём кабинете погиб сыщик Тайной канцелярии, который шестнадцать лет назад выворачивал моё сознание наизнанку. Поверь, это не самое приятное событие в моей жизни — больно, неприятно. Особенность чтения памяти у духа Эдгара была в том, что он не брал какой-то конкретный кусочек из твоей головы — он вынимал всё, разматывая каждую секунду твоей жизни от первого вздоха.

Я ужаснулся.

— Именно. И плохое, и хорошее, но это можно перетерпеть. Самое страшное — что часть твоих воспоминаний дух крадёт и помещает в голову менталисту. И ты не знаешь, что именно он у тебя забрал: просто чувствуешь, что чего-то не хватает. У меня забрал Богдана, почти полностью. Я не могу вспомнить его лицо, фотография тут не помогает — для меня на фото совершенно чужой человек. Это всё выдернули из меня, — он сжал челюсть так, что я услышал скрип зубов.

— Но так нельзя! — я вскочил со стула.

Збарский рассмеялся.

— Государственная безопасность может позволить себе и не такие шалости. Так что через четыре дня меня уже не будет в Академии. Илья Романович пытался бороться за нас с тобой, но меня отстоять не получилось.

— А если я уйду, вы сможете остаться? — спросил я, подняв глаза на теперь уже бывшего профессора.

Збарский смотрел на меня глазами, полными сочувствия.

— Да, но тогда в чём смысл? Я не пропаду. В отличие от тебя у меня есть образование, знания, связи. А ты что будешь делать? Да и не отпустят тебя на волю с таким духом.

Я кивнул, понимая справедливость его слов.

— Но, Андрей Семёнович, ведь этот дух всё ещё в академии. Данила видел его в кабинете, вон в том углу.

Я указал пальцем в нужном направлении. Збарский проследил за моим жестом.

— Это хорошо, — в глазах его загорелся огонёк надежды. — Если он его видел и ему не показалось, это очень хорошо. Значит, он обладает каким-то подобием материальной формы. А значит, кто-то в академии его подпитывает. С твоего позволения я передам эту информацию ректору.

Я молча кивнул.

Збарский встал, подошёл к письменному столу и достал из ящика тетрадь. На обложке что-то было написано.

— У нас осталось не так много времени, Всеслав. И я хочу, чтобы вы ушли отсюда не просто с грустной историей, а с тем, что поможет вам выжить. Это наш дневник с Богданом. Я восстановил, что смог вспомнить. Все записи у нас забрала Канцелярия.

Я взял тетрадь.

— Тут теория, расчёты, протоколы экспериментов. Не уверен, что они вам пригодятся, но если решите продолжить — это единственное, что у меня есть. Только не пробуйте делать это в одиночку, наберитесь опыта. Мы принялись за эксперименты только на третьем курсе.

— А если нападения продолжатся?

— Всё равно вы ничего здесь не поймёте. А нападения продолжатся, я уверен. Но сейчас этот мятежный дух напитался силой, и какое-то время у вас есть. Не знаю сколько — месяц, неделя, год, но время есть. Господин ректор ищет способ решить эту проблему. Он усилил бдительность, так что я советую вам не ходить по ночам на собрания вашего кружка, — он улыбнулся.

— Теперь вы можете задать мне вопросы. Я попробую ответить.

Я задумался. Вопросов было так много, что они мешали друг другу.

— Как мне научиться его контролировать? Парадокс просыпается, когда захочет, делает, что хочет. Я даже не чувствую его большую часть времени.

Збарский кивнул, словно ожидал этого.

— Сначала — перестать его бояться. Страх делает вас пассивным. Духи чувствуют страх. Для них он как запах свежей крови. Когда вы боитесь, Парадокс становится сильнее, а вы — слабее.

— Но как не бояться того, кто может меня уничтожить?

Збарский усмехнулся уголком рта.

— Злость — это та же энергия, но она ваша, а не его. Когда в прошлый раз в вас вскипела ярость — на фехтовании, когда Ланской попытался вас ослепить, — Парадокс откликнулся на ваш зов. Не на страх. На гнев. Тогда вы управляли им.

— Но Парадокс сказал

— Мало ли что сказал мятежный дух. Это была ваша сила, ваша воля. Я уверен.

— А если он вырвется? — спросил я.

— Тогда молитесь. Он очень силён, Всеслав, вы не должны дать ему слишком много силы и слишком много воли.

«Вы думаете, что меня остановить?» — голос Парадокса разорвал мой череп.

Я замер в ужасе, глядя на Збарского.

— Он проявился, — улыбнулся профессор, — он боится и понимает, что ничего не сделает. Парадокс, если ты хочешь жить и существовать, то помоги Всеславу.

Збарский обратился напрямую к моему духу. Я почувствовал, как он применяет ко мне свою силу, как энергия духа профессора проходит в меня.

«Я никому не подчиняюсь, — Парадокс в моей голове зашумел, в глазах у меня потемнело. — Но я не враг людям, я слишком долго был в темноте. Я помогу».

— Вы слышали его?

— Да, и он сказал, что он не враг. Думаю, ему можно верить. Духи не могут лгать.

Збарский откинулся в кресле и прикрыл глаза.

— Этот контакт отнял у меня очень много сил. Парадокс силён, сильнее, чем Тионика. С ней я мог беседовать часами. Идите, Всеслав, я устал. А ещё мне просто нечего вам сказать. Учитесь.

Я вышел из его кабинета и пошёл в свою комнату, где упал на кровать и задумчиво уставился в потолок.

— Парадокс, ты не убьёшь меня?

Голос Парадокса снова стал ехидным.

«Всё будет зависеть от того, как ты будешь себя вести, — он замолчал на мгновение, а потом продолжил. — Не беспокойся, хозяин, я же сказал: я не враг и я помогу. Этот дух, что выпотрошил того следователя, показался мне очень вкусным. Надеюсь, ты скормишь его мне».

— Так ты его видел?

«Мельком, не успел рассмотреть. Он пока ещё слаб, но в нём есть сила, мне нравится».

Я явственно представил, как мой непокорный дух облизнулся длинным, раздвоенным языком.

— Парадокс, а как ты выглядишь?

«Я покажу в своё время», — прошепестел дух, и я понял, что он снова уснул.

Обеденный зал гудел. Я сел за дальний стол, взял ложку, но есть не хотелось. Студенты косились на меня с любопытством. Я в академии всего несколько недель, а уже успел попасть в несколько неприятных историй. В большинстве своём здесь были первокурсники. В пёстрой толпе я заметил Марию — менталистку из Вакхического кружка. Она улыбнулась мне и сделала какой-то непонятный жест. Я истолковал его как жест поддержки.

Я без аппетита пережёвывал еду. Ворох мыслей носился в голове, но все они были о том, как решить сложившуюся ситуацию так, чтобы никто больше не пострадал. Не знаю, откуда взялась во мне эта решимость и желание действовать. Сейчас я был как никогда собран.

Оторвав взгляд от тарелки, я увидел её. На другом конце стола в полном одиночестве сидела Ида. Она не замечала меня, погружённая в свои мысли. Я решительно встал и направился к ней.

— Госпожа, позвольте присоединиться, — я отвесил ей лёгкий поклон.

Девушка вздрогнула и подняла на меня свои небесно-голубые глаза.

— Ваша милость, — испуг промелькнул на её лице. Она хотела отшатнуться, как от ядовитой змеи, но сдержалась. — Присаживайтесь.

Я уселся рядом на скамью.

— Как учёба? — я решил завязать неформальный разговор.

— Учёба? — она усмехнулась уголком губ. — Меня скоро отчислят, если я не научусь контролировать Вьюгу. На практических занятиях она едва не заморозила преподавателя.

Я тоже улыбнулся.

— Мне бы ваши проблемы. Мой дух вообще меня не слушает, постоянно своевольничает и лезет с ехидными комментариями.

— Ваш дух разговаривает с вами? — и без того большие глаза девушки стали ещё больше.

— А ваш нет? — какая-то озорная весёлость проснулась во мне. — Странно, я думал, у всех так. Ну ничего, я уверен, что вы оседлаете свою Вьюгу и вас не отчислят. Вообще из Академии, как я слышал, отчисляют очень редко. Вам не о чем беспокоиться.

Девушка опустила глаза и покраснела. Даже кончики её кругленьких ушек зарделись.

— Спасибо за поддержку. Я слышала, что этой ночью в покоях профессора Збарского произошло что-то страшное и вы там были.

Я тяжело вздохнул и огляделся по сторонам. Вокруг было слишком много людей, чтобы рассказывать об этом.

— Да, кое-что случилось, но столовая — не то место, где стоит об этом говорить. Мы можем пройтись и побеседовать, — я улыбнулся девушке, — если у вас нет сейчас занятий.

Она покачала головой.

— Нет, занятий у меня нет, но я хотела сходить в библиотеку, взять книги к теории контрактов. Профессор Збарский так много задаёт.

Тяжёлый вздох вырвался из моей груди.

— Я провожу вас в библиотеку, если вы не против, и расскажу о том, что случилось, и о профессоре Збарском.

Ида закусила губу — видимо, она боялась оставаться со мной наедине. Как бы Тайная канцелярия ни старалась скрыть ночной инцидент, слухи всё равно просочились в студенческую среду.

— Хорошо, — наконец сдалась она под напором моей решительности.

Мы выбрались из шумной столовой в полупустой коридор и двинулись к выходу из главного здания. Библиотека Академии стояла особняком, и чтобы добраться до неё, надо было пересечь большой парк.

— Так что же случилось ночью? Говорят, кто-то погиб.

— Да, к сожалению, погиб один из тайных сыщиков.

И я коротко, не вдаваясь в подробности, рассказал девушке о ночном происшествии. Ида была в ужасе. Её красивое лицо стало ещё бледнее, отчего голубые глаза практически светились.

— Разорвали контракт, как у Застрожного?

— Хуже. Кирилл выжил, а Эдгар нет.

— И вы были там, — она смотрела прямо перед собой. — И ваш Парадокс

— Парадокс не убивал. Он впитал остаточную силу, которая вырвалась, когда контракт разорвали. Это спасло Збарского, — я не стал уточнять про Зимина и драку. — Но теперь Тайная канцелярия хочет избавиться от профессора. Он слишком много знает. И его отправляют.

— Куда?

— В ссылку, по сути. Через четыре дня профессор покинет Академию. Так что конспект, думаю, можно и не делать, — я криво улыбнулся.

Ида остановилась. Мы как раз шли через парк. Она свернула в одну из боковых аллей, и я молча шагнул рядом. Наконец мы достигли одинокой скамейки и уселись на неё. Некоторое время девушка молчала, разглядывая свои тонкие руки.

— Знаешь, Всеслав, — тихо сказала она, — я боюсь, что я тоже потеряю контроль и мой дух вырвется и навредит кому-то. Мне кажется, что она только и ждёт, когда я потеряю бдительность. Я очень плохо сплю. Мне снятся кошмары, и ты в моих кошмарах тоже есть.

Я осторожно взял девушку за руку. Почувствовал, как дрожат её холодные пальцы.

— Сегодня Збарский сказал мне, что именно страх ослабляет связь с духом. Из-за страха мы теряем контроль над собой и над ним. Он посоветовал мне злиться. Может, это подойдёт и тебе.

Ида закрыла глаза.

— Я не умею злиться. Меня всегда учили, что эмоции для аристократа — это смерть, что мы должны держать их в узде. Вы знаете, к какому роду я принадлежу?

Я покачал головой.

— Прошу прощения, но

— Я из древнего княжеского рода. Наша династия ведёт свой род от Рюриковичей. Мой отец — шестой в очереди на престол, да хранит Бог его императорское величество.

Я перебрал в голове всех аристократов России, и у меня возникла только одна фамилия — Волконские.

— Так вы княгиня Волконская?

Я невольно выпрямился и выпустил её руку. Волконские — один из самых уважаемых и влиятельных родов; с их влиянием и богатством никто не может сравниться, даже сам царь-батюшка.

— Да, — Ида печально улыбнулась.

— Ваше сиятельство, прошу прощения.

— Прошу тебя, Всеслав, не надо всего этого, — она сама взяла меня за руку. — Здесь я просто студентка первого курса Ида, и не надо фамилии.

Я кивнул, соглашаясь.

— Так чего же вы боитесь?

— Если мой отец узнает, что я не справляюсь с Вьюгой он выдаст меня замуж. За кого-нибудь на выбор императора. А меня запрут в имении. Рождение детей, балы, сплетни — вот и вся жизнь. Без возможности развивать дар, без права голоса. Я не хочу этого, Всеслав. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я. — Мы с вами в одной лодке.

Она удивилась.

— Почему в одной? Вас тоже выдадут замуж? — девушка слабо улыбнулась, и я тоже.

— А что будет со мной, если меня выгонят или ничего не получится? — продолжил я. — Скит. Или улица. Голод, холод, смерть. У тебя — золотая клетка. У меня — железная, а то и деревянный ящик в земле. И то, и другое сулят отвратительные перспективы. Разные, но такие похожие. Только клетка разная.

Она смотрела на меня широкими глазами.

— Поэтому мы в одной лодке, — закончил я. — Нам обоим нужно доучиться, получить образование. Конечно, дальше тебе будет попроще, чем мне. Но если я договорюсь со своим духом, то, думаю, не пропаду.

«Науки юношей питают», — скрипнул в моей голове Парадокс.

«А ты не подслушивай», — мысленно огрызнулся я и посмотрел на Иду.

— Так что нам, неудачникам по судьбе, надо держаться вместе.

Ида улыбнулась и благодарно сжала мою ладонь.

— Спасибо, Всеслав. После разговора с тобой мне стало легче. Пойдём?

Я с сожалением отпустил руку девушки, смущённо отвёл взгляд и кивнул.

— Пойдёмте, Ваша светлость. До сегодняшнего вечера я абсолютно свободен.

Глава 11

Комната Семёна находилась в общем крыле общежития на третьем этаже, под номером триста семнадцать. Я быстро нашёл её и осторожно постучался. Дверь тут же распахнулась и на меня уставилось улыбающееся лицо Семёна.

— Проходи, ты пока первый, — он посторонился, пропуская меня в заваленную всякой всячиной комнату. Комната триста семнадцать выглядела гораздо уютнее, чем моя, но это было и не удивительно, Семён живёт в академии уже три года и за это время успел обзавестись всяким хламом.

Его беспорядок был особого свойства. Сразу было видно, что это комната принадлежит натуре увлекающейся. Семён собирал всё: старые астрологические карты, выцветшие театральные афиши, какие-то медные амулеты на кожаных шнурах. На подоконнике громоздились стопки книг, обложки некоторых были настолько истрепаны, что прочитать название было невозможно. На стене висела карта звёздного неба, испещрённая пометками на латыни. Пахло воском, старой бумагой и почему-то сушёными яблоками.

— Уютно у тебя.

— Спасибо, — улыбнулся Семён, падая в старое, выцветшее кресло.

Насколько я знал, свою мебель в Академии разрешалось держать только преподавателям.

— А, это и не моя мебель, это я притащил из одной общей гостиной, всё равно там почти никто не сидит, так чего мебели просто так пылиться?

Усмехнулся Семён.

— Чай будешь? — Он кивнул на стоявший на подоконнике чайник с обогревающим амулетом, — такую роскошь могли себе позволить далеко не все студенты.

— Буду, спасибо.

Он поднялся из кресла, выудил откуда-то две помятые кружки и принялся колдовать над китайским чаем. Я тем временем разглядывал амулеты, висевшие над кроватью. Изучение этой дисциплины у нас должно будет начаться только на втором курсе. Некоторые из безделушек Семёна выглядели старыми, потёртыми, другие — почти новыми.

— Это всё настоящее? — спросил я, кивая на коллекцию.

— Частично, — отозвался Семён, не оборачиваясь. — Те, что с левого края — просто бижутерия, болванки для амулетов. А вот три справа — рабочие. Два из них я сам сделал, третий подарила Маша. Я, правда, не выяснил, как он работает, но знаю её чувство юмора, поэтому лишний раз не хочу рисковать.

Я хмыкнул, разглядывая загадочный амулет, маленькую серебряную звёздочку на простом шнурке. Выглядел амулет вполне безобидно, но я решил поверить Семёну на слово.

— Она знаешь, как умеет шутить, — Семён разлил чай по кружкам и одну подвинул ко мне. — Просто её шутки веселят только её или доходят до тебя со временем. Один раз она подарила нашей общей знакомой амулет «для привлечения внимания». Та надела его на бал, и к ней весь вечер липли исключительно женатые мужчины. Закончилось дуэлью, по-моему, даже кого-то убили.

— Да, по ней и не скажешь, — я улыбнулся.

— Ага, ты чай пей, — Семён кивнул на кружку. — Китайский, с жасмином. Брат прислал из Пекина, сейчас ребята уже подойдут.

Я взял кружку, вдохнул тонкий цветочный аромат и сделал осторожный глоток. Чай был горячим и удивительно вкусным — совсем не похожим на ту бурду, что подавали в столовой.

Ждать, действительно, долго не пришлось. Не успел я три раза приложиться к кружке, как в дверь постучали — три коротких удара, пауза, ещё один. Семён, не вставая с кресла, крикнул

— Заходите, открыто.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли Тимофей и Мария, державшая молчаливого студента под руку. Они составляли странную пару: она — светловолосая, с идеальной осанкой, в розовом платье с глухим воротом. Тимофей — сутулый, взъерошенный, его взгляд блуждал по комнате, ни на чём не останавливаясь. Мария обвела комнату цепким взглядом, оценивая обстановку, и удовлетворённо кивнула и лучезарно улыбнулась. Тимофей молча проскользнул к окну и занял позицию на подоконнике.

— Никто за вами не шёл? — деловито спросил Семён.

— Нет, — ответила Мария, стягивая с плеч шаль и небрежно бросая её на спинку кресла, в котором сидел Семён. — Твой отец устроил такой переполох в академии. Все студенты сидят по своим комнатам и боятся нос показать за дверь.

— И правильно делают, — мрачно заметил Семён.

Мария повернулась ко мне. В её глазах мелькнул озорной огонёк.

— Ну, здравствуй, Всеслав, — она улыбнулась. — А я думала, ты после вчерашнего будешь мрачнее тучи. А ты сидишь тут, чай гоняешь с Сёмой. Молодец.

Она обошла кресло, в котором развалился Семён, и направилась прямо ко мне. Кровать, на краю которой я сидел, была единственным свободным местом для сидения — если не считать подоконника, занятого Тимофеем, и заваленного книгами стула в углу. Девушка грациозно опустилась рядом со мной довольно близко, ближе, чем того разрешали приличия.

Я почувствовал тонкий запах цветочных духов. И разглядел маленькие родинки возле её уха.

— Как рука? — спросила она и, не дожидаясь ответа, взяла мою ладонь в свои ледяные руки.

— Э-э-э нормально, — выдавил я, чувствуя, как краска приливает к щекам. — Целитель сказал, чтобы я её не особо нагружал.

— Понятно, — Мария улыбнулась, от чего и без того мои многострадальные уши стали ещё краснее. — Ты интересный, Всеслав, — сказала она, всё ещё держа мою ладонь в своих ледяных руках. — Твой Парадокс, он не такой, как другие духи. И самое замечательное, что мне сложно читать твои мысли, сейчас почему-то особенно.

Я застенчиво улыбнулся и в душе поблагодарил Парадокса, потому что мысли в моей голове были не самые приличные. Хотя мысли мои Мария читать и не могла, но, видимо, направление их уловила. Девушка заулыбалась ещё лучезарнее и сжала мою руку так, что покраснели у меня не только уши.

— Ну всё, хватит смущать парня, — хохотнул Семён. — Он сейчас вспыхнет, и нам придётся вызывать пожарную команду, а время позднее, все уже спать легли.

Мария тоже рассмеялась и выпустила мою руку. Только Тимофей остался безучастен. Он сидел на подоконнике и разглядывал свои ногти.

— Ладно-ладно, — сказала она примирительно. — Не буду больше. По крайней мере, пока.

Девушка поправила платье, устроилась на кровати чуть удобнее и обвела комнату взглядом.

— Что же, собрание нашего безымянного кружка объявляю открытым, — объявила она, как-то сразу беря руководство на себя, — мы собрались здесь все, чтобы решить проблему Всеслава и проблему всей академии. Семён уже ввёл нас в курс дела, но нам хотелось бы выслушать твою версию, Всеслав.

Девушка благосклонно кивнула мне, её игривость сразу же испарилась и теперь передо мной сидел будущий менталист, который и без духа может вытрясти всю правду из допрашиваемого.

Я кивнул, собираясь с мыслями.

— С самого начала? — спросил я.

— Желательно, — Мария чуть подалась вперёд. — Что ты знаешь о духе, который сидит в тебе? Откуда он взялся? Что говорит?

Я вздохнул. Семён долил мне остатки чая и пододвинул кружку поближе.

— Появился он на распределении, — начал я. — Когда я коснулся чёрной сферы, тогда что-то произошло. И все духи, которые были в зале, пришли в неистовство, ну вы помните, наверное. А потом у меня в голове зазвучал голос. Он сказал, что его зовут Парадокс и что теперь мы повеселимся.

— Повеселимся, — повторил Тимофей от окна. В его устах это прозвучало зловеще.

— Да. С тех пор он не умолкает. Комментирует всё, что я делаю. Иногда помогает, иногда мешает.

«Когда это я мешал?» — Парадокс тут же подал голос, в котором было очень много самодовольства, сразу понятно, что дух обладает довольно высоким уровнем тщеславия и ему нравится, когда о нём говорят.

— А о его природе что-то говорит? О том, кто он такой? — спросила Мария.

— Говорит, что таких, как он, больше нет. Хотя Збарский рассказал мне о Тионике, да и дух Александра Меньшикова тоже, по слухам был разумен.

Семён тоже оживился.

— Мне отец говорил, что у некоторых жителей Ладожских скитов тоже говорящие духи. И от кого-то я слышал теорию, что каждый маг способен заполучить себе такого помощника, проблема только в том, что контролировать его сложно и непонятно, какая цена за контракт. Кстати, а чем ты платишь?

— Не знаю, — честно признался я, — я же силу Парадокса применял только один раз против Ланского, тогда никаких эффектов не ощутил. А у вас это как проявляется?

Семён задумчиво покрутил в руках кружку.

— У всех по-разному. У меня например обращение к моему духу вызывает боль и чем больше силы ты у него берешь, тем больнее. У Тимофея — обращение к духу вероятностей вызывает неудачу, ну, то есть сначала он очень удачливый, а потом постоянно не везёт, то шнурки развяжутся, то шваркнется что-нибудь на голову.

— А у вас, госпожа Мария.

Мария ничего не сказала, лишь поджала губы и выразительно посмотрела на Семёна.

— У госпожи Марии лучше не интересоваться, всё равно не скажет, но ментальные духи действуют все по-разному, так что можно только догадываться.

— Да, не скажу, должны же быть у меня хоть какие-то тайны от вас, мальчики.

Все согласно закивали.

— Збарский рассказал мне сегодня о Тионике, — продолжил я, поняв, что тему платы дальше развивать никто не собирается. — Это разумный дух, похожий на Парадокса. Она была у его друга, Богдана Лисового. Они исследовали этот дух, общались с ним, а потом она вырвалась и убила всех. Сейчас Збарский считает, что в академии завелась такая же сущность.

— А у него были какие-то предположения, как её вычислить и поймать? Ведь дух — это существо бесплотное, — Мария нахмурившись смотрела на меня.

— Этого он не знает, у них с Лисовым было предположение и даже теория, как можно закрепостить такого духа, но всё это осталось на бумаге.

— Эх, нам бы порыться в этих бумагах, — мечтательно произнёс Семён.

— Я принесу. Збарский отдал мне свои дневники, только записи не полные. Всё забрала Тайная канцелярия и потому ему пришлось восстанавливать всё с нуля.

— Мой дух видит линии, — внезапно подал голос Тимофей, который наконец оторвал взгляд от своих идеальных ногтей. — Всеслав ты и Парадокс сейчас находитесь в точке, во круг

которой всё сплетено, вероятность твоей гибели примерно семьдесят процентов, вероятность стать калекой шестьдесят процентов, вероятность победить пять процентов.

Я опешил от такого расклада. Удивлённо посмотрел на Тимофея, потом на его друзей. Те смущённо отводили глаза.

— Не обращай внимания, Всеслав, — наконец нашла в себе силы заговорить Мария, — У Тимофея иногда бывают прозрения подобного рода, его дух своевольничает. И не всегда надо верить в то, что он говорит.

Тимофей удивлённо посмотрел на девушку.

— Мой дух редко ошибается в вероятностях, — сказал он, но после паузы добавил, — но сейчас всё действительно несколько спутанно и

Он снова замолчал, уставившись в какую-то одному ему видимую точку.

— Я ничего не понимаю, так не бывает.

— Что ты видишь Тимофей?

— Вероятности меняются.

— В смысле меняются?

— Вероятности меняются, — повторил он. — Я такого ещё не видел. Только что была одна картина, а теперь линии разбегаются в разные стороны. Как будто кто-то вмешивается в сам ход событий, в реальность.

— Кто? — спросила Мария.

— Не знаю. Но вероятность гибели Всеслава только что упала до сорока процентов. А вероятность победы выросла до пятнадцати.

Его глаза стали ещё шире.

— Теперь вероятность победы сто процентов.

В голове у меня весело захихикал Парадокс.

— Тимофей, прекрати, не мучай себя. Это Парадокс веселится, мне кажется, он может влиять на чужие контракты и духов, от чего их сила искажается.

Тимофей стёр со лба проступившие капли пота. И с каким-то благоговейным страхом посмотрел на меня.

— Так не бывает, ты уверен?

— Да, — мрачно сказал я, — сейчас у меня в голове Парадокс ржёт, как породистая лошадь Пржевальского.

Тимофей слабо улыбнулся, а Семён, который сидел, вцепившись в подлокотники кресла со всей силы, рассмеялся.

— Как лошадь Пржевальского, — его смех нельзя было остановить, видимо, его очень напугали проблемы с вероятностями.

Смех Семёна ещё звенел в комнате, но Мария уже поднялась с кровати. Сейчас девушка выглядела очень собранной

— Всё, хватит, — сказала она, и Семён послушно умолк. — Тимофей, твои вероятности — это, конечно, хорошо, но полагаться мы на них не можем. У нас есть два часа до закрытия библиотеки. Семён, ты идёшь в библиотеку, у тебя очень хорошо получается общаться с Семёнычем. Говоришь ему, что пришёл по поручению отца. Скажешь, что следователю Зимину, нужна информация о разрыве контрактов.

— Сделаю, — кивнул Семён.

— Тимофей — ты отдыхать, на тебе лица нет после твоих фокусов. К тому же, думаю, сейчас уровень твоей удачи на нуле.

— А ты, — Мария повернулась ко мне, — тащишь дневник Збарского сюда и мы начинаем искать способ поймать этого духа. А я пойду поговорю со знающими людьми.

Она набросила шаль на плечи, кивнула Семёну, и тот первым вышел в коридор. Тимофей двинулся за ним, а Мария на мгновение задержалась в дверях.

— Всё будет хорошо, Всеслав, мы всех победим
Она вышла. Дверь закрылась с тихим щёлком.
Я остался один.

«А она мне нравится, — задумчивый голос Парадокса раздался в моей голове, - может присмотришься к ней? У вас получились бы прекрасные детки»

— За работу, — отмахнулся я от духа, и направился за дневником Збарского.

Почерк у профессора был мелким, убористым, с наклоном влево. Я пролистал первые страницы с расчётами и формулами, которые ничего мне не говорили, и начал искать ключевые слова, но ничего конкретного найти я не мог, нашёл лишь небольшую приписку к одной из формул:

«Мы с Богданом обсуждали возможность привязать Тионику к неодушевлённому предмету. Теоретически это возможно: дух такого уровня обладает собственной волей, но его сущность всё ещё подчиняется законам симпатической магии. Если создать якорь — предмет, с которым дух будет связан сильнее, чем с носителем, — можно ослабить его контроль над человеком».

Я читал дальше, не особо понимая, что имел ввиду профессор. Что такое симпатическая магия? Дальше Збарский описывал попытки создать такой якорь: амулеты, зачарованные предметы, даже зеркала. Ничего не работало — Тионика была слишком сильна. Но в конце страницы он сделал приписку другим цветом чернил, более свежую:

«Позже я понял нашу ошибку. Якорь должен быть не просто предметом, а вместилищем — чем-то, что способно удержать сущность внутри себя. Это должно быть что-то очень ценное и сильное. Возможно, именно так были созданы первые контракты — только не люди ловили духов, а духи заманивали людей».

Я перевернул страницу.

«Разрыв контракта — это всегда больно. Но если дух вырывается сам, боль становится смертельной. Тионика ждала семь лет. Она копила силы, питалась от Богдана, от меня, от всех, кто был рядом. А потом разорвала нас изнутри. Я выжил чудом, но до сих пор не знаю, как так случилось, может быть, я нравился ей.

Дневник был обрывочным, мысли у профессора скакали, как белки по деревьям.

Следующая важная запись нашлась ближе к концу. Збарский писал о том, что разумные духи — как Тионика или Парадокс — подчиняются иным законам, чем обычные духи стихий. Они не просто сила, они — личность. Со своей волей, желаниями и страхами.

«Страх — единственное, что их объединяет с нами. Они тоже боятся. Тионика боялась исчезнуть. Она цеплялась за существование любой ценой.

— Парадокс, — позвал я вслух.

«Мм?»

— Ты боишься?

Повисла пауза — долгая, непривычная. Обычно он отвечал сразу, с готовым ехидным комментарием. Сейчас — молчание.

«Все мы чего-то боимся, — наконец ответил он без обычной насмешки. — Я слишком долго был в темноте, хозяин. Я не хочу возвращаться. Там одиноко и страшно».

В дверь постучали.

Три коротких. Пауза. Один.

Я встал, подошёл к двери, открыл. На пороге стояли Семён, Мария и Тимофей. По их лицам я сразу понял: они что-то нашли.

Глава 12

— Что нашли, — с порога спросил я, сгорая от нетерпения.

Семён ввалился в комнату и рухнул в кресло.

Семёныч — зверюга, ели уговорил его пустить меня в архивное крыло, пришлось соврать, что отцу документы срочно необходимо, но он отказался их дать на хранение, поэтому пришлось сидеть там и копировать, — сообщил он, потирая переносицу. — Я поднял старые протоколы Тайной Канцелярии, не знаю, зачем они хранятся в академии. Конечно, за последние пятнадцать лет ничего нет, но более ранние лежат аккуратненько в папочках, ну и к секретным делам Семёныч не пустил. Случаи разрыва контракта без видимых причин фиксировались и раньше. Раз в десять-пятнадцать лет обязательно кто-то из студентов становился пустышкой при невыясненных обстоятельствах. Списывали на нестабильность духов, на несчастные случаи. Но я сопоставил даты. — Он вытащил из кармана мятый листок, исписанный торопливым почерком. — Все нападения происходили либо поздней осенью, либо в начале зимы. Всё случилось в академии.

— В западном крыле? — мрачно спросил я.

— Нет, крылья были разные, большая часть вообще в главном корпусе. Самое странное, что свидетелей у этого ни разу не было.

— Может быть показать это твоему отцу? — осторожно просил я, — может, тогда отменят приказ выгнать Збарского?

— Нет, — вмешалась Мария в наш разговор, — не думаю, что они примут это за истину, это всё косвенные улики, к тому же дела закрытые, явных доказательств этому нет.

— Да, Маша права, — согласился Семён, — отец это не примет. Самое главное, что мы выяснили, что контракты рвутся циклично, а значит профессор Збарский тут не причём и никто из студентов тоже.

— Кто-то из старых преподавателей или сотрудников?

— Возможно, — кивнула Мария, — или эта сущность сама выбирается из какой-нибудь дыры, чтобы покушать чужой силы, а потом снова забивается в ту щель, из которой она вышла.

«Интересно — раздался в моей голове задумчивый голос. — Это объясняет, почему тот дух показался мне таким вкусным. Он очень старый. Без носителя. Оно хочет жить, но не знает, как это делается. И поэтому просто жрёт всех подряд. А мы съедим его, хозяин».

Мария прошла по комнате.

— Я тоже кое-что выяснила, — сказала она тихо. — У нас на факультете Объединения есть один старый профессор, который занимается историей духов, в том числе он очень интересовался историей Меньшикова. Я как раз встретила его по дороге в библиотеку и решила поспрашивать о разумных духах. Он сказал, что разумный дух — это нарушение естественного порядка. И такое происходит чересчур редко и дух Меньшикова — это редкость. Профессор сказал, что его разумность связана с тем, что он впитал в себя очень много чужой энергии и с ним произошло что-то вроде эволюции. Он предположил, что дух просто скопировал личность своего предыдущего носителя, если такой был. На самом деле мы очень мало знаем об этих сущностях.

— Значит, наш убийца — сбежавший дух? — уточнил Семён. — Такой же, как Тионика?

— Да, — кивнула Маша.

— Тогда нам надо его поймать. Мы, к сожалению, не нашли никакой информации об этом, — признался Семён, — но выяснили, что этот дух в прошлые разы останавливался на трёх-четырёх жертвах. Не больше, так что у нас мало времени.

Тимофей, Семён и Мария выжидающе посмотрели на меня.

— Я нашёл кое-что в записях Збарского, но тут какие-то формулы и вычисления, я пока не разобрался. А сколько времени происходило между разрывами контактов?

— По-разному, три-семь дней. Будем надеяться на лучшее, — сказал Семён, — но надо предпринимать активные действия, чтобы решить проблему.

В комнате повисло молчание. Тимофей, сидевший на подоконнике, нервно постукивал пальцами по колену. Вероятности, судя по его лицу, снова скакали как бешеные.

— А что если это Тионика? — выдвинул идею он.

— Тионика? — не понял я, — но она же была у друга Богдана Лисового. Как она могла совершать преступления здесь?

— А пятнадцать лет назад не было никаких убийств в академии, а что если Тионика сначала стала духом Лисового, а потом после того, как убила всю его семью, вернулась сюда? — спокойно сказал Тимофей.

Мария нахмурилась и уже открыла рот, но Семён её опередил. Он подался вперёд в кресле, глаза его возбуждённо заблестели:

— Стоп. А ведь это многое объясняет. Ведь действительно цикл нападений тянется больше пятидесяти лет. Каждые десять-пятнадцать лет кто-то теряет духа. И пятнадцать лет назад — случай с Лисовыми. Он выбивается из графика, потому что это было не просто нападение, а попытка духа обрести носителя. Тионика присосалась к Богдану, вошла с ним в контракт, а когда вырвалась и убила всех, то просто вернулась в академию.

— Как? — задала вопрос вдруг распалившаяся Мария, — как она могла вернуться? Это же дух.

— Збарский, — прошептал я, — она могла прицепиться к Збарскому и вернуться. Он же после Крестов продолжил обучение.

— Логично, — Семён приплясывал на месте, — Если она обитает здесь десятилетиями, он знает все закоулки, все слабые места или её что-то здесь держит, какой-то предмет. Вдруг кто-то из студентов уже пытался её привязать?

— Пятнадцать лет, — прошептал я. — И теперь она снова здесь, снова проснулась. Да ещё и тогда, когда у меня появился Парадокс, вдруг он её разбудил?

Парадокс заворочался в моей голове: *«Это весьма возможно, когда я пробудился, то высвободил много силы, да меня чуть самого не стёрло, когда я выбирался из сферы»*.

— Сфера! — воскликнул я, — а кто-нибудь знает, как она работает?

В комнате повисло напряжённое молчание.

— Ну, я думал, это какой-то анализатор, который изучает наши силы и предрасположенности.

— Но у меня-то духа не было, пока я не коснулся её, — сказал я, глядя на своих друзей, — вдруг, это какой-то артефакт, который держит в себе духов?

— Надо изучить этот вопрос, — сказала Мария, — но уже завтра. Сейчас слишком поздно, надо отдохнуть, но после занятий мы обязательно поговорим об этом.

Все согласно покивали. За этот бесконечный день я чертовски устал.

В комнате повисло молчание. Каждый осмысливал услышанное. Первым заговорил Семён:

— Значит так. Завтра у нас три задачи. Первая: сфера. Нужно выяснить, что это за артефакт и как он работает. Если Всеслав прав и сфера — это действительно вместилище для духов, это меняет всё. Вторая: дневник Збарского. Всеслав, ты говорил, что там формулы. Нужен человек, который сможет их расшифровать. Третья: не ходить по одному. О нападениях мы знаем, и выяснили, что он нападает, только когда человек один. Так что, мальчики, кто кого будет провожать?

— Меня провожать не надо, — сразу сказал я, — Парадокс клянётся, что справится с любым духом.

Решили, что Марию будет провожать Тимофей, он живёт с ней надо одним этаже и доведёт девушку до её спальни. На этом решили разойтись.

До своей комнаты я добрался без каких-либо проблем. Тут всё оставалось по прежнему, только кто-то заботливый поменял мне постельное бельё и разрезанный сыщиками матрас. Я запер дверь, скинул мундир и сел на кровать, привалившись спиной к холодной стене. В голове было пусто и гулко — обычное чувство после слишком долгого дня, полного разговоров и страхов.

«*Не хочешь обсудить?*» — голос Парадокса прозвучал негромко, без обычного ехидства.

— Что? То, что сфера, которая должна была определить мой дар, на самом деле — тюрьма для духов? Или о том, что ты сам из неё вырвался и, возможно, разбудил ту тварь, которая теперь убивает студентов? — я устало закрыл глаза — Или о том, что Збарского высылают, а ректор дышит на ладан, и вся надежда — на компанию третьекурсника во главе с первокурсником — мной?

«Обо всём сразу, — Парадокс заворочался в сознании, устраиваясь поудобнее. — *Например, о том, что ты всё ещё жив. Это, знаешь ли, достижение, учитывая обстоятельства.*»

— Да, — саркастично ответил я, — невероятная удача.

«*Я серьёзно, Всеслав. Сфера — не просто тюрьма для духов. Я не знаю, как тебе это объяснить. Когда я был там, а я жил в ней очень и очень долго, то я практически не осознавал себя. Но когда ты коснулся её, произошёл разрыв. Не знаю, почему — может, твоя кровь, может, какая-то предрасположенность. Но этот разрыв выпустил не только меня. Я думаю, что Тионика или как там её зовут, это только первая ласточка.*»

Голос Парадокса действительно звучал чересчур серьёзно.

— Там есть и другие?

«*Возможно. Я не могу сказать точно. Я почти ничего не ощущал времени и не различал сущностей. Только шёпот. Сотни голосов. Может, вы люди неправильно используете этот артефакт, может, он не для этого? Что вы вообще о нём знаете — ничего.*»

Мы действительно ничего не знали о сфере. Как она работает, как действует. Я припомнил день своего поступления. Крик, который издала сфера, преподаватели, которые возложили на неё руки и умиряли.

— Наверное, преподаватели знают больше, надо будет спросить у кого-нибудь. А что делать с духом-убийцей?

— Что ты предлагаешь?

«Для начала надо поймать Тионику и скормить её мне, — кровожадно сказал Парадокс, — Это даст мне достаточно сил, чтобы укрепить твой контракт и подготовиться к тому, что будет дальше. Я думаю, всё будет только ухудшаться».

— Завтра, — пообещал я. — Всё завтра. А теперь надо спать.

Проснулся я под звон колокола. За окном лил дождь, серое небо нависло над академией, настроение это никак не улучшало. Я быстро собрался и пошёл на завтрак. В общей столовой в гомоне толпы я услышал знакомый голос.

— Всеслав, а вот и я!

Данила Череватов собственной персоной сидел за столом стихийников и наворачивал за обе щёки кашу. Был он всё ещё бледноват, но жизнерадостен и весел.

— Привет, — я рухнул рядом с ним на скамейку, — как дела?

— Отлично, дух начал отзываться, так что можем работать. Какие новости? Я с утра уже встретил Семёна, он сказал, что вы задумали какой-то заговор, — Данила осуждающе улыбнулся, — а меня в заговор не пригласили. Не по-дружески.

Я улыбнулся ему.

— Данила, ну как же без тебя. Да и не заговор это никакой, а так, скорее кружок по интересам, сегодня примем тебя в этот кружок.

— Ну и отлично! — жизнерадостно улыбнулся толстяк.

Я подвинул к себе тарелку с кашей, хотя есть не особо хотелось. Данила выжидающе смотрел на меня, и я понял, что просто отмахнуться не получится. Да и не хотелось отмахиваться. Череватов был единственным, кто поверил мне сразу, ещё до всей этой истории с Канцелярией и убитым менталистом.

— Вот что мы выяснили, — я огляделся, за соседними столами было шумно, никто не прислушивался, студенты обсуждали предстоящий день. — Это был не просто разрыв контракта. В академии завёлся дух, который охотится на чужие контракты. Разрывает их и высасывает силу. Семён поднял старые протоколы — такие случаи происходят каждые десять-пятнадцать лет. Всегда осенью или зимой, всегда в стенах академии. И всегда списывались на «нестабильность духов». А на самом деле это одна и та же тварь, ну, по крайней мере мы так решили.

Данила удивлённо присвистнул.

— Получается, нам надо поймать эту тварь?

— Да, — сказал я и принялся пересказывать, что нам удалось выяснить за вчерашний день.

— А я слышал историю про Богдана Лисового, без подробностей, конечно, — сказал Данила, когда я закончил рассказ. — мне брат рассказывал, что это была трагедия, но никто не знал подробностей. Думали, просто дух взбесился, парень не смог удержать силу.

— Не просто, — я мрачно покачал головой. — Этого духа зовут Тионика. И она вернулась. Скорее всего, прицепилась к Збарскому и вернулась вместе с ним в академию. А когда я коснулся чёрной сферы на распределении и выпустил Парадокса, это её разбудило.

— И что теперь?

— Теперь мы собираемся её поймать, — сказал я. — У Збарского остался дневник с формулами. Они с Богданом работали над способом запереть разумного духа в предмет. Не получилось — Тионика вырвалась раньше. Но расчёты остались. Семён сказал, что надо найти человека, который в этом разберётся, потому что я тут полный профан, да и ребята не особо сильны. Если успеем до следующего нападения — поймаем Тионику и скормим её Парадоксу и дело в шляпе. Правда, Парадокс утверждает, что это только начало.

«Скормим, — мурлыкнул Парадокс. — *Какое приятное слово*».

Данила потёр подбородок. На его круглом лице отчётливо читалась сложная работа мысли.

— А Збарский знает? Ну, о том, что мы затеваем?

— Он отстранён и под следствием, — напомнил я. — Его через несколько дней высылают. Ректор пытался его отстоять, но Канцелярия упёрлась. Так что Збарский нам не помощник, мы сами по себе. Тайную Канцелярию тоже привлекать не вариант, просто не поверят нам.

— А если мы поймаем духа, то мы сможем доказать, что профессор Збарский не причём, — заключил Данила.

— Именно, — согласился я, пытаюсь проглотить остывшую кашу.

— Ладно, — Череватов поднялся и поправил мундир. — Тогда идём на лекцию. Я узнал, что теорию контрактов у нас будет вести Сухарь, слышал о нём что-нибудь? Профессор Твердохлебов.

Я хмыкнул. У Твердохлебова я ничего не слышал.

Мы вышли из столовой и двинулись в сторону лекционного зала. Дождь барабанил по окнам, светильники в коридорах горели вполсилы.

— Что говорят о нём?

— Говорят, он древний, как стены академии, и такой же сухой. Отсюда и прозвище. Читает монотонно, шутить не умеет, улыбаться — тем более. Но знает, говорят, всё о контрактах и Академии, он лет сорок тут уже преподаёт, может, у него что-то получится узнать? Попытка — не пытка.

Студенты вокруг нас тоже спешили на занятия сплошным потоком. Я невольно вглядывался в лица: все ли на месте, не появилось ли где тревожных знаков и не смотрит ли на меня кто-то косо? Но косо вроде бы никто не смотрел, я ловил на себе заинтересованные и любопытные взгляды, но не более.

Лекционный зал наполнялся постепенно. Мы с Данилой заняли свои места — он в рядах стихийников, я с краю. Череватов тут же принялся что-то обсуждать с соседом, рыжим парнем., а я разглядывал кафедру и гадал, каким окажется новый профессор.

Дверь открылась, и в аудиторию вошёл профессор Твердохлебов.

Сухонький, сгорбленный, в сером старомодном сюртуке, висевшем на нём, как на вешалке. Редкие седые волосы зачёсаны набок, на носу — пенсне в тоненькой золотой оправе с толстыми линзами, делавшими его глаза неестественно большими. В руке он держал потёртый портфель. Твердохлебов просочился в аудиторию, тихо, почти незаметно, и так же тихо водрузил портфель на кафедру.

— Доброе утро, студенты, — произнёс он, своим тихим, надломленным голосом, лишённым всякой индивидуальности, — В связи с временным отсутствием профессора Збарского курс теории контрактов у первого курса временно веду я. Моё имя — Гавриил Модестович Твердохлебов. Надеюсь на ваше прилежание и внимание. Запишите тему сегодняшней лекции: «Природа духов и их взаимодействие с материальными предметами».

Тема как нельзя лучше ложилась в моё расследование, поэтому слушать я решил со всем вниманием, о чём почти тут же пожалел. Вёл лекцию Гавриил Модестович отвратительно. Мало того, что речь его была лишена всякой живости, так ещё была такой тихой, что все студенты, в том числе и я, из всех сил прислушивались к тому, что там вещает этот Сухарь. Особенно тяжело пришлось студентам с последних парт.

Сухарь рассказывал о том, что духи, будучи нематериальными сущностями, могут взаимодействовать с материей только через контракт с носителем. Что амулеты и артефакты — это один из способов «упаковывать» часть силы духа в физическую форму.

Я слушал, машинально записывая, но мысли крутились совсем вокруг другого. Через несколько рядов от меня клевал носом Данила, ему после больничного крыла всё ещё тяжело давались ранние подъёмы. Я же ждал перерыва, чтобы задать интересующие меня вопросы.

Наконец Твердохлебов замолчал, поправил пенсне и объявил:

— Перерыв, коллеги. Десять минут.

Студенты зашевелились, по аудитории пополз гул. Я поднялся и направился к кафедре. Профессор стоял ко мне спиной, перебирая какие-то бумаги в своём потрёпанном портфеле.

— Господин профессор, позвольте вопрос, — я оказался возле Сухаря.

Он обернулся. Толстые линзы пенсне делали его глаза жутковатыми, он напоминал мне менталиста Эдгара.

— Слушаю, молодой человек. Ваше имя? — профессор выглядел озадаченным, видимо, не часто к нему обращались с вопросами во время перерыва.

— Соколов. Всеслав Соколов.

— Соколов, — повторил он, словно смакуя мою фамилию, — Конечно, конечно. Наслышан. Что вас интересует, молодой человек? Наверное, особенности вашего духа?

В голосе Гавриила Модестовича появился живой интерес.

— Вы рассказывали о том, что часть силы духа можно поместить в предмет. А возможно ли полностью заточить духа? Не часть — а всю сущность целиком, чтобы он не мог вырваться?

Профессор снял пенсне и принялся протирать стёкла мятым платком. Он долго молчал, разглядывая меня. Я уже решил, что он не ответит.

— Любопытный вопрос, — произнёс он наконец. — Очень любопытный, молодой человек. Я никогда не слышал ни об одном достоверном случае такого заточения. Официальная наука считает, что полное заточение духа в предмет невозможно, потому что духи — это очень неаустойчивые существа, элементы хаоса и удержать их в конкретном предмете не представляется возможным. Однако

Он замолчал, и я затаил дыхание.

— Однако слухи ходят. Говорят, что князь Меншиков пытался запереть своего духа в хрустальную сферу и почти преуспел. Говорят, что где-то в архивах академии лежат старые чертежи. Но это неподтверждённые легенды. Не более, по крайней мере, я этих чертежей никогда и нигде не видел. К тому же были студенты, которые пытались это сделать, закончилось всё плохо.

— Профессор, а сфера в главном зале? Это не природа того же толка?

Твердохлебов водрузил пенсне обратно на нос и посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Его лицо оставалось бесстрастным, но пальцы чуть заметно подрагивали.

— Сфера в главном зале, — повторил он медленно, — используется для определения предрасположенности студентов к тому или иному типу контрактов. Это сложный магический артефакт, над которым работали настоящие профессионалы своего дела. В эту сферу влито очень много сил и каждый маг вложил в него частичку своего духа. Сейчас же, чтобы сфера работала раз в несколько лет учёный совет подпитывает её сырой силой, чтобы артефакт не угасал.

— Получается, в нём нет никаких духов?

— Конечно же нет, иначе я бы об этом знал или они давно бы вырвались из него.

Но я не сдавался.

— Профессор, а в день моего поступления что-то же случилось, преподаватели успокаивали сферу, будто она живая.

Сухарь поджал губы.

— Я же сказал, господин Соколов, что сфера — это сложный артефакт, просто по каким-то причинам именно на вас она дала сбой. Я вообще говорил господину ректору, чтобы вас зачислили на факультет стихийников, раз ваш дух ничего не умеет.

В голосе старого профессора послышалась насмешка.

Я почувствовал, как внутри закипает негодование. Значит, старый профессор знает обо мне и считает, что я бесполезный и бесталанный. Это мне не понравилось.

— Простите, профессор, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — но мой дух кое-что умеет. Правда, он пока не очень охотно это демонстрирует.

Твердохлебов хмыкнул. В его тусклых глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку, но тут же погасло.

— Все студенты так говорят. «Мой дух особенный», «мой дух не такой, как все». Студенты первого курса вообще склонны преувеличивать значимость своих сил и контрактов. Поверьте старику, господин Соколов, я перевидал тысячи таких студентов. И дух Меншикова когда-то тоже казался своим носителям чем-то невероятным. А чем всё кончилось — вы, надеюсь, знаете. Не возлагайте надежду на контракты, надейтесь только на себя.

Я поблагодарил профессора и вернулся на своё место.

Данила тут же подсел ко мне вместе с тетрадкой.

— Уболтал, — мрачно отозвался я. — Он считает, что мой дух ничего не умеет, и предлагал ректору запихнуть меня к вам на факультет.

«Какая прелесть, — прошелестел в голове Парадокс. — Старая считает, что я ни на что не годен. Может, показать ему, на что я способен? Прямо сейчас? Устроим небольшой фейерверк?»

— Даже не думай, — прошипел я.

— Что не думать? — Данила посмотрел на меня удивлённо.

— Ничего. Это я не тебе.

Череватов пожал плечами и откинулся на спинку скамьи. Твердохлебов тем временем закончил возиться с бумагами и объявил конец перерыва. Оставшаяся часть лекции прошла в также монотонно. Я почти не слушал, думая о том, что сказал профессор. О чертежах, которые, по слухам, где-то есть. О сфере, которая «дала сбой» именно на мне. И о том, что Твердохлебов явно знает больше, чем говорит, но делиться этим не намерен.

«Ничего, — подумал я, когда лекция подошла к концу. — Старик упомянул Лисового, а значит, он в курсе той истории. И если он не хочет говорить сам — найдём другой способ разговорить его».

«Хорошая мысль, — одобрил Парадокс. — Мне нравится ход твоих рассуждений».

Глава 13

Лекция Твердохлебова закончилась, и я выдохнул с облегчением. Студенты потянулись к выходу, кто-то сонно моргал, кто-то, наоборот, оживлённо обсуждал услышанное. Я же сидел, уставившись в исписанные каракулями страницы тетради, и пытался собрать разбегающиеся мысли.

«Как же ты медленно соображаешь», — ехидно хихикнул Парадокс. — «Старый хрыч сказал тебе ровно то, что нужно. Про чертежи, про сферу... А ты сидишь и хлопаешь ушами».

— А что ты предлагаешь? — прошептал я, краем глаза заметив, что профессор Твердохлебов уже собрал свой портфель и неторопливо направляется к выходу.

«Предлагаю не сидеть на месте, а двигаться. Догони тарикана. Спроси про Лисового напрямую».

Я колебался всего мгновение. Данила уже маячил у двери, показывая жестах, что надо двигаться на следующее занятие, но я отрицательно покачал головой и, решившись, двинулся за профессором.

Профессор шёл медленно. В полупустом коридоре его сторбленная фигура в сером сюртуке очень эффектно сливалась со стеной.

— Гавриил Модестович! — окликнул я, догоняя его. — Простите, можно ещё один вопрос?

Старик остановился и внимательно посмотрел на меня. Потом достал из кармана часы и посмотрел на них.

— Вы, молодой человек, удивительно любопытны, — произнёс он своим тихим, надтреснутым голосом. — Впрочем, для первокурсника с таким... необычным контрактом это, пожалуй, нормально. Что вас ещё интересует? У меня не так много времени.

— Вы упомянули Лисового. Богдана Лисового. Профессор Збарский рассказывал мне эту историю. Вы знали его?

На мгновение показалось, что лицо Твердохлебова дрогнуло. Но нет — оно осталось таким же бесстрастным, только пальцы сильнее сжали ручку портфеля.

— Знал. — тихо сказал он. — Даже его духа — Тионику, хоть мальчишки и пытались держать это в тайне. Скверный дух, злой и голодный.

— Она вернулась, — выпалил внезапно я. — В академию. Это она напала на Застрожного и на менталиста.

Твердохлебов смерил меня долгим взглядом:

— Возможно, — наконец сказал он. — А возможно, вы ошибаетесь, молодой человек. Нет, я думаю, этого не может быть. Тионика развоплотилась вместе с Богданом, она никак не могла вернуться.

Профессор пожевал губу, а потом решительно отрезал:

— Не надо вам лезть в это дело, Всеслав. Тионики нет...

— А что если она....

Сухарь прервал меня жестом.

— Не хочу ничего об этом слышать. У меня через, — взгляд его опять упал на часы, — семь минут следующее занятие. Всего вам доброго, сударь.

Он развернулся и пошаркал по коридору.

Я проводил профессора взглядом, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Он что-то знал — я в этом не сомневался. Но старый лис умел уходить от ответа не хуже заправского дипломата.

«Ну и что ты об этом думаешь?» — спросил Парадокс.

— Думаю, он врёт, — процедил я сквозь зубы, направляясь к выходу из лекционного корпуса. — Не знаю зачем, но врёт.

«Или не может сказать правду. Ты подумал об этом? Вдруг его кто-то заставил молчать? Или что-то?».

Я остановился. Идея была не нова — Парадокс уже высказывал её раньше. Но сейчас она звучала особенно зловеще.

— Что значит «что-то»?

«Тионика, бестолочь. Если она действительно здесь, если она научилась прятаться и ждать — кто сказал, что она охотится только на студентов? Может, она давно уже держит за горло кого-то из преподавателей».

В коридоре было пусто. Студенты разбрелись по другим аудиториям, и только мои шаги звучали под сводами академии. Я прошёл через центральную галерею и свернул к столовой, где мы договорились встретиться с Данилой после лекций.

Граф Череватов уже сидел за дальним столом, на его круглом лице читалось нетерпение. Рядом примостилась Мария — сегодня она была в форменном платье, и я в который раз удивился тому, как быстро эта девушка умела превращаться из ночной картёжницы в примерную студентку.

— А я решила прогулять чары и пообщаться с вами, дорогие мои перваши, — сверкнула она улыбкой, от которой я тут же покраснел.

— Ну? — спросил Данила, едва я опустился на скамью. — Чего тебя так долго не было? Сухарь что-нибудь сказал?

— Он сказал, что Тионики нет, — я не стал тратить времени на объяснения. — Что она развоплотилась вместе с Богданом и вернуться не могла.

Насмешливые глаза Марии прищурились.

— И ты ему поверил?

— Нет. Я уверен, что он что-то скрывает.

— Может, он боится, — предположил Данила. — Старый же, трусливый.

«Или связан с ней», — мрачно заметил Парадокс.

Я не стал передавать его слова. Вместо этого огляделся по сторонам — в столовой былолюдно, но никто не обращал на нас внимания. Даже Ланской сидел в другом конце зала и всё так же делал вид, что меня не существует.

— Нам нужно попасть в архив, — сказал я тихо. — Твердохлебов упомянул чертежи. Старые чертежи, по которым князь Меньшиков пытался запереть своего духа. Если они существуют, они должны быть где-то здесь.

Мария сидела задумчива, потом сказала совсем невпопад:

— Нет, Твердохлебов не трус, мне рассказывали, что это очень боевой старикан с крайне сильным духом и что контракт у него какой-то интересный. В голову к нему не залезть и напугать нельзя, — она вздохнула и продолжила, — в архив без разрешения ректора не попасть. А Семёныч — старый хрыч, он и за сто рублей дверь не откроет без официальной бумаги.

— А если бумага будет? — спросил я.

Мы переглянулись.

— Ты хочешь подделать подпись ректора? Всеслав, это же...

— Это единственный способ, — сказал я. — Времени у нас мало. Семён говорил, что между нападениями проходит три-семь дней. Со дня убийства Эдгара прошло уже два. Сегодня — третий.

Мария отложила ложку.

— Допустим, мы достанем образец подписи. Допустим, я её подделаю — у нас на факультете это умеют. Но что мы будем искать? Чертежи Меньшикова? Они могли не сохра-

ниться. Архив огромный, мы однажды там отработывали пропуски: огромные полки до самого потолка.

— Искать будем всё, что связано с разумными духами и сферой в главном зале, — я чувствовал, как внутри зреет решимость. — Парадокс сказал, что сфера — это тюрьма. Что там, внутри, сидят духи. Сотни духов. И мне кажется, это всё связано.

Данила побледнел.

— Ты хочешь сказать, что в сфере...

— Да. И что, когда я коснулся её, я не просто заключил контракт. Я открыл дверь, маленькую щёлку.

Повисла тишина. Даже Мария, обычно невозмутимая, смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Всеслав, — тихо сказала она. — Ты понимаешь, что если это правда, то ты мог выпустить и Тионику, и ещё чёрт знает кого?

«Девочка ошибается, я выбрался один, я там был самый сильный».

Я передал ей слова Парадокса.

— Если он уверен, то ладно, — согласилась она, но огонёк сомнений в глазах не погас.

Некоторое время мы сидели молча, размышляли.

— Хорошо, — Мария решительно поправила воротник платья. — Сегодня ночью. Вдвоём — я и ты. Семён будет ждать снаружи, Тимофей с ним. Данила, ты отвлекаешь Семёныча.

— Почему я? — жалобно протянул Череватов. — Что я ему вообще скажу? Мне кажется, он меня недолюбливает.

— Он всех недолюбливает, но ты самый обаятельный, — девушка улыбнулась Даниле, и тот расцвёл, как весенний мак.

До вечера оставалось ещё несколько часов. Я пошёл на следующую лекцию — экономику, которую вёл сухонький профессор с вечно сонным лицом. Слушал вполуха, записывал механически, а сам всё прокручивал в голове разговор с Твердохлебовым. Старик явно знал больше, чем говорил. И его слова, что Тионика развоплотилась вместе с Богданом — звучали так, будто он пытался убедить в этом не столько меня, сколько себя.

«Он боится, я так думаю, — снова подал голос Парадокс. — Не меня. Не тебя. Тионику. Он знает, что она может вернуться. Или уже вернулась».

Наконец лекция закончилась. Я собрал тетради и вышел в коридор. Надо было перекусить перед ночной вылазкой, но в столовую идти не хотелось — слишком много народу, слишком много лишних глаз. Я свернул в боковую галерею, где стоял небольшой буфет — единственное достижение прогресса, которое академия переняла у западных соседей. Стоило тут всё дороговато, но если не хотелось есть столовскую еду, то можно было перекусить.

Не успел я дошагать до буфета, как из-за угла вынырнул Ланской.

На этот раз он был один. Без своих прихлебателей. И выглядел... странно. Не было на его лице обычной крысиной усмешки, не было высокомерного прищура. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Соколов, — кивнул он.

— Князь, — ответил я, готовясь к очередной стычке.

Но Ланской не полез драться. Он подошёл ближе, оглянулся по сторонам и тихо сказал:

— Есть разговор.

Я опешил.

— Ну?

— Я знаю, что вы с компанией старшекурсников задумали. Ночная вылазка в архив, да? — он криво усмехнулся.

— И что тебе нужно? — хмуро спросил я.

Ланской помялся, потом выдохнул:

— Хочу пойти с вами.

Я не поверил своим ушам.

— Ты? С нами? Ты, который мечтает меня выгнать из академии?

— Хочу выгнать, — согласился он. — Но не ценой собственной шкуры. Но если то, что ты ищешь в архиве, поможет поймать ту тварь, которая охотится на студентов, то я готов помочь. Потому что я, Соколов, не хочу оказаться следующим. Или уезжать отсюда в имение к... В общем, мне здесь нравится.

Он говорил тихо, почти шёпотом, и я вдруг заметил, что его руки дрожат. Князь Ланской, блистательный аристократ, наследник древнего рода очень не хотел возвращаться под крылышко к своему отцу и безумной матери.

— С чего ты взял, что ты следующий?

— А вот с чего, — он поднял левую руку и закатал рукав мундира.

На предплечье, чуть выше запястья, багровела странная отметина — словно чья-то рука сжала его так, что остались следы.

— Это появилось три дня назад, — сказал Ланской. — После того, как что-то случилось у Збарского. Я не спал, сидел у окна и вдруг почувствовал... холод, а потом стало больно и... страшно, Соколов. Мне стало так страшно, как никогда не было. Когда я очнулся, лёжа на полу, на руке была эта дрянь. И дух мой — он молчит. Совсем. Не отвечает на зов, не даёт силы. Я как пустышка, Соколов. Понимаешь?

— Контракт разорван?

— Нет, он всё ещё где-то во мне, но не отвечает. Мой дух справился. Я думаю, он напуган.

Он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде не было ненависти. Только страх.

— Поэтому я хочу пойти с вами. Из страха. Я не верю, что это ты приехал в академию и заделался маньяком. Ты хоть и не самый приятный тип, но точно не маньяк.

«Ого, — присвистнул Парадокс. — Князёк-то нашёл в себе смелость признать слабость. Это дорогого стоит. Может, взять его? Лишняя пушечная плоть не помешает».

Я колебался. Ланской был врагом. Но враг, который боится, иногда полезнее друга, который ничего не боится.

— Хорошо, — сказал я. — Сегодня ночью. В одиннадцать у входа в архивное крыло. Но если ты нас предашь, клянусь, я сделаю так, что ты пожалеешь об этом. Страх перед Тионикой покажется тебе мелочью.

— Тионикой? — князь вопросительно посмотрел на меня.

Я досадливо прикусил язык: не стоило посвящать Ланского в подробности.

— Да, мы думаем, что так зовут этого мятежного духа.

Ланской подался вперёд, ожидая продолжения, но я не стал развивать эту тему.

— Я ничего не скажу сейчас. Ты — не тот, человек, которому я бы стал доверять.

— Понимаю. Вы можете рассчитывать на меня, Всеслав, — Князь отвесил мне вежливый поклон и удалился.

Вечером мы собрались в условленном месте. Данила, Мария, Семён, Тимофей — и я. Когда появился Ланской, Семён вопросительно уставился на меня, а Данила раскрыл рот от удивления.

— Это ещё что за... — начал Череватов.

— Он будет с нами, — перебил я и коротко объяснил ситуацию. Ланской показал отметину на руке, и возражений больше не было.

— Идём, — скомандовала Мария. — Времени в обрез.

План оставался прежним — Данила отвлекает Семёныча, остальные проникают внутрь. Ланской вызвался помогать Череватову.

— Я князь, — пояснил он, — меня старый хрыч не посмеет выгнать. Я пойду к нему и потребую редкую книгу по генеалогии. От меня толку в архиве не будет, я не знаю, что искать.

Мне нравился такой князь Ланской, не заносчивый, сосредоточенный и предельно вежливый.

Данила хотел возмутиться, но Мария жестом заставила его замолчать.

— Пусть, — сказала она. — Чем больше шума, тем лучше.

Через десять минут Данила и Ланской — весьма необычная парочка, если подумать — уже ломились в дверь архива.

— Семёныч! — голос Ланского звучал властно и надменно, как и подобает князю. — Отворите! Немедленно!

— Что за шум? — донёсся недовольный голос библиотекаря из-за двери — Кто там?

— Князь Ланской! Мне срочно нужны материалы по родословной Рюриковичей! Именное распоряжение ректора!

В двери заворчал, поворачиваясь, ключ. И в тусклый свет фонаря выглянуло мрачное лицо смотрителя библиотеки. Семёныч прищурившись, разглядывал пришельцев.

— А это с тобой кто?

— Мне его господин ректор дал в помощь, хотя я и так бы справился с этим заданием.

— Какое ещё задание? — Семёныч приоткрыл дверь. — Не было никакого распоряжения.

— Ах, не было? — Ланской повысил голос. — Вы хотите сказать, что я вру? Вы оскорбляете честь княжеского рода, сударь! Я буду жаловаться самому императору, мой отец, князь Ланской, входящий в тайный совет.

— Да что вы... — старик растерялся. — Я ничего такого...

— Тогда принесите мне книгу и я подумаю о том, стоит ли мне жаловаться на вас ректору или нет.

Семёныч пожевал губами, потоптался на месте.

— Ну если приказ ректора... Хотя странно это... — Семёныч секунду колебался, но потом отступил в сторону, впуская ночных визитёров.

Ланской величественно кивнул и шагнул внутрь, увлекая за собой Данилу. Тяжёлая дверь с грохотом захлопнулась, но замок в скважине не скрипнул.

— Ждём, — прошептала Мария, прижимаясь к стене.

Прошла, казалось, целая вечность. Тимофей сидел на корточках в дальнем углу коридора и раскачивался — анализировал вероятности. Потом посмотрел на нас и кивнул:

— Можно, вероятность попасться в ближайшие пять минут всего десять процентов.

Мы гуськом двинулись к двери и проникли в архивное крыло. Архив встретил нас запахом вековой пыли и древних свитков и бумаг. В дальнем конце, за стеллажами, слышались голоса — Ланской что-то втолковывал Семёнычу, а Череватов поддакивал с таким усердием, что у меня закралось подозрение, не переигрывает ли он. Но Семёныч что-то отвечал в ответ, и в голосе старика разгорелся нешуточный азарт.

— Сюда, — указала Мария, и мы свернули в боковой проход, завешенный выцветшим гобеленом.

Узкий коридор с низким сводчатым потолком. Железные двери с табличкой «Секретно» преградила нам путь. Дверь оказалась запертой. Мы замерли возле неё. Семён подошёл к двери и поковырялся в замке ногтем.

— На такое мы не рассчитывали, — грустно сказал он, — я, конечно, могу сжечь замок, но тогда все узнают, что в архив кто-то проник. Тимофей?

Тимофей отрицательно покачал головой. От Маши тоже толку не было: менталисты с материей не работают.

«Дай мне», — прошелестел у меня в голове Парадокс, впервые проявивший инициативу. — Ты сможешь открыть, не повредив замок? — шёпотом спросил я.

Мои спутники удивлённо посмотрели на меня.

«Да»

Я подошёл к двери и положил на замочную скважину ладонь. Вспышка боли пронзила мою руку, отчего я чуть было не вскрикнул. Боль была неожиданной и достаточно сильной.

«Прости хозяин, но такова цена нашего контракта, точнее, один из ценников».

Я ничего не сказал, лишь закусил губу, чтобы не взвыть от боли, которая почему-то не хотела никак уходить, засела где-то в костях.

Дверь тем временем уже приоткрылась, и Мария с Семёном скользнули в темноту. Помещение, похожее на читальный зал, было тёмным. Вдоль стен тянулись стеллажи до самого потолка, заставленные папками, коробками и свитками. В центре стоял массивный дубовый стол, на котором покоилась толстая книга в кожаном переплёте.

— Это опись, — прошептал Семён, подходя к столу и читая, что написано на обложке книги. — Смотрите, «Реестр дел, хранящихся в секторном архиве Императорской академии».

Он раскрыл книгу. Страницы были хрупкими, пожелтевшими, но текст сохранился хорошо. Старинным почерком, с завитушками и кляксами, были перечислены номера дел, годы и краткие названия.

— Нам нужно найти всё, что связано со сферой, — сказал я, вглядываясь в страницы. — И с Меньшиковым. И с разумными духами.

Почерк у человека, что вёл эту книгу, был плохо читаем, но, вглядевшись, я начал разбирать буквы. Ко мне подошла Мария и подвинула меня плечом, принялась листать книгу: для неё почерк проблемой не был.

— Есть! — выдохнула девушка спустя две минуты — «Дело 134. Чертежи артефакта Колыбель и сопутствующие материалы. 1723 год. Подпись — князь А. Д. Меньшиков».

— Где оно хранится?

— Стеллаж «М», полка третья, короб двенадцать.

Мы бросились к стеллажам. Буквы были выбиты на торцах — ровными рядами, от «А» до «Я». М. Полка третья. Я встал на цыпочки, Семён подставил руки, и я забрался наверх.

Короб двенадцать оказался небольшим, картонным, перетянутым бечёвкой. Я снял его, прыгнул вниз и поставил на стол. Не смотря на царившую везде пыль, короб оказался чистым, словно за десять минут до нашего прихода кто-то уже его открывал.

Я развязал бечёвку. Внутри лежали пожелтевшие листы плотной бумаги, испещрённые карандашными набросками, схемами и мелкими пояснениями. Сфера. Та самая сфера, что стояла в главном зале, — в разрезе, с обозначениями. Рядом — какие-то формулы, которых я не понимал.

— «Колыбель», — ткнула пальцем Мария в картонку. — «Артефакт для удержания нестабильных сущностей. Принцип действия основан на изоляции эфирных тел от потока времени. Сущности, помещённые в Колыбель, перестают изменяться и что-либо чувствовать и теряют способность к самоосознанию». Вы понимаете, что это значит?

— То есть они там спят, — тихо сказал Семён. — Вечно. Или пока их не выпустят.

— Вот почему Парадокс почти ничего не помнит, — понял я. — Он слишком долго был в этой сфере. Что там дальше?

Я перевернул страницу. На обороте оказалась приписка, сделанная другим почерком — более современным, каллиграфическим:

«Эксперименты по закреплению сущностей внутри Колыбели признаны частично успешными. Однако зафиксированы случаи деградации сущностей и потери ими индивидуальности. Рекомендовано продолжить исследования на базе Академии. 1793 год. Подпись — ректор П. А. Толстой».

— Девяносто третий год прошлого века, — присвистнул Семён. — Они уже тогда знали про сферу.

— И продолжали эксперименты? — Мария перелистнула ещё несколько страниц. — Смотрите, вот записи уже за 1810 год, за 1835-й... Они всё это время что-то делали с ней.

Я пролистал до конца. Последняя запись была сделана чёрными чернилами, размашисто:

«1847 год. Зафиксирован выброс сущности из Колыбели. Жертва — студент Б. Лисовой. Сущность идентифицирована как Тионика. Обстоятельства выброса неясны. Проведено усиление блокировки артефакта. Лицам, не имеющим допуска особого уровня, запрещено приближаться к сфере. Подпись — Г. М. Твердохлебов».

— Твердохлебов знал, — сказал я. — Он знал про Тионику и про сферу. И ведь ничего не сказал, старый...

— Ну ещё бы он сказал студенту-первокурснику, — хихикнул Семён, — Смотри, здесь есть ещё один лист.

Он вытащил из короба тонкий листок, сложенный вчетверо. На нём не было схем, только несколько строчек, написанных торопливо, почти неразборчиво:

«1863 год. В ходе целенаправленного эксперимента из Колыбели была выпущена сущность класса альфа. В качестве объекта — Соколов В. А. Дух — Парадокс. По предварительным наблюдениям дух не агрессивен. Студент Соколов чувствует себя нормально. Наблюдения продолжаем. Подпись — А. С. Збарский».

Это я, — сказал я, чувствуя, что голос меня не совсем слушается. — Всеслав Соколов.

— Значит, этот эксперимент — твоё поступление? — медленно произнёс Семён. — Збарский наблюдал за тобой с самого начала. И записывал. Я не понимаю...

— Я тоже.

Мои друзья смотрели на меня с сочувствием. Я сглотнул подкатившийся к горлу комок.

— Поговорим об этом позже, — решительно сказал я, — нам надо переписать формулы и найти информацию о Тионике. За работу.

Глава 14

Мы сидели среди полок архива. В воздухе повисло тяжёлое, почти осязаемое напряжение. Жёлтый свет лампы выхватывал из темноты пыльные страницы, исписанные старинным почерком. Листок с записью 1863 года лежал передо мной на полу, и я никак не мог отвести от него взгляд.

Дальше мы работали молча.

Мария перелистывала бумаги, Семён срисовывал схемы в маленький блокнот, который достал из внутреннего кармана. Тимофей стоял у двери и напряжённо слушал гнетущую тишину, повисшую в архиве. Только шуршание грифеля карандаша и шелест страниц нарушали эту тишину.

Я сосредоточенно листал архивную книгу, пытаюсь найти ещё какие-нибудь полезные документы. Наконец наткнулся на запись: «Колыбель». Папка с документами лежала на соседней полке, рядом с предыдущей. Папка — из грубой коричневой кожи, без опознавательных знаков и пометок. Я развязал тесёмки. Внутри оказались не схемы, как я ожидал, а письма.

Десятка два, сложенных в стопку. Верхнее — на бланке Императорской академии, адресованное «Г. М. Твердохлебову». Я развернул его.

«Уважаемый Гавриил Модестович, — прочитал я шёпотом. — В соответствии с решением Учёного совета от 3 сентября 1847 года прошу вас продолжить наблюдение за артефактом Колыбель и фиксировать любые аномалии. Особое внимание уделить сущностям, проявившим признаки самоосознания».

— Это письмо датировано сорок седьмым годом, — я ткнул пальцем в шапку бланка. — За год до того, как Тионика вырвалась и убила Лисового. Они знали. Они уже давно ведут эти эксперименты. Куда смотрел ректор?

Семён подполз ближе, заглянул мне через плечо.

— Там ещё письма? Давай все.

Я вытряхнул стопку на пол. Письма были разного качества — от казённых бланков до мятых клочков, исписанных торопливым, почти нечитаемым почерком. Семён принялся разбирать их, раскладывая в хронологическом порядке. Мария вернулась к своим бумагам, но я видел, что она краем уха слушает, что бормочет Семён.

Первые письма — сухие отчёты, ничего интересного. «Состояние артефакта стабильное», «аномалий не зафиксировано», «сущности класса бета проявляют слабую активность». Потом, где-то в середине 1850-х, тон меняется. Появляются слова «нестабильность», «прорыв», «требуется усиление блокировки». Имя Твердохлебова встречается всё чаще. Видимо, именно тогда профессор стал руководителем этого проекта.

— Смотрите, — Семён протянул мне письмо, написанное на линованной бумаге, явно вырванной из тетради. — Это уже не официальное. Похоже на личную записку.

Почерк был торопливым, с кляксами, но разобрать можно было. Я прочитал вслух:

«Гавриил, они шевелятся. Все. Даже те, что мы считали погибшими. Сегодня ночью я слышал голоса. Они звали меня по имени. Я не могу спать уже четыре дня. Сфера пульсирует. Я боюсь, что скоро она не выдержит. Что делать? П. Т.»

— П. Т. — это Пётр Толстой, — сказал Тимофей от двери. Он не оборачивался, всё так же вслушиваясь в тишину коридора. — Бывший ректор академии.

— Значит, уже тогда сфера была нестабильна, — тихо сказал я. — Но они ничего не сделали. Просто продолжали наблюдать.

«Как мило, — хмыкнул Парадокс. — Академики любят наблюдать. Особенно за тем, что может их сожрать. На их месте я бы так не делал, а просто поглотил бы всех духов».

Я не ответил. Перебирал письма дальше, и пальцы мои вдруг наткнулись на конверт из плотной, дорогой бумаги. Не пожелтевший, как остальные, а почти новый. Я вытащил листок и узнал почерк. Мелкий и убористый. Этим же почерком были написаны записки Збарского. Я принялся читать:

«Гавриил Модестович, простите, что не сказал вам правду раньше. Эксперимент 1863 года не был санкционирован Учёным советом. Я действовал один. Я выбрал Соколова, потому что его род связан со сферой. Его прадед участвовал в создании Колыбели. Я думал, что родовая кровь позволит Парадоксу закрепиться без последствий. Изначально эксперимент предполагалось провести на одном из старших братьев В., но их духи проснулись раньше. Я не рассчитывал, что вырвется Парадокс. Расчёт был на Тионику или кого-то из младших духов. Сейчас я предлагаю просто наблюдать».

Я дочитал и положил письмо на пол. Руки предательски дрожали.

— Он знал, — сказал я чужим голосом. — С самого начала знал, кто я.

— Всеслав, что ты знаешь про своего прадеда? — тихо спросила Маша, заглядывая мне в глаза.

— Ничего, — честно признался я. — Его звали Феофан, единственное, что я помню.

Мария нахмурилась.

— Феофан Соколов, — повторила она, словно пробуя имя на вкус. — Я где-то его встречала. В списках... Подожди.

Она принялась рыться в бумагах, которые читала. Семён перестал срисовывать схемы и с интересом наблюдал за ней. Тимофей по-прежнему стоял у двери, но теперь его плечи были напряжены сильнее — видимо, силы его уже заканчивались, просматривать реальности было тяжело.

— Вот, — Мария вытащила пожелтевший лист, исписанный каллиграфическим почерком. — Протокол заседания Учёного совета от 12 мая 1812 года. Присутствовали: ректор П. А. Толстой, профессора... и далее список. Здесь есть твой прадед. Феофан Соколов — «приглашённый консультант по вопросам родовой магии». Он не преподавал, его позвали специально, чтобы...

Она пробежала глазами по тексту, нахмурилась:

— Никакой конкретики. Просто «консультация».

Мария начала складывать документы обратно в кожаную папку. Я помогал ей, стараясь действовать быстро, но аккуратно. Пальцы всё ещё дрожали.

— Тимофей, — позвал я. — Как там коридор?

Тимофей приоткрыл дверь, выглянул.

— Пусто. Но я слышу шаги. Где-то далеко. Идут сюда.

— Семёныч?

— Не знаю, но вероятность того, что нас поймают, начала расти. Надо убираться.

— Семён, успел переписать? — спросил я огневика.

Тот кивнул.

— Бежим, господа. Больше ничего мы тут не найдём.

Мы быстро сложили все бумаги по местам, приведя их в прежнее состояние. Семён погасил светлячка, и мы выбрались обратно в общий коридор. Вдали замаячил огонёк.

— Надо запереть дверь, — прошептала Маша, — иначе возникнут вопросы. Семёныч догадается, что князь с графом были отвлекающим манёвром.

— Парадокс? Сможешь закрыть? — прошептал я себе под нос.

«Да, но будет больно».

— Давай.

Я приложил руку к замочной скважине и испытал такую боль, о которой даже никогда не слышал. Заболела не только рука — заболело всё.

«Закрыть большее, — как-то виновато сказал Парадокс где-то в глубине моего черепа. — Это не совсем мой профиль».

Очнулся я в тот момент, когда меня тащили по коридору. Семён буквально волок меня на себе.

— Семён, пусти, я могу сам, — прошипел я, но тот даже не подумал меня выпустить. Тащил меня, как локомотив тащит вагоны.

— Тише, — шипел он. — Семёныч рядом.

Я попытался взять себя в руки. Ноги слушались плохо, перед глазами всё плыло, но я заставил себя переставлять их. Семён поддерживал меня под локоть, его пальцы впивались в рукав мундира.

Впереди, шагах в двадцати, маячил тусклый огонёк. Я успел разглядеть сгорбленную фигуру Семёныча, который неторопливо шаркал в сторону архива, подсвечивая себе масляной лампой. Он нас ещё не заметил — шум его шагов тонул в скрипе собственных половиц.

— Направо, — шепнула Мария, и мы свернули в боковой проход.

Семён потянул меня за собой. За gobеленом оказалась ниша — маленькая, пыльная, явно предназначенная для хранения метёлок и вёдер. Мы втиснулись туда вчетвером: Семён, я, Мария, Тимофей. Теснота была невыносимой, но дышать старались как можно тише.

Шаги Семёныча приближались, тяжёлые, размеренные. Он прошаркал мимо нашей ниши буквально в двух шагах. Я слышал, как он кряхтит, как шуршит его поношенный сюртук и как позвякивают ключи на поясе. Мы стояли, прижавшись друг к другу. Я чувствовал, как к моей спине прижалась грудью Мария, отчего в голове зашумела кровь. Если бы в подсобке было светло, все увидели бы, как моё лицо покрывается краской.

Наконец Семёныч ушёл. Мы выбрались из ниши и осторожно двинулись к выходу. Дверь в архив почему-то осталась незапертой. Мы вышли.

Ланской и Череватов ждали нас в коридоре. В руках князь вертел какой-то старинный фолиант.

— Проблем не возникло? — спросил он. — Нашли то, что искали?

Я кивнул, не желая пока ничего рассказывать. В голове было непривычно пусто. Нервное возбуждение, захлестнувшее меня во время вылазки, начало потихоньку отступать, и меня потянуло в сон.

— Данила, — позвал я друга, — не знаешь, Збарский уже уехал из академии?

— Да, сегодня утром его видели с чемоданом, — шёпотом ответил мне друг. — А что?

— Мне бы поговорить с ним.

Но разговору не суждено было случиться.

Мы всей толпой двинулись в сторону общежития. На одном из поворотов я остановился.

— Расходимся, — скомандовал Семён. — Всеслав, ты как? Проводить?

Я покачал головой:

— Нет, всё в порядке.

— Завтра после занятий встречаемся в парке у статуи Императора Павла, — тихо сказала Мария, сверля меня взглядом. — Надо подумать, что делать дальше.

Я кивнул и двинулся в сторону Западного крыла, где, кроме меня, больше никого не было.

Всю ночь мне снилась какая-то ерунда. Меня кто-то преследовал, мелькали лица Збарского, Киреевского и лежащее на полу окровавленное тело. Я подходил к телу, но лица разглядеть не мог — оно всё время смазывалось и менялось. Потом тело исчезло, и на его месте возникла женщина, очень бледная, некрасивая. Но что-то в её лице было такое, что даже во сне у меня по спине побежали мурашки.

— Ты во всём виноват, — замогильным голосом говорила она.

Я что-то ей отвечал, утверждал, что здесь нет моей вины, что я ничего не делал.

— Ты — наследник. Ты должен умереть! — сказала женщина, и я проснулся.

Подушка и одеяло были мокрыми от пота. Сердце грохотало в голове, меня трясло. Рассвет ещё не вступил в свои права, и в комнате было сумрачно. В этом сумраке мне показалось, что кто-то стоит в углу. Я присмотрелся и увидел лишь стул, на котором грудой лежала моя одежда.

Я снова лёг и уснул — на этот раз без сновидений.

Не знаю, сколько прошло времени, но разбудил меня колокол Академии. Наверное, он мог бы поднять и мертвеца из могилы — такой громкий был удар. Голова болела, ныла рука, через которую Парадокс пустил поток силы.

— Парадокс, — тихо позвал я духа. — А какова цена нашего контракта?

Парадокс долго не отвечал. Я чувствовал, как он возится в моей голове, шевелится, но молчит.

«У нашего контракта нет цены, — наконец ответил дух. — То, что принадлежит изначально мне, я делаю абсолютно бесплатно. Я не хочу попасть в сферу или развоплотиться, потому ничего не требую».

— А почему...?

Я прикусил губу, потому что сам понял ответ на свой вопрос. Другие духи требовали плату, потому что у них не было никаких мыслей, желаний и чувств. Я понемногу начал понимать это. В голове рождались теории, предположения.

«Ты прав, мальчик, — тихо сказал Парадокс. — Простые духи не управляют собой. Маги сами устанавливают цену, а духам нужна сила, чтобы воплотить».

— Ты тоже был обычным духом? Ты брал большую плату за то, чтобы пользовались твоей силой?

«Да, — сказал Парадокс, а после паузы продолжил: — Я не помню этого, но мне кажется, что это так. Духи, такие как я, обладающие волей, чувствами, — это бывшие бессловесные существа».

— А Тионика? Она существует без носителя. Такое может быть?

«Я не знаю», — сказал Парадокс, и я перестал чувствовать его в своей голове.

Я умылся и принялся собираться на завтрак. В столовой из моих друзей никого не было — видимо, ночное приключение свалило всех. Только князь Ланской что-то жевал, окружённый своими приспешниками. Он даже не бросил на меня взгляда.

Я сел за дальний стол, подальше от князя. Есть не хотелось, но я заставил себя проглотить кашу и выпить чай. Голова понемногу прояснялась.

Парадокс молчал. После того разговора он словно ушёл в себя, и я не решался его тревожить. Слишком много нового я узнал за последние часы. Слишком многое нужно было переварить.

После завтрака потянулись лекции. Теория контрактов, история магии — всё слилось в одну сплошную, монотонную ленту. Я механически записывал то, что диктовали, но почти не слушал. Мысли крутились вокруг ночных находок, вокруг письма Збарского, вокруг Парадокса и его слов: «У нашего контракта нет цены».

Нет цены. Это значило, что платить нечем. Или что платить придётся чем-то таким, что нельзя измерить ни болью, ни памятью, ни годами жизни. Мог ли врать Парадокс? Я не знал.

Последним занятием было фехтование. Месье Дюваль устроил сегодняшнюю тренировку на улице. Погода стояла ещё тёплая и солнечная, не совсем свойственная этим широтам. Инструктор был весел и жизнерадостен, он нетерпеливо прохаживался вдоль шеренги студентов, только что пробежавших несколько огромных кругов по саду.

Я не вырвался вперёд — душевных и физических сил на это тратить не хотелось. С Идой мы встретились взглядами, и я ей улыбнулся. Девушка ответила на улыбку и умчалась вперёд.

Не знаю, ожидала ли она, что я побегу с ней рядом, но мне бегать не хотелось, ещё меньше мне хотелось разговоров.

— Сегодня работаем в парах, — объявил Дюваль, подкручивая свои и без того выющиеся усики, когда все прибежали. — Спарринги до трёх уколов. Без магии. Нарушители пойдут к Степану Андреичу на неделю. Это я к тем, кто любит пускать огоньки.

Он внимательно посмотрел на Ланского, который стоял, ухмыляясь. Дюваль прошёлся вдоль строя, цепким взглядом выбирая пары. Когда его глаза остановились на мне, я внутренне сжался.

— Соколов и Ланской. Даю вам шанс исправиться и показать настоящий бой, без фокусов.

Ланской скривился, словно от зубной боли, но кивнул и сделал шаг вперёд, сжимая в руке учебную рапиру. В моей руке оказалась точно такая же.

Мы скрестили клинки.

Ланской фехтовал хорошо, даже лучше, чем в прошлый раз. Занятия Дюваля дали о себе знать. Он теснил меня, заставлял отступать, и я видел, как его прихлебатели на скамейке довольно переглядываются, наблюдая за схваткой. Но я заметил ещё одну деталь: Ланской берёт левую руку. Именно на ней осталась отметина невидимой руки, и я знал, что это сейчас слабое место князя, а потому нисколько не сожалея начал целиться туда.

Наконец одна из моих неожиданных атак достигла цели — я кончиком рапиры ткнул не успевшего извернуться князя в кисть. Князь от неожиданности вскрикнул и, к моему и всеобщему удивлению, опустил рапиру и сделал два шага назад.

— Я сдаюсь, — прошипел он, сверля меня ненавидящим взглядом.

На секунду во мне проснулась совесть: я знал, что у Ланского не всё в порядке, и воспользовался этим. Но моя совесть, в роли которой выступил Парадокс, сдалась:

«Так ему и надо, князьку недоношенному, — захохотал Парадокс. — Я бы ему ещё и по голове дал».

Дюваль тоже был удивлён:

— Мсье Ланской, что-то не так? Мсье Соколов вас едва коснулся, вы ещё можете продолжать бой.

— Я сдаюсь, — тихо сказал Ланской, глядя прямо в глаза Дювалю. — Я неважно себя чувствую. Пусть Соколов наслаждается победой.

Все студенты удивлённо смотрели на Ланского, но тот не обращал на эти взгляды никакого внимания. Он взял рапиру за рукоять и с силой воткнул её в песчаную площадку. Потом развернулся на каблуках и пошагал в сторону кампуса.

Дюваль что-то пробормотал себе под нос и повернулся ко мне.

— Мсье Соколов, вы — молодец! — сухо сказал он. — Я решил выдвинуть вашу кандидатуру на соревнования по фехтованию. Отборочный этап среди студентов первого — третьего курсов состоится в понедельник в восемь утра, потом будет уровень Империи, а финал — моя дорогая Франция. *Allez, jeune homme, ne me déçois pas!*[1]

— Я постараюсь, месье, — выдавил я, чувствуя, как краска заливает щёки.

— *Très bien*[2]. Готовьтесь. И не забывайте: фехтование — это искусство, а не махание рапирой налево и направо. После занятия подойдите ко мне, мы составим индивидуальный график тренировок.

Я был удивлён. Как по мне, даже среди нашего курса было много фехтовальщиков, которые были на голову выше меня. Видимо, такая же мысль пришла в голову и остальным студентам, потому что поднялся гомон и все принялись обсуждать мою кандидатуру. Но Дюваль быстро навёл порядок, распределил всех по парам и велел тренировать выпады. Я же остался один. Ланской так и не появился до самого конца занятия.

Студенты разбились на пары и разошлись по площадке. Звон стали и выкрики «Алле!» разносились по саду. Я стоял у стойки с рапирами, сжимая в руке свою, и чувствовал себя лишним.

— Всеслав.

Я обернулся. Ко мне подошла Ида. Её мундир был расстёгнут, на лбу блестели капельки пота — она только что закончила свой спарринг. Её партнёрша — белокурая девочка — сидела прямо на земле и тяжело дышала.

— Вы её совсем загоняли, — сказал я, улыбнувшись.

Ида тоже улыbnулась:

— Поздравляю с участием в турнире. Я тоже хочу поучаствовать — это такая возможность — увидеть Париж.

— Только я более чем уверен, что дальше первого тура не пройду. Фехтовальщик из меня никакой.

Ида лишь пожала плечами:

— Дювалю виднее. Он большой мастер. Чемпион мира, участвовал в нескольких военных походах, у него даже была своя фехтовальная школа в Москве.

— Если он такой мастер, то не позвал бы меня. Я шпагу впервые взял в руки в Академии.

— Не знаю, — сказала девушка и прикусила губу. — Мне сегодня опять приснился кошмар.

— Какой? — тихо спросил я.

Ида отвернулась, посмотрела куда-то в сторону сада, где студенты продолжали спарринги. Её профиль на фоне осеннего неба казался нереальным — слишком правильным, слишком красивым.

— Бледная, некрасивая женщина. Она стояла в коридоре и смотрела на меня. А потом сказала: «Ты следующая». Я проснулась в ужасе.

Бледная женщина. Шестерёнки в моей голове завращались. Я ничего не стал говорить девушке, только внимательно слушал.

— А ещё она сказала, что я наследница. Не знаю чего. Что я должна умереть. Всеслав, мне страшно.

Мы оба молчали. Студенты вокруг продолжали спарринги, звенели рапиры, Дюваль выкрикивал «Алле!». Но для нас мир вдруг сузился до этого разговора, до бледной женщины, которая преследовала нас обоих.

— Мне кажется, я знаю, кто это.

Ида распахнула глаза:

— Кто же?!

— Это Тионика. Один зловредный разумный дух.

Я заглянул в голубые глаза девушки и тихо сказал:

— Не беспокойтесь, Ида, всё будет хорошо. Скоро кошмары прекратятся.

Она взяла меня за руку. Пальцы её были холодными. Она легонько сжала мою ладонь.

— Я верю вам, Всеслав, — сказала она. — Вы расскажете обо всём, когда всё кончится?

— Обязательно, — улыbnулся я, понимая, что лицо моё заливают краской. — Обязательно.

[1] *Allez, jeune homme, ne me déçois pas!* — Давай, молодой человек, не разочаровывай меня! (фр.) [2] *Très bien* — Очень хорошо (фр.)

Глава 15

Дюваль не дал нам договорить с Идой — отозвал меня в сторону.

— Мсье Соколов, я решил, что тренировки до соревнований будут проходить четыре раза в неделю после ваших занятий. Я узнал ваше расписание и согласовал его с ректором. Так что на три часа после занятий вы — мой. Начинаем через двадцать минут. Отдыхайте.

Дюваль элегантно развернулся и пошёл в сторону учебного корпуса.

Я стоял, раскрыв рот. Четыре раза в неделю по три часа — это очень много. Помимо этого у меня была гора несделанных заданий и, самое важное, наше общее дело — заточение Тионики. Я чуть не взвыл.

Ко мне подошёл Данила, красный и потный. Фехтование было для него самым нелюбимым из занятий.

— Сев, что-то случилось?

— Да, — мрачно сказал я и пересказал короткий разговор с Дювалем.

Ида скромно стояла рядом. Я не хотел раскрывать перед ней наш план. Данила это понимал и выразительно посмотрел на меня.

— А как же...

— Не знаю, — раздражённо перебил его я. — Видимо, придётся перенести на более позднее время. Ты сможешь сказать всем?

— Конечно. Может, как-то удастся отказаться?

— Попробую, но что-то подсказывает мне, что Дюваль не сам решил меня загрузить. Чувствуется рука ректора.

— Угу, — мрачно кивнул Данила. — Ну, ничего страшного. Мы попробуем что-нибудь придумать с ребятами и без тебя. Может, соберёмся в кружке?

Я покачал головой:

— Нет, слишком многолюдно. Вы соберитесь без меня, потом расскажешь.

Данила кивнул и тяжело потопал в сторону общежития. Сбор кружка Парадокса должен был состояться через час — как раз занятия у всех к этому моменту должны были закончиться.

— Если тебе надо помочь с учёбой, я всегда готова, — Ида подошла ко мне. — Я свои конспекты давно сдала, да и задают пока не так много. Общие дисциплины — так вообще легко.

— Благодарю вас, княжна, — я легко поклонился. — Я попробую что-нибудь придумать. Мне нужна помощь по экономике — совершенно в ней ничего не понимаю. Как насчёт того, чтобы встретиться в библиотеке? Вы бы мне объяснили, как решаются эти проклятые задачи.

Небесно-голубые глаза девушки радостно сверкнули.

— С большим удовольствием, Всеслав.

Мы ещё какое-то время постояли, разговаривая о какой-то ерунде: обсудили преподавателей, гору домашних заданий и всё прочее. Мне было легко с девушкой — я не краснел, как это бывало при общении с Марией. Было в Иде что-то располагающее. Мне даже начало казаться, что я понимаю её. За внешне недоступным фасадом скрывалась добрая и ранимая девушка. Мне нравилась Ида.

«Хозяин, сейчас не время думать о вопросах пола, — в мои неприхотливые мысли встрял Парадокс. — У нас много дел».

Я ничего ему не сказал.

Когда на площадке снова появился Дюваль, девушка распрощалась и, выпрямив спину, нацепив на лицо свою аристократическую маску, величаво удалилась.

— Что же, мсье Соколов, *le temps est précieux* — время дорого! — грассировал преподаватель. — Сегодня я буду учить вас правильно стоять.

Тренировка оказалась изнурительной. Дюваль заставлял меня повторять одно и то же движение по сто раз, пока ноги не начинали гореть, а спина — неметь. «Стойка, мсье Соколов, — это фундамент. Без фундамента рушится всё». Я стоял, делал выпады, возвращался, стоял снова.

К концу третьего часа я едва держался на ногах.

— *C'est bien*[1], — сказал Дюваль, пряча рапиру в чехол. — Завтра в это же время. Не опаздывайте.

Я кивнул, не в силах говорить.

В Западное крыло я плёлся, утомленный и полностью разбитый. В голове шумело — от усталости, от мыслей о кружке, от воспоминаний о голубых глазах Иды.

«Ты влюбляешься, хозяин», — заметил Парадокс.

— Иди к чёрту, — буркнул я беззлобно.

Возле моей комнаты стоял растерянный Данила.

Он переминался с ноги на ногу, теребя в руках какой-то клочок бумаги. Увидев меня, облегчённо выдохнул.

— Сев, наконец-то! Я тебя уже заждался.

— Что случилось? — спросил я, открывая дверь и жестом приглашая его войти.

Данила шагнул внутрь, рухнул на стул и уставился на меня круглыми глазами.

— Собрание кружка отменилось.

— Почему?

— Потому что у всех, кто был в архиве, вдруг появились срочные дополнительные задания. У Марии — курсовой проект. У Тимофея — индивидуальное занятие с деканом факультета Грани. У Семёна — отработка в лаборатории. На ближайшие две недели всех припахали так, что мама не горюй.

Я опустил на кровать. В голове щёлкнуло.

— И у тебя?

— Нет, у меня ничего, — Данила развёл руками. — Я же не был в архиве. Я с князем в коридоре торчал. Меня, видимо, не заметили.

— Или не сочли нужным наказывать, — мрачно поправил я.

Повисла тишина. Данила смотрел на меня выжидающе. Я сцепил пальцы в замок и уставился в пол.

— Это ректор, — сказал я наконец.

— Киреевский? Почему ты так решил?

— Больше некому, — сказал я, — скорее всего Семёныч нашёл какие-то следы в архиве или... не знаю. Но ректор может читать память предметов. Вас же с Ланским не наказали, вас не было в секретном архиве.

— Но почему таким образом? — возмутился Данила. — Почему он не вызывал вас, почему не припахал работать на кухне или ещё что-то такое, да они же нас за такое могли не только отчислить, но и на каторгу сослать.

— Ну, отчислить сразу четверых студентов — это будет не очень для престижа академии, всё же Маша, Тимофей и Семён — не обедневшие дворяне, как я, — я поднял глаза на друга. — Меня не выгнать, потому что эксперимент идёт полным ходом. Да и знаем мы довольно много. Ректор понимает, что мы никому ничего не расскажем, но нас надо остановить, чтобы мы не лезли не в своё дело, вот и получается то, что получается.

— И что теперь делать? Не бросать же.

— Нет, — твёрдо сказал я. — Просто будем осторожнее. Ты сказал, что занятия у всех, что все заняты, но не ночью же.

— Да. На разное время, но все с утра и до ужина. Только у Тимофея что-то после ужина, но там вроде бы два часа.

— Значит, мы можем встретиться ночью, как вчера.

— А как же твои тренировки с Дювалем, ты выдержишь это, ты похож на тряпку выжатую.

Я вздохнул.

— Тренировки будут четыре раза в неделю. Будет тяжело, но выбора-то у меня никакого нет.

«Героически, — хмыкнул Парадокс. — Главное — не умереть, и есть, надо очень много есть».

— Ладно, — сказал Данила, вставая. — Значит, встречаемся завтра ночью. Где?

— Пусть все приходят ко мне. Крыло теперь действительно пустое. В полночь, думаю, всех устроит.

— А если ректор узнает?

— Узнает — значит, узнает, — отмахнулся я, — Нам надо решить проблему, я не хочу, чтобы Зимин старший носился за мной с наручниками. Ещё чего доброго в скит отправит. Нам надо заточить Тионику.

Данила кивнул и направился к двери. На пороге задержался.

— Сев, а если нас всех накажут? Ну, по-настоящему?

— Не накажут, это, во-первых, а, во-вторых, мы спасаем академию, а не вино пьём по углам.

Данила усмехнулся, махнул рукой и вышел. Дверь за ним закрылась.

Я остался один.

Усталость навалилась колоссальная. Тренировка вымотала тело, разговоры — душу. Я подошёл к столу, чтобы взять часы, посмотреть время.

На столе, поверх моих бумаг, лежал конверт.

Серый, плотный, с размашистым почерком. Этот почерк я узнал сразу, принадлежал он моему брату — Вадиму. Я не знал, откуда взялся этот конверт, утром его точно не было.

Я взял письмо. Пальцы чуть дрожали — то ли от усталости, то ли от радости, что наконец-то получил весточку от родных.

Внутри конверта лежал листок, исписанный с обеих сторон. Почерк Вадима — размашистый, с крупными буквами, чуть неровный. Я начал читать.

«Всеслав, здравствуй!

Дошли до меня вести, что ты поступил в Академию. И не просто поступил, а на особых условиях. Молодец! Я всегда знал, что ты у нас головастый. Не слушай никого, кто говорит, что ты ошибка природы. Ты — Соколов. А мы не сдаёмся.

У меня тут всё по-прежнему: снега, тайга, красота. Ищем алмазы, даже кое-что нашли, правда, пока мало. Три штуки, мелкие, но очень чистые. Приедет смена — отправлю домой. Не знаю, слышал ли ты, но отец снова проигрался. Надо их выручать. Сорок тысяч долга. Очень жалко матушку. Немного денег посылаю тебе, в конверте тридцать рублей, прости, что не могу послать больше.

Пиши, как у тебя дела. Держись там. Я в тебя верю.

Твой брат, Вадим.

Р. С. Всеволод передаёт привет. Он теперь в министерстве, нос задрал — не узнать. Но ты напиши и ему письмо, он скучает и очень расстраивается из-за отца.

Р. Р. С. Надеюсь, ты нашёл себе хороших друзей и уже присмотрел какую-нибудь графиню или княжну. Шучу

Р. Р. Р. С. Приеду ближе к лету. Жди».

Я перечитал письмо несколько раз. Почему-то на глаза навернулись слёзы. Я не плакал с детства. Жизнь на Васильевском острове научила не плакать, а сцепив зубы бороться. Но сейчас я дал себе волю, из глаз потекли слёзы.

Я вытирал их рукавом, а они всё текли и текли.

Кто-то верил в меня. Ни Збарский, ни ректор, ни Тайная канцелярия, а родной брат. Пусть он был далеко в холодной Сибири, среди алмазов и таких же старателей, как и он. Но он написал мне. Мне не написали родители, мне не написал Всеволод. Только он. Потому что я — его брат.

Я сложил письмо и спрятал в карман, рядом с дедовскими часами. Забрался под одеяло.

«Спи, хозяин, — тихо сказал Парадокс. — Завтра будет долгий день».

— Ты это каждый раз говоришь, — буркнул я в подушку.

«Потому что каждый раз так и есть».

Я не ответил. Закрыв глаза и провалился в темноту. Мне не снилась бледная женщина. Не снился Застрожный. Не снился Збарский.

Мне снился Вадим.

Первой лекцией с утра была теория контрактов. Твердохлебов появился вовремя, сегодня он рассказывал о том, что цену контракта можно изменить при заключении нового. Магу в таком случае необходимо отказаться от собственного духа. В теории это делается довольно просто, но на практике мага ждёт мощный откат, поэтому такие эксперименты запрещены студентам первого и второго курсов. К тому же смена контракта работала только в рамках того направления, в котором уже существовал маг, то есть огневик мог заключить новый контракт только с огненным духом.

— Гавриил Модестович, когда нас распределяли по факультетам, то нам был объявлен уровень, мы можем его повысить сменой контракта? — спросил один из студентов огневики.

Я припомнил, что это Илья Богацков и уровень его контракта был одним из самых низких на факультете.

— Да, — ответил Сухарь, — но как правило не слишком сильно, молодой человек, к тому же это можно сделать и не прибегая к разрыву текущего контракта. Чем больше вы пользуетесь своими духами, тем они сильнее, правда, цена не всегда оправдана. Во время русско-турецкой войны один из турецких магов так поднял свой уровень, что просто начисто стёр своё сознание. Дух его стал очень сильным, но вот управлять он им не смог, — профессор поморщился, — он превратился в существо, которое ничего не помнило и ничего не знало, кроме того, что ему надо сражаться. Он и сражался. Уничтожил полк наших гренадёров, а потом принялся за своих. Турецкое войско понесло тогда большие потери. По меньшей мере десять магов понадобилось, чтобы успокоить экспериментатора.

Богацков помрачнел. В остальном же в лекции не было чего-то интересного. Я ждал её окончания, чтобы ещё раз попробовать поговорить с Сухарём.

— Лекция окончена, — наконец сказал профессор, сгрёб с кафедры листы, по которым читал лекцию и двинулся к выходу.

Я бросился следом. Твердохлебов говорить не хотел.

— Мне не до вас, молодой человек, все вопросы во время занятий, — отрезал он, когда я приблизился.

— Но, Гавриил Модестович.

— Не сейчас, — отрезал Гавриил Модестович, но я решил не сдаваться.

— Я знаю о проекте «Колыбель» и что я — это часть эксперимента. Может быть, я имею право узнать, в чём его суть?

Гавриил Модестович остановился, пожевал губу, нервно поправил пенсне.

— Я так и думал, что это были вы, — сказал он, — Семёныч мне сказал, что кто-то проник в архив. Ладно, пойдёмте ко мне в кабинет.

Я молча последовал за стариком. Он шёл уверенно, ни разу даже не шаркну ногой об пол. На меня Сухарь не смотрел. Его кабинет находился этажом выше, дверь он почему-то не запирает.

— Проходите, садитесь, — он указал мне на стул с прямой спинкой, стоявший возле его рабочего стола. Стол был пуст, только чернильница с пером пристроились на самом краю.

Я сел и осмотрел кабинет, он, как и стол, был практически пуст: никаких книг, как у Збарского, полок с вещами, как у Киреевского, один небольшой шкаф, закрытый, над столом на стене висел какой-то унылый пейзаж: степь и больше ничего.

Твердохлебов опустил в кресло напротив, снял пенсне, принялся протирать стёкла мятым платком. Долго молчал. Я терпеливо ждал.

— Вы понимаете, молодой человек, во что ввязались? — наконец спросил он, не глядя на меня.

— Не совсем, — честно признался я. — Поэтому и пришёл.

— Зря, — старик вздохнул и водрузил пенсне обратно. — Зря вы вообще полезли в архив. Зря нашли эти письма. Зря сейчас сидите здесь. Это очень опасное занятие.

— Вы хотите сказать, что лучше было ничего не знать, а быть жертвой ваших зверских экспериментов?

Сухарь перестал протирать пенсне и пристально посмотрел на меня:

— С чего вы вообще взяли, что он зверский? Наоборот, юноша, мы делаем всё для вашего блага. Или вы предпочли бы остаться пустышкой и отправиться в родовое имение? — в голосе Твердохлебова послышалась ирония, он прекрасно знал, что никакого родового имения у моей семьи давно нет.

Я молчал.

— Конечно, лучше было бы, если бы сфера никогда не существовала. Но она есть. И ваша задача, молодой человек, получать образование. Учитесь, получите диплом, женитесь на какой-нибудь богатой наследнице — и забудьте всё, что узнали.

— А как же Тионика?

Твердохлебов нахмурился:

— Я же сказал вам, что Тионики нет, она развоплотилась в имении Лисового, а если и нет, то как бы она добралась до академии, на своих двоих?

— А что если она присосалась к Збарскому?

— Чушь! — отмахнулся Твердохлебов, — духи такого не могут, к тому же у Збарского есть свой дух, а это научно доказано, что у одного мага не может быть двух духов. Понимаете?

Я упрямо поджал губы.

— А кто мне тогда снится? — прямо спросил я, — высокая некрасивая женщина, она говорит, что я во всём виноват.

— Не получится, — сказал я. — Тионика убивает. Она уже убила менталиста, Застроженный стал пустышкой, на руке Ланского — метка. И мне она является во сне.

Твердохлебов поморщился.

— Во сне?

— Да. Бледная женщина. Называет меня наследником. И требует, чтобы я умер.

— Наследник? — тут лицо Сухаря начало меняться, — вы уверены?

— Да.

Он нахмурился ещё больше, брови сошлись к переносице. Он какое-то время размышлял.

— Всеслав, а вы знаете Иду Волконскую?

Я насторожился.

— Да, а что?

— Она ничего не говорила вам об этом? — он покрутил пальцем, как бы показывая на всё сразу.

— Говорила, — честно сказал я, — ей тоже снятся такие сны.

— Понятно, — он снова погрузился в задумчивость и на этот раз молчал довольно долго.

Твердохлебов пожевал губу, потом резко встал и заходил по кабинету. Пенсне на его носу подпрыгивало, пальцы нервно теребили борта сюртука.

— Наследница, — повторил он. — Наследник. Значит, она выбрала вас двоих.

— Кто выбрал? Тионика?

Старик остановился, посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Не только. То, что вы видели во сне — это не сама Тионика. Это... отражение. Голос Колыбели. Или, точнее, тех, кто в ней заперт. Тионика — лишь одно из многих существ, рвущихся наружу. Но она — самое сильное и самое злое. А вы с княжной Волконской — потомки тех, кто создавал Колыбель. Ваша кровь это — ключ. Вы — наследники, потому что ваши предки запечатали духов внутри.

— Моя семья? — переспросил я. — Я знаю, что прадед Феофан был консультантом. А Ида?

— Волконские были среди основателей академии, — Твердохлебов подошёл к шкафу, достал ключ и отпер дверцу. — Её предок, князь Михаил Волконский, пожертвовал собственного духа, чтобы создать сферу. С тех пор кровь Волконских — это якорь для артефакта. А кровь Соколовых — это ключ, открывающий и закрывающий доступ к духам. Мне надо поговорить с ректором. Кажется, вы правы, и в академии что-то происходит.

— И это всё? Вы не скажете мне больше ничего? Ни про ритуал, ни про медальон, ни про то, как заточить Тионику?

Старик посмотрел на меня долгим, усталым взглядом.

— А что вы хотите услышать, молодой человек? Я был уверен, что сфера под контролем, а те неприятности, что периодически происходят в академии мы списывали на незавершённость защиты и ваше близкое присутствие, но мы усилили сферу, никто не должен выбраться. А амулет, о котором вы говорите — это не панацея, у молодого Збарского и Лисового ничего не получилось, вот он амулет.

Твердохлебов открыл ящик стола, порылся в нём и извлёк на свет какой-то брелок на истёршемся шнурке.

— А как же сотрудник Тайной Канцелярии? — я зачаровано смотрел на амулет.

— А разве не ваш дух его убил? — Твердохлебов бросил амулет обратно в ящик.

Я удивлённо смотрел на профессора, такого поворота я никак не ожидал.

— Вы считаете, что Парадокс в этом виновен?

— У нас были такие предположения, — спокойно сказал Гавриил Модестович, — разве это не так?

Я покачал головой.

— Хм, — он задумался, потом хлопнул своей сухой ладонью по столу и решительно сказал, — ждите меня здесь Всеслав, мне надо поговорить с ректором и с другими причастными, никуда не выходите, на занятия можете не ходить, я предупрежу тех, кого надо.

— Но...

Но Твердохлебов уже вышел из кабинета и я услышал, как снаружи запирается замок.

«Заперли. Как мышь в мышеловке. И что теперь, хозяин? Предлагаю хватать амулет и выносить дверь».

Я размышлял.

C'est bien — Хорошо (фр.)

Глава 16

Твердохлебов не появлялся и терпение моё подходило к концу. Я решил действовать.

Первым делом я открыл ящик стола, в котором лежал амулет. В моём представлении это должно было быть что-то очень серьёзное или красивое. Я взял его в руки и рассмотрел. Обычный медный брелок в виде лисы. На обороте была гравировка — Б. Л. ОТ самого амулета не исходило никакой силы, он был холодный, уже местами покрывшийся патиной.

— Теперь надо выбираться из кабинета.

«Выносим дверь?» — тут же отозвался Парадокс.

— Да, но я попробую справиться сам.

Мне не хотелось вновь испытать боль от применения сил. Хотя маг и должен быть готов к боли, особенно маги боевые, связанные с огнём, но мне этого сильно не хотелось. Поэтому я просто подошёл к двери и со всей силы ударил ногой в замок. Дверь жалобно взвизгнула, но замок выдержал. Я ударил ещё раз и ещё, наконец раздался треск и дверь вылетала наружу, громко стукнувшись о стенку.

Я выглянул в коридор. Возле самой двери стоял студент-старшекурсник. Он с интересом посмотрел на меня.

— Сударь, вам за это грозят неприятности, — предупредил он меня, но я уже не слушал, а мчался по направлению к кабинету ректора.

Я бежал, но внезапно в моей голове созрела мысль и я резко сменил направление. Ботинки гулко стучали по каменным плитам. Светильники в коридоре горели через один, отбрасывая длинные тени. Где-то за спиной звучало эхо моих шагов.

— Куда бежишь, хозяин? — Парадокс заворочался в голове. — К ректору?

— Нет, — ответил я, сворачивая в главную галерею. — К сфере.

«Разумно. Старик тебе не поможет. А сфера — это хорошо, думаешь, старикашка пошёл к ней?»

Я не стал ничего говорить, стараясь сберечь дыхание.

Главный зал был пуст. Только сфера слабо мерцала и мне показалось, что под её стеклянной оболочкой что-то шевелится. Я медленно подошёл к ней, и в нос мне ударил неприятный, сладковатый запах. Я прислушался к своим ощущениям и почувствовал гул. Гудела сфера: тихая вибрация то нарастала, то затихала. А ещё она начинала светиться. Сначала мерцание было едва заметным, но я понял, что оно усиливается.

— Парадокс, что делать?

Парадокс не отвечал. Я мысленно нащупал духа где-то в глубине своего разума и понял, что тот в ужасе. Такая волна страха выкатилась из моего сознания, что меня едва не стошнило. Голова закружилась.

— Парадокс! — почти закричал я, — что делать?

«Кровь, твоя кровь — это ключ, который отпирает и запирает сферу, сейчас она почти раскрылась, если ты ничего не сделаешь, то духи вырвутся, а они не очень довольны».

— А что если моя кровь сделает всё только хуже?

Парадокс промолчал.

Я медленно обошёл сферу по кругу и внезапно увидел Твердохлебова, вернее то, что осталось от старого профессора. Обугленное тело с вытянутой к сфере рукой. Мой организм сдался и меня вытошнило.

А сфера тем временем пульсировала всё сильнее. Чёрная гладь её поверхности больше не была гладкой — она шла рябью, словно вода в ветренный день. Внутри неё, в самой глубине, шевелились тени. Сотни теней. Они бились о невидимую стену, пытаясь прорваться наружу.

И я их услышал. Безумный смех, крики и ненависть.

— Выпусти нас! — шептали тени, — мы хотим на свободу!

Разумные духи, такие же как Парадокс, только очень злые, за годы обезумевшие.

А где-то за этим многоголосым хором звучал один голос. Тихий, женский, холодный. Он не просил. Он приказывал.

«Ты — наследник, Всеслав. Открой дверь. Ты же знаешь, что должен это сделать».

Я стиснул зубы и сделал шаг к сфере.

— Что мне делать? — спросил я вслух, понимая, что Парадокс всё равно слышит.

«Кровь. Твоя кровь — ключ. Прикоснись к сфере и дай ей свою кровь. Но будь осторожен... если ты дашь ей слишком много...»

— Что будет?

«Ты станешь одним из них».

Я не стал думать. Разрезать руку было нечем и потому я просто укусил себя за запястье. Солоноватая жидкость попала в рот, боли я практически не чувствовал.

— Ты поможешь мне?

— Да, — голос Парадокса звучал уже не в моей голове, а где-то за плечом.

Я обернулся и увидел его. Бестелесное существо зависло надо мной, оно было огромным, чёрно-синие вихри клубились вокруг него, огромное человекоподобное лицо обратилось ко мне, в глазах у него мелькали искры.

— Я рядом, Всеслав, ты должен справиться.

— Да, он справится, — на этот раз прозвучал женский голос, и я увидел Тионику.

Она оказалась больше Парадокса в несколько раз. Вокруг засверкали молнии, я почувствовал, как волосы мои наэлектризовываются и встают дыбом.

Я замер, глядя на два огромных призрачных существа, зависших в воздухе над сферой. Парадокс — чёрно-синий, клубящийся, с искрами в глазах. И Тионика — серая, холодная, в несколько раз больше, с молниями, танцующими вокруг её бестелесного тела.

Она улыбнулась. У неё не было рта в привычном смысле, но я знал — она улыбнулась.

«Всеслав, — голос её проникал прямо в мозг, обволакивая, усыпляя волю. — Мы так долго ждали тебя. Ты — ключ. Ты — тот, кто откроет дверь. Ты — наследник».

— Я не открою! — крикнул я, чувствуя, как голос срывается.

Тионика засмеялась, загредел гром, молнии начали сверкать сильнее, я на мгновение ослеп.

«Глупый мальчик. Колыбель была создана, чтобы держать нас взаперти, но она уже не сможет этого сделать. А ты — свежая кровь. Твоя сила — это наша сила. Открой дверь, и ты станешь великим. Ты станешь повелителем духов».

— Не слушай её, Всеслав! — гредел голос Парадокса, и давление Тионики постепенно отступало.

Кровь всё ещё сочилась из моего запястья, капая на каменный пол. Сфера пульсировала всё сильнее, и тени внутри неё бились о стенки, когда-то идеально ровные, они изгибались под этими ударами, но всё ещё держались.

— Что ты хочешь, Тионика? — спросил я.

«Я хочу свободы, — ответила она, — Я хочу дышать. Я хочу чувствовать. Ты не представляешь, что такое быть запертой в этой темноте годы, лишь моя сила позволяла мне иногда вырываться. Ах, бедный Богдан, он хотел спасти меня, и у него это почти получилось. Если бы не...»

Она умолкла.

— Ты убивала людей, — сказал я. — Ты разрывала их контракты. Ты делала их пустышками.

«Я делала то, что должна была делать, чтобы выжить, — ответила она. — Ты бы поступил так же. Каждый поступил бы так же. Ты — человек. Ты убиваешь, чтобы есть. Ты убиваешь, чтобы жить. Чем я отличаюсь от тебя?»

Я задумался. На мгновение.

«Не слушай её, хозяин, — голос Парадокса звучал рядом. — Она пытается сбить тебя с толку. Она не хочет свободы. Она хочет мести и безудержной силы. Никто не сможет её остановить, если она полностью вырвется».

Парадокс проревел:

— Да! Я помогу тебе. Коснись сферы!

В это мгновение раздался очередной раскат грома, и Тионика бросилась на Парадокса.

Я успел заметить только вспышку. Тионика обрушилась на Парадокса, духи сплелись в один невообразимый клубок силы. Серо-белая масса её тела ударила в чёрно-синий вихрь, и зал наполнился воем. Загромыхали стёкла витражей. Боль в голове стала почти нестерпимой.

Парадокс отшатнулся. Его огромное лицо исказилось от ярости.

«Ты забыла, кто я, сестра!» — голос его прозвучал не в голове, а в каждой точке пространства. Чёрно-синие вихри вокруг него сгустились, превращаясь в подобие рук.

Тионика рассмеялась. Гром ударил снова, и я почувствовал, как пол под ногами дрожит.

«Сестра? — голос её был ледяным, издевательским. — Нет, ты мне не брат, ты — просто ошибка. Ты родился из моей тени, предатель, и в эту тень я отправлю тебя».

Молнии отделились от её призрачного тела и ударили в Парадокса. Тот завыл, уменьшаясь в размерах. Чёрно-синяя туча его тела разорвалась, но тут же схлопнулась обратно. Он устоял.

— Я не копия, — голос Парадокса упал почти до шёпота, но в нём звучала сталь. — Я — твой тюремщик. И я не позволю тебе выйти. Всеслав, закрывай!

Они столкнулись.

Я не мог смотреть на это прямо — слишком ярко, слишком больно для глаз. Вспышки света вырывали из темноты фрагменты: руку Парадокса, сжимающую горло Тионики; молнии, обвивающие его тело, как змеи; их лица, искажённые ненавистью.

Я стоял у сферы. Кровь всё ещё текла из моего запястья, и я чувствовал, как сфера впитывает её, я почувствовал, как силы постепенно меня покидают, муть застилала глаза.

— Что делать? — крикнул я, не зная, кого из них спрашиваю.

«Коснись сферы!» — заорал Парадокс, уклоняясь от очередного удара. — «Всей ладонью! Представь, что ты закрываешь дверь! Только ты можешь это сделать!»

«Не смей!» — голос Тионики пронзил череп. — «Если ты закроешь её сейчас, я буду мучить тебя всю оставшуюся жизнь! Я найду способ вырваться! Я убью всех, кого ты любишь! Я сделаю так, что ты будешь молить о смерти!»

Я поднёс руку к сфере. Ладонь дрожала. Я слышал голоса теней, умоляющих меня открыть дверь. И голос Тионики, который обещал мне ад.

— Я не боюсь тебя, — сказал я и прижал ладонь к чёрной глади.

Сфера вздрогнула. Пульсация остановилась на мгновение, а потом началась обратная. Я чувствовал это — как сфера затягивает мою силу и меня самого, ощутил как тени внутри неё перестают биться о стенки, как шёпот затихает. Тионика закричала. Она рванулась ко мне, но Парадокс перехватил её. Я видел, как он обхватил её своей тенью, прижимая к себе, не давая добраться до меня.

«Закрывай! — кричал он. — Я держу её!»

Я прижал ладонь сильнее. Кровь из запястья смешалась с поверхностью сферы, и я почувствовал, как она начинает затвердевать, запечатываясь. Чёрная гладь перестала быть подвижной, превращаясь в твёрдую, непроницаемую стену.

Но я чувствовал и другое. Холод, который поднимался по моей руке, проникая в кровь, болело всё — мышцы, кости, тело, душа. Это Тионика пыталась ударить меня, разорвать на части, но у неё ничего не вышло. Сфера засветилось белым светом, и внезапно всё кончилось. Тоника исчезла.

«Ты заплатишь, — голос её был слабее, но всё ещё отчётлив. — Ты заплатишь за это. Я вырвусь. И тогда...»

Я оторвал ладонь от сферы и отшатнулся.

Сфера была спокойна. Тени внутри неё застыли, и я не слышал больше ни шёпота, ни смеха.

Парадокс отпустил Тионику. Та исчезла, растворилась в воздухе, но я знал — она внутри. Она ждала.

— Я закрыл её, — сказал я, падая на колени. Голова кружилась, перед глазами плыло. — Я закрыл...

И потерял сознание.

Очнулся я на холодном полу. Надо мной склонились Ида и Ланской.

— Жив, — сказал Ланской, отпуская мою руку. — Идиот. Ты что, решил проверить сферу на прочность?

— Она... — я попытался подняться. — Тионика... она была здесь. Она практически выбралась.

— Мы знаем, — Ида помогла мне сесть. — Мы видели. Ты стоял у сферы, и молнии били вокруг тебя. Мы не могли подойти.

— А Твердохлебов?

Ида покачала головой.

— Мёртв. Мы нашли его у сферы.

— Нам надо провести ритуал, моя кровь долго не удержит её. Она чудовищна.

Никто мне больше ничего не сказал. В зал уже влетели преподаватели и люди в чёрных сюртуках.

Я закрыл глаза. Тело болело. Внутри, там, где жил Парадокс, было тихо, но я чувствовал его, он был жив и не попал в сферу, а ещё я чувствовал, что мне очень холодно.

— Милсдарь, вы в порядке? — ко мне приближался незнакомый мужчина в строгом чёрном сюртуке с золотым шитьём на воротнике. Сотрудник Тайной канцелярии. Я узнал эту форму — такие же носил Зимин.

— Жив, — ответил я, хотя сам не был в этом уверен.

Мужчина нахмурился, окинул взглядом моё лицо, руки, остановился на запястье, которое всё ещё кровоточило.

— Что здесь произошло? — спросил он. Голос был ровным, официальным, но я чувствовал — он тоже испуган. Все испуганы.

— Сфера, — сказал я, пытаюсь подняться. — Она... была нестабильна. Твердохлебов... он пытался её успокоить. Но не успел.

Я не стал говорить про Тионику.

Мужчина переглянулся с кем-то за моей спиной. Потом кивнул.

— Мы заберём тело профессора. А вас, милсдарь, попрошу пройти с нами. Нужно вас допросить. Господин Зимин уже извещён и он едет сюда. Вы задержаны до выяснения обстоятельств этого дела.

— Он никуда не пойдёт, — голос Иды прозвучал твёрже, чем я ожидал. Она шагнула вперёд, заслоняя меня собой. — Вы видите, в каком он состоянии? Ему нужен целитель, а не допрос.

— Госпожа — мужчина приподнял бровь, — это дело государственной важности. Студент Соколов находился в центре событий. Нам нужно понять, что случилось и тогда мы будем думать, выдвигать ли обвинения.

— Завтра, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Я приду завтра утром. Даю слово.

Сотрудник канцелярии смотрел на меня недоверчиво. Его пальцы теребили золотое шитьё на рукаве. Зимин, скорее всего, даже слушать бы не стал меня, а тут же потащил бы на допрос или сразу в скит.

— Вы понимаете, милсдарь, что если вы не явитесь...

— Я явлюсь, — перебил я. — Сейчас, правда, не до допросов. Мне надо отдохнуть и перебинтовать руку.

Это была правда, хоть кровь остановилась сама, но мне не хотелось, чтобы рана открылась снова.

Молодой следователь помедлил. Потом перевёл взгляд на Иду, на Ланского, снова на меня. Видимо, что-то в моём лице — или в лице князя, стоящего рядом со мной с каменным выражением, — заставило его отступить.

— До девяти утра, — сказал он. — Если вас не будет, мы найдём вас и отправим в тюрьму, будем вести допросы там.

— Я приду.

Он кивнул, развернулся и ушёл, отдавая приказы своим людям. Тело Твердохлебова уже унесли. На полу осталось только тёмное пятно — и запах гари, который я не хотел исчезать.

— Идём, — сказал я Иде и Ланскому. — У нас мало времени.

Мы вышли из главного зала, и я почувствовал, как ноги подкашиваются. Ида подхватила меня с одной стороны, с другой поддерживал Ланской. Он был на удивление услужлив.

— Ты едва стоишь на ногах, — сказала она, — что там произошло?

— Духи едва не вырвались из сферы, Парадокс дрался с Тионикой, а я запечатывал её.

— Значит всё в порядке? Сфера больше не опасна?

Я покачал головой:

— Боюсь, что нет. Это лишь временное решение и у меня складывается ощущение, что очень временное.

Я поёжился, откуда-то из глубины коридора потянуло холодом.

— Что ты задумал, Соколов? — спросил Ланской, шагая рядом. Он был бледен, но держался ровно.

— Ритуал. Мы проведём его сегодня. Тионика запечатана, но не уничтожена. И мне кажется, что она внутри меня. Я чувствую её. Если мы не завершим начатое, она вырвется снова. Я не знаю, когда.

— Ты хочешь провести ритуал сегодня ночью, когда ты едва держишься на ногах?

— А когда ещё? — я остановился и посмотрел на него. — Завтра меня арестуют. Зимин не станет слушать объяснений. Он закроет меня в камере, и я ничего не смогу сделать. А Тионика будет ждать. И она дождётся.

Ланской помолчал. Потом кивнул.

— Тогда идём.

В Западном крыле было тихо. Я толкнул дверь своей комнаты и замер на пороге.

Внутри уже была вся наша весёлая компания.

Данила сидел на моей кровати, Мария стояла у стены, скрестив руки на груди. Семён и Тимофей сидели на полу, разложив перед собой карту академии. На карте были отмечены какие-то ходы.

— Мы ждали тебя, — сказал Данила, поднимаясь. — Новости уже разлетелись. Говорят, Твердохлебов умер.

— Да, — сказал я, закрывая дверь. — Тионика убила его. Как разлетелись? Там же кроме Канцелярии и нас никого не было. Только пара преподавателей.

— В академии много колдунов, да и все слышали, как громыхало в главном зале.

Тимофей поднял голову и посмотрел на меня.

— Я видел вероятности. Сфера почти открылась, но ты успел её закрыть. Но, кажется, это не конец. Вероятности снова сбесились, и я ничего не вижу. Нам надо закрыть сферу?

— Закрыть, — повторил я. — Но не уничтожить. Тионика внутри. И внутри меня.

Я показал им амулет — медную лису с гравировкой «Б. Л.».

— Это медальон Богдана Лисового. Ключ. Мы должны провести ритуал сегодня ночью.

— Ритуал? — переспросила Мария. — Ты хочешь спуститься в подземелье?

— Да.

Она посмотрела на меня так, будто я сошёл с ума.

— Всеслав, ты едва стоишь. Ты не сможешь провести ритуал.

— Я должен. — Я подошёл к столу и положил амулет на бумаги. — Если я не сделаю этого сегодня, завтра меня арестуют. Меня в любом случае арестуют, и тогда вся академия окажется под угрозой, Тионика и другие духи всех уничтожат.

«Она сильнее меня, — раздался голос Парадокса в моей голове.

— Тимофей, — я повернулся к нему, — ты говорил о старых подвалах факультета Грани. Ты знаешь, как попасть в подземелье под сферой?

Тимофей молчал. Потом кивнул на карту.

— Да. Именно этим мы сейчас и занимаемся, кажется, мы нашли ход, но до факультета надо добраться, тем более ночью.

— Сегодня ночью мы идём туда. — Я обвёл всех взглядом. — Ланской — якорь. Ида и я — кровь наследников. Тимофей — проводник. Остальные остаются наверху. Вы будете страховать. Если что-то пойдёт не так, если Зимин или кто-то из канцелярии появится, вы должны нас прикрыть.

Данила хотел возразить, но я покачал головой.

— Я не хочу, чтобы вы погибли. Если мы не вернёмся...

— Не надо, — перебила Ида, подходя ближе. — Не говори этого.

Она взяла меня за руку.

— Мы справимся.

Я посмотрел в её глаза. Светлые, ясные. И в них не было страха.

— Справимся, — повторил я.

Мы разошлись по комнатам, чтобы подготовиться.

Я остался один. Снял мундир, разорвал рубашку, чтобы перевязать запястье, которое всё ещё сочилось кровью. Парадокс молчал. Но я чувствовал его — настороженного, готового.

«Ты боишься, хозяин», — сказал он наконец.

— Да, — ответил я, перевязывая рану тряпкой. — А ты?

«Я — дух. Я не умею бояться так, как вы. Но я чувствую, что это опасно. Тионика будет ждать нас. Она сильна. И она зла».

— Поэтому мы должны действовать быстро.

Я подошёл к окну. За ним — глухая каменная стена. Я привык к ней за время учёбы в академии. Она была единственным постоянным видом из моей комнаты. Сейчас я смотрел на неё и думал о том, что, возможно, вижу её в последний раз.

— Готов? — спросил я.

«Готов, — ответил Парадокс. — Но ты уверен, что справишься без отдыха?»

— Я отдохну. До ночи.

Я лёг на кровать и тут же отключился, надеясь, что друзья меня разбудят.

Глава 17

Меня растолкали, когда за окном уже сгустилась непроглядная осенняя тьма. На секунду я забыл, где нахожусь и что произошло, и только боль в руке напоминала мне о произошедших событиях. Надо мной стоял Данила, мрачный и сосредоточенный. На него это вовсе не было похоже.

— Пора, — голос Данилы звучал непривычно собранно. — Тимофей говорит, что сегодня патрули усилили, но его дух поможет нам преодолеть их. К тому же в схемах она раскопал что-то интересное и говорит, что найдёт короткую дорогу.

Я сел на кровати. Тело ныло, рука пульсировала и мне показалось, что у меня начался жар. Но сон, даже такой короткий, сделал своё дело — голова прояснилась, и страх практически отступил, сменившись холодной, злой решимостью. Я знал, что мне необходимо делать, и понимал, что если я не справлюсь, то сфера долго не выдержит и лопнет, как брошенный на землю арбуз, но вместо сладкой мякоти из него вырвутся духи, и тогда последствия будут самые непредсказуемые.

«Я готов, хозяин, — прошелестел Парадокс где-то на границе сознания. — Но я не смогу сильно помочь, у меня не так много сил. Сражение с Тионикой далось нам с большим трудом, главное, чтобы твоя подружка и князёк не подвели, иначе от нас и мокрого места не останется».

Я проигнорировал последнюю реплику духа. И без него поджилки тряслись. Я быстро оделся и вышел вслед за Данилой в коридор. Здесь меня уже поджидал весь кружок Парадокса. Лица у друзей были мрачные, они понимали, что идут на очень сложное дело и от успеха предприятия зависит очень многое.

— Готовы, заговорщики? — я невольно улыбнулся.

Именно так я и представлял себе заговорщиков против царской семьи, про которых нам рассказывали на занятиях по истории. Такие же злые, готовые на решительные действия, чтобы захватить власть и свергнуть царя. Но в наши задачи не входило никакое свержение. Поэтому ребята лишь кисло улыбнулись и кивнули.

Голубые глаза Иды внимательно сверлили моё лицо.

— А ты готов?

— Да, — кивнул я и достал амулет лисы, — возьми, пусть он будет у тебя.

Девушка протянула руку и я почувствовал касание тонких пальцев. Пальцы у девушки слегка подрагивали и были холодными.

— Всеслав, всё будет хорошо? — с надеждой спросила она.

— Конечно.

— Да ладно вам, чего такие кислые? , — нарушил внезапно повисшую тишину Семён. — Как говорит мой отец: «Ввязывайся в драку, а там посмотрим».

Я усмехнулся. Мрачный юмор Семёна неожиданно помог. Напряжение немного отпустило. Я накинул сюртук, и мы направились в подземелье.

Тимофей повёл нас одной известной ему дорогой — пустые, тёмные, пропахшие вековой пылью коридоры, узкие лестницы. За всю дорогу мы не встретили ни души, ни одного патруля, о которых меня предупреждали. Наши шаги звучали гулко, и каждый скрип половицы заставлял вздрагивать. Семён и Данила замыкали процессию, то и дело оглядываясь, проверяли патрули, но всё было тихо.

Через долгих пятнадцать минут блужданий по тёмным коридорам мы наконец попали на факультет Грани. Всю дорогу я пытался тщательно запоминать маршрут, но сбился на десятом повороте и теперь просто доверился Тимофею.

— Сюда, — наконец Тимофей толкнул неприметную дверь за старым гобеленом, и мы оказались на узкой винтовой лестнице, уходящей куда-то в сырую темноту. — Это старый ход,

им не пользовались лет пятьдесят. Ведёт в смежные с главным залом помещения. Хорошо, что я изучал карты, да?

Мы начали медленный спуск. Воздух становился холоднее с каждым шагом, сырость пробиралась под одежду, а низкий, почти неслышимый гул — тот самый, что я чувствовал у сферы — становился всё отчётливее. Рука под повязкой пульсировала болью, но я старался не обращать на это внимания.

«Она нас ждёт, — прошелестел Парадокс. — И она спокойна. Это плохой знак. Когда она злится, она предсказуема. А когда спокойна... жди беды».

Я не стал передавать слова духа друзьям, они и без того выглядели напуганными.

— Мы словно спускаемся в царство Аида, — сказал Семён у меня за спиной, — Ланской, а тебе не страшно?

Ланской, за всё время не проронивший ни слова, посмотрел на старшекурсника с удивлением, но ничего не сказал.

— Я думаю, нам всем страшно, — тихим шёпотом вместо князя ответила Мария.

Лестница вывела нас в узкий каменный коридор, стены которого были покрыты то ли инеем, то ли солью — белёсый налёт хрустел под ногами. Гул здесь стал таким плотным, что я чувствовал его не ушами, а всем телом, даже костями, словно сфера резонировала в такт с моими телом.

— Дальше прямо, — сказал Тимофей, и я заметил, что голос его дрожит. — Потом должна быть камера, судя по чертежам.

— Судя по чертежам, — эхом повторил Ланской. — А если чертежи врут?

Он наконец заговорил, чем выдал свою нервозность.

— Там это и узнаем, — огрызнулся Тимофей, тоже из страха, чем от реальной злости.

Мы вышли в камеру, и я замер на пороге.

Это было круглое помещение, вырубленное прямо в скале, без единого шва кладки — будто камень сам расступился, освобождая место. В центре, вписанный в пол, светился узор: концентрические круги, пересечённые линиями, сходящимися к середине, как спицы колеса. Свет исходил не от факелов — их здесь не было — а от самих линий, тусклый, зеленовато-серый.

— Это оно, — прошептала Мария. — Круг Колыбели. Точная копия сферы, только... — она обвела рукой пространство, — только это её фундамент. Основание.

«Здесь всё началось, хозяин», — тихо произнёс Парадокс, и впервые за долгое время в его голосе не было ни капли ехидства.

Я сделал шаг вперёд, и линии под моими ногами вспыхнули чуть ярче, словно узнав меня.

— Осторожно, — Данила поймал меня за рукав. — Может, не стоит наступать в самый центр сразу?

— Уже наступил, — я посмотрел под ноги. Вспышка погасла так же быстро, как появилась.

Тимофей развернул карту и сверил её с рисунком на полу, водя пальцем по линиям.

— Смотрите, — он указал на четыре точки по краю круга, отмеченные небольшими углублениями, похожими на чаши. — Здесь должны стоять... не знаю, участники? Судя по всему, ритуал требовал четверых. Якорь. Кровь наследников. Проводник. И жертву.

В камере стало тихо. Слышно было, как капает где-то вода.

— Жертву? — переспросила Ида. Голос её стал совсем тонким. — какую жертву?

Тимофей нахмурился, вглядываясь в схему.

— Написано «дар», не «жертва». Может, я неправильно перевёл со старого шрифта. Но слово однокоренное с «даром крови», не с «даром жизни». Наверное.

— Наверное, — с нажимом повторил Ланской. — Прекрасно. Идём наугад по «наверное» в подземелье, кишашем духами.

— У тебя есть план получше? — я повернулся к нему.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом покачал головой.

— Нет.

Я подошёл к ближайшей чаше на краю круга и заглянул внутрь. Пустая, сухая, с тёмными разводами по стенкам — старая кровь, впитавшаяся в камень так глубоко, что её не смыли даже полвека сырости.

— Ида, — позвал я. — Твоё место здесь, у якорной точки. Ланской — напротив, ты держишь контур. Тимофей — направляешь нас, когда начнётся. Данила, Мария, Семён — вам лучше подождать снаружи, там я видел ещё одну дверь. Если что вы всех предупредите.

— А ты? — спросила Мария.

Я посмотрел на центр узора, туда, где линии сходились в одну точку, похожую на зрачок.

— А я в середине.

Ида подошла ко мне вплотную, и в полумраке я увидел, что её глаза блестят — не от страха, показалось мне, а от чего-то другого.

— Всеслав, мы справимся!

Гул под нашими ногами начал нарастать. Я понял, что сфера наверху снова пришла в движение и готова распахнуться, чтобы выпустить духов.

Я кивнул друзьям и шагнул в центр круга. Линии вспыхнули под ногами — на этот раз не угасая, а начиная светиться с утроенной силой. Зеленовато-серый свет пополз по желобкам, заполняя их, словно вода заполняет русло ручья. Я физически ощутил, как что-то древнее, спавшее здесь десятилетиями, посмотрело на меня. Озноб пронзил моё тело, и я почувствовал, как намокает повязка на руке — это открылась рана.

«Узнала, — прошепел Парадокс. — Сфера помнит твою кровь. Ту, что была до тебя».

Я вытянул левую руку над центральной точкой, тем самым «зрачком», куда сходились все линии и сжал кулак. Капли крови упали с руки. Камень вздрогнул и я почувствовал, как забурлила энергия. Мне было страшно представить, что происходит сейчас там, наверху, возле самой сферы. Надеюсь, все маги, которые должны были там дежурить сейчас уходят, находиться там было бы сейчас очень опасно.

— Ида, — позвал я. — Твоя очередь.

Она подошла к чаше у северного края круга. Её движения были скованными, но решительными. Маленький нож сверкнул в свете линий, и алая кровь закапала в каменную чашу. Свет под ногами сменил оттенок — теперь в нём проступили тёплые, золотистые нотки.

— Ланской!

Князь шагнул к восточной точке. Он не стал резать ладонь заново — просто прижал к чаше предплечье, туда, где ещё недавно багровела отметина. Чистая кожа коснулась камня, и по линии, соединяющей его чашу с центром, пробежала искра.

— Она всё ещё там, — прошептал он. — Не на коже. Глубже. Но я её чувствую.

— Это не сработает, — сказала Мария. Она уже отступила к выходу, где ждали Данила и Семён. — Тимофей, готовься замыкать контур.

Тимофей молча кивнул и встал у последней, западной чаши. Его дух работал на пределе, я видел, как подрагивают его веки, как пальцы беззвучно отбивают ритм по бедру. Он с помощью своего духа просчитывал реальность, выбирая оптимальный момент.

— Сейчас, — вдруг сказал он. — Или никогда. Вероятность успеха — сорок два процента, это максимум.

Я сжал амулет-лису в кулаке и поднял его над головой.

— Тионика! — мой голос разнёсся под каменными сводами, и гул на мгновение стих, словно все духи в сфере разом прислушались. — Я, Всеслав Соколов, наследник крови, открывшей Колыбель, призываю тебя! Выйди! Не через жертву — через дар! Я даю тебе то, чего у тебя не было пятьдесят лет!

Тишина. А потом Сфера над нашими головами, что нависала в главном зале, отозвалась. Её гул пробил толщу камня и земли, и в центре круга, прямо передо мной, из перекрестья линий начал подниматься столб холодного, призрачного света. Он пульсировал, дышал, и в этом дыхании я узнал её.

Она не стала являться в полный рост, как тогда, у сферы. Только лицо — бледное, некрасивое, с глазами, в которых застыла вечность.

— Ты смеешь приказывать мне, наследник? — её голос был тише, чем раньше, но от этого не менее опасным. — Ты, чей прадед заковал нас в этот камень?

— Мой прадед создал Колыбель, чтобы вы не уничтожили мир, — ответил я. — А я предлагаю тебе иное. Не заточение. Дом.

Я разжал кулак с амулетом.

Медная лиса засветилась мягким, тёплым светом — тем самым, что впитала от крови Иды.

Тионика посмотрела на амулет. Потом на меня. Потом на Ланского, стоявшего с вытянутой рукой над чашей. Что-то дрогнуло в её лице — то ли узнавание, то ли ярость, то ли и то, и другое сразу.

— Вы все — такие хрупкие, — сказала она. — Смертные. Что вы можете дать мне, чего у меня нет?

И тут она рассмеялась. Вокруг меня засверкали искры и я понял, что происходит что-то очень плохое. Я бросил взгляд на Иду. Девушка стояла прикрыв глаза рукой, губы её беззвучно шевелились. Перевёл взгляд на Тимофея, который пропускал через себя энергию. Глаза его были напротив широко распахнуты, он с восторгом смотрел на висевшее в воздухе лицо. Когда же я посмотрел на Ланского, то понял, что не так. Князя не было на его месте. Он вышел из круга и сделал шаг по направлению к духу.

— Я выполнил твою просьбу!

Я стоял в центре круга, сжимая амулет, и смотрел на Ланского. Его слова всё ещё звенели в воздухе: «Я выполнил твою просьбу». Тионика парила над нами, и её лицо, только что искажённое яростью, вдруг разгладилось — как море после шторма.

— Ты выполнил, — повторила она, и в её голосе зазвучала интонация, которой я раньше не слышал. Удовлетворение. — Ты привёл их. Всех. Как я просила. И теперь я обрету свободу, а ты будешь награждён, мальчик!

— Ланской, — прохрипел я. — Что ты сделал?

Он обернулся. Его лицо было белым как мел, но глаза... Глаза были сухими и какими-то чужими, будто из них вынули всё человеческое.

— Я получу силу, о которой никто и никогда не мечтал. Тионика, стань же моим духом, как ты и обещала! — голос Ланского дрожал от едва сдерживаемых чувств.

А я уже понял, что наступил конец.

— Бегите! — закричал я друзьям, но было слишком поздно.

Раздался гром, и вспышка молнии озарила комнату. Меня отшвырнуло к стене, как и сегодня днём. Удар выбил воздух из лёгких, перед глазами поплыли тёмные круги. А когда зрение вернулось, я увидел то, что навсегда отпечаталось в памяти.

Ланской стоял, раскинув руки, а Тионика входила в него. Не так, как духи входят в контракт — мягко, словно вода в сосуд. Она врывалась в него, разрывая плоть, а тело его светилось изнутри ледяным, призрачным светом. Он кричал — пронзительно, нечеловечески. Кожа на его лице пошла трещинами, и сквозь них пробивалось сияние, холодное, как дыхание космоса.

— ТЫ ОБЕЩАЛА! — вопль разнёсся под каменными сводами, — НЕТ!

— Я солгала, — ответила Тионика почти ласково. — Я всегда лгу.

И она сжалась.

Тело Ланского схлопнулось внутрь себя — ни крови, ни плоти, только вспышка, ослепительная и беззвучная. А потом то, что осталось, рухнуло на каменный пол: пустая оболочка, мумия, высохшая за одно мгновение.

«Она поглотила его, — прошелестел Парадокс, и в его голосе был ужас. — Она съела его душу, хозяин».

Тионика поднялась над кругом. Она больше не была просто лицом в столбе света. Теперь у неё было тело — призрачное, сотканное из тумана и молний, но тело, практически осязаемое и живое. Она впитала силу Ланского и стала больше. Сильнее. Реальнее.

— Семён! Тимофей! — закричала Мария. — Остановите её!

Семён бросился первым. Он встал на место Ланского у восточной чаши, прижал ладонь к камню, и линия вспыхнула алым — он отдавал свою кровь, свою силу, саму жизнь, чтобы замкнуть контур. Тимофей, не колеблясь ни секунды, шагнул в центр круга, туда, где только что стоял я. Его дух работал на пределе, просчитывая вероятности, ища лазейку, единственный шанс.

— Западная точка держит! — крикнул он. — Северная — Ида! Восточная — Семён! Южная...

Южную точку держать было некому.

Тионика посмотрела на них — на Семёна, который стоял, стиснув зубы, пока сила вытекала из него в камень, на Тимофея, который лихорадочно искал выход. В её глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Вы смелые, — сказала она. — Но смелость не спасает от голода и смерти.

И ударила.

Две молнии сорвались с её призрачных рук одновременно. Одна пронзила Семёна — он даже не вскрикнул, просто застыл у своей чаши, выбеленный, как мраморная статуя. Вторая ударила в грудь Тимофея. Тот попытался отклониться — его дух, наверное, успел предупредить его за долю секунды до удара. Но тела быстрее вероятностей. Молния попала ему в грудь, и он рухнул на каменный пол, раскинув руки.

— ТИМОФЕЙ! — закричала Мария.

Ответа не было.

— СЕМЁН!

Тишина.

Всё произошло за несколько секунд. Я ещё не успел подняться на ноги, ещё не успел осознать, что только что потерял. А Тионика уже повернулась к выходу, где стояли Мария, Данила и Ида.

— Бегите, — прохрипел я. — Бегите сейчас же!

Мария дёрнула Данилу за рукав. Ида замешкалась на мгновение, глядя на меня расширенными от ужаса глазами, но Мария толкнула её к выходу. Их шаги загрохотали по лестнице — вверх, прочь из этого ада.

Я остался один.

Один с тремя телами, ледяным духом и амулетом, который всё ещё был тёплым в моей руке.

Тионика парила надо мной. Она больше не спешила.

— А ты остался, — сказала она. — Храбрый, глупый наследник. Твой прадед был таким же. Думал, что сможет запереть нас навсегда. Думал, что его кровь — это щит. Но кровь — это просто дверь. И ты открыл её для меня.

«Парадокс, — мысленно позвал я. — Что нам делать?»

Молчание.

«Парадокс!»

«Я здесь, хозяин, — его голос был тихим, надломленным. — Но я не знаю. Я чувствую... я чувствую, как там, наверху, рвутся контракты. Десятки контрактов. Преподаватели... сотрудники Канцелярии... все, кто был у сферы...»

Он замолчал. А потом добавил — и каждое слово падало, как камень в пропасть:

«Это ужас, даже я не настолько безумен, как они, как Тионика.».

Я смотрел на Тионику, которая парила надо мной, и чувствовал, как амулет в моей руке становится всё горячее. Часть её, та, что мы успели поймать, всё ещё была там. Малая часть. Но она была.

— Мы не проиграли, — прошептал я.

«Что?»

— Мы не проиграли, — повторил я громче. — Пока я жив. Пока ты жив. Пока этот амулет у меня в руке.

Тионика рассмеялась.

— Ты правда думаешь, что этот кусок меди может удержать меня? Я вырвалась. Я свободна. И я уничтожу всё, что ты любишь. Твою Академию. Твоих друзей. Твою драгоценную Иду. Всё.

— Попробуй, — сказал я, поднимаясь на ноги.

Тело болело. Рука кровоточила. Перед глазами всё ещё стояло лицо Семёна — спокойное, почти умиротворённое в последний миг. Лицо Тимофея, который до конца искал выход. И лицо Ланского — глупого, сломленного мальчишки, поверившего не тому, кому надо.

Ярость заворочалась внутри меня, я почувствовал, как красная пелена затмевает глаза и вскинул руку с амулетом лисы.

«Да, хозяин, — прошелестел Парадокс, и в его голосе зазвучала надежда. — Да. Злись. Злость — это твоё. Не её. Используй это».

Тионика ударила.

Но на этот раз я был готов. Амулет в моей руке вспыхнул ослепительным светом, и я выставил его перед собой, как щит. Молния ударила в мою руку, сжигая плоть, но в тоже время молния ударила и в амулет. Тионика закричала, в этом крике были и боль, и удивление.

— Ты не можешь! — взывала она. — Ты всего лишь человек!

— Я — наследник, — ответил я.

Я сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Тионика отступала. Её призрачное тело мерцало, теряя плотность. Амулет работал — не как тюрьма, а как зеркало. Он отражал её силу обратно.

— Ты не уничтожишь меня, — прошипела она. — Я часть тебя, я внутри. Часть этого места. Ты можешь запереть меня, но я вернусь. Всегда возвращаюсь.

— Знаю, — сказал я. — Но сегодня ты уйдёшь.

Я вытянул амулет вперёд и сжал его со всей силы, высвобождая Парадокса и его мощь. Серебряная вспышка — и Тионика, взыв, рассыпалась на тысячу ледяных осколков. Они разлетелись по камере и растаяли, не долетев до стен.

Тишина.

Я стоял в центре разрушенного круга. Линии на полу погасли. Чаши опустели. Трое моих друзей лежали на каменном полу, и я ничего не мог для них сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.